

А. А. Миронос

РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ
И НАУКА

Министерство образования Российской Федерации
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

А. А. МИРОНОС

РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ И НАУКА

НАУЧНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ
МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА

Монография

*Андрею Васильевичу
Сезову - с искренней
благодарностью за под-
держку А. Мирноса*

Нижний Новгород
Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского
2000

ББК Х 401.122.21 + ч 21
УДК 342.518
М 64

Научный редактор
докт. ист. наук, профессор В. А. Китаев

Рецензент
докт. ист. наук, профессор А. В. Седов

Миронос А. А.

М 64 Российская бюрократия и наука: Научные подразделения министерств и ведомств в первой половине XIX века: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2000. — 199 с.

ISBN 5-85746-480-3

В монографии рассматривается история становления системы ведомственных научных подразделений в структуре административного управления России первой половины XIX в. Автор анализирует предпосылки и условия возникновения министерских ученых комитетов и советов, роль ведомственной вспомогательной науки в выработке и реализации правительственной политики в дореформенное время.

Книга рассчитана на специалистов в области российской истории XIX в., истории науки, а также на более широкий круг читателей, интересующихся данной проблематикой.

0503020200-615
М 1187(03)-2000

ББК Х 401.122.21 + ч 21
УДК 342.518

ISBN 5-85746-480-3

© Миронос А. А., 2000

ВВЕДЕНИЕ

Предметом исследования монографии является процесс возникновения и развития в России в дореформенную эпоху ведомственной вспомогательной науки — подразделений, существовавших в структуре органов исполнительной власти и призванных выполнять научно-вспомогательные функции. Это были ученые комитеты и советы при министерствах и ведомствах и их подразделения в провинции. Научно-вспомогательные подразделения создавались в министерствах и ведомствах на протяжении первой половины XIX столетия и формировали структуру ведомственной науки.

Казалось бы, очевидно архаичный характер социальных и политических институтов Российской империи, крепостническая экономика дореформенной эпохи не оставляли места сколь-нибудь значимому сотрудничеству науки и власти. Между тем очевидные исторические факты — систематические и целенаправленные шаги по созданию структуры министерских научно-вспомогательных подразделений в большинстве ведущих ведомств в 1802 — 1830-е гг. и их последующее развитие — побуждают считать задачу выявления причин, обстоятельств и особенностей этого процесса по меньшей мере актуальной.

Актуальность тематики исследования обусловлена и тем, что ученые комитеты и советы министерств и ведомств оказались сопричастны многим важным проблемам государственной политики первой половины XIX столетия, от крестьянского вопроса до развития ведущих отраслей национальной промышленности и совершенствования системы образования.

В предлагаемой читателю книге делается попытка выявить предпосылки и условия возникновения научно-вспомогательных подразделений в системе властных органов Российской империи. В работе рассматривается процесс создания и развития структуры ведомственной науки на протяжении первой половины XIX в. Автор попытался определить круг задач и

направлений деятельности ученых комитетов и советов, а также охарактеризовать их кадровый состав, что позволяет более определенно говорить о роли и месте этих подразделений как в системе власти, так и в системе организации науки.

Хронологические рамки исследования охватывают целостный период от возникновения первых научно-вспомогательных подразделений в структуре органов центрального административного управления до реформ 60-х гг. XIX в., к началу которых создание структуры вспомогательной ведомственной науки в целом завершилось.

В литературе, посвященной дореформенному развитию России, проблема ведомственной науки до настоящего времени не рассматривалась как предмет самостоятельного изучения. Достаточно глубокое ее исследование неизбежно требует обращения как к истории государственных учреждений, так и к истории науки, совмещая две традиционно самостоятельные сферы исторических исследований. Ни историки государственных учреждений, ни специалисты в области истории науки пока не уделили обозначенной проблеме должного внимания. Историография вопроса, таким образом, представлена незначительным числом работ, затрагивающих интересующую нас тему в контексте смежной исторической проблематики.

Сведения о некоторых ученых комитетах и советах министерств и ведомств нашли свое отражение в целом ряде работ дореволюционной историографии, воссоздающих историю центральных государственных учреждений. Пиком в развитии данного направления, которое условно может быть названо «ведомственной историографией», стал 1902 г., когда большинство центральных ведомств империи отмечали столетние юбилеи своего существования. В исторических описаниях министерств приводилась, как правило, и краткая информация по истории научно-вспомогательных подразделений¹. Некоторые ученые комитеты и советы — такие, как Медицинский совет Министерства внутренних дел, Ученый комитет Министерства народного просвещения, — стали предметом и самостоятельного «юбилейного» описания².

Анализ этой категории исторических трудов неоднократно проводился в литературе³. Их ценным качеством является включение большого объема фактологического материала, извлеченного из ведомственных архивов, нередко публикация в виде приложений комплексов источников⁴. Как исторические исследования данные работы носят по преимуществу апологетический характер. Но наиболее важно, что история министерств и министерских

подразделений рассматривается в них как саморазвитие конкретных отраслей государственного управления. Иными словами, ведомственная точка зрения авторов является своеобразной методологической позицией.

Таким образом, разрозненная и далеко не полная информация о научно-вспомогательных подразделениях в дореволюционных публикациях носит характер «штучных» описаний и не дает представления о системе и ее эволюции в целом.

В советский период и в 1990-е гг. интересующие нас вопросы затрагивались в основном в контексте исследований по истории российской науки XIX в. Краткий обзор ученых комитетов министерств и ведомств как одной из форм организации науки представлен в коллективных «Очерках истории организации науки в Ленинграде. 1703 — 1977 гг.»⁵. Столь же беглая характеристика ученых комитетов дана в учебном пособии А. Д. Степанского, где освещаются основные этапы развития и типы научных учреждений и организаций в России XVIII — начала XX в.⁶

Развернутую характеристику развития науки и становления структуры научных учреждений в первой половине XIX в. представила в своей монографии Г. Е. Павлова. Ученым комитетам и советам министерств в ее работе посвящен самостоятельный параграф⁷. Г. Е. Павлова отмечает, что «история организации и деятельности этих учреждений (ученых комитетов и советов. — А. М.) представляет одну из интересных страниц отечественной науки, но... ни в дореволюционной, ни в советской историографии нет даже общего очерка о деятельности этой формы организации науки»⁸.

В объемной по масштабу охватываемого материала работе автор, однако, не уделяет значительного места интересующим нас вопросам, ограничившись общим очерком нескольких основных «ученых» министерских подразделений. Г. Е. Павлова рассматривает ученые комитеты и советы в качестве одной из форм организации науки. По ее мнению, они соединяли «исследовательские и управленческие функции» и являлись «своеобразными центрами научной и технической мысли... в дореформенный период»⁹.

Существенное значение в аспекте обозначенной темы имеет и монография Е. В. Соболевой¹⁰, также посвященная вопросам организации науки в России, но в пореформенное время. Хотя хронологически эта работа выходит за рамки исследуемого нами периода, она интересна тем, что в ней автор пытается дать общую характеристику роли и места ученых комитетов и советов в структуре организации науки. Е. В. Соболева определяет их как

«учено-административные учреждения», считает органами управления наукой в рамках отрасли. Она выделяет и новый тип подобных подразделений: технические комитеты, которые, по мысли исследователя, во второй половине столетия получают преобладающее развитие¹¹.

В данных работах впервые была сделана попытка выявить характерные черты организационного устройства, спектр направлений деятельности ученых комитетов как одной из составляющих организации науки в России XIX в. Однако поставленные исследователями конкретные задачи, а также объемность и разноплановость материала обусловили беглый характер освещения истории научно-вспомогательных подразделений. Не удалось авторам избежать и ряда фактологических неточностей.

Интересующая нас проблема затрагивается в статье М. Ф. Харганович, посвященной роли и месту Императорской Академии наук в системе научных учреждений второй четверти XIX в.¹² В публикации обстоятельно рассматриваются связи, существовавшие между академией и учеными комитетами министерств. Автор в своем определении роли и места ученых комитетов солидаризируется с оценками, высказанными Г. Е. Павловой¹³.

Помимо работ по истории организации науки важное место в освещении избранной нами темы следует отвести исследованиям, посвященным истории государственных учреждений и отдельным аспектам внутренней политики российского государства в первой половине XIX в.¹⁴ Не затрагивая непосредственно деятельность «ученых» подразделений, эти работы раскрывают тенденции государственного строительства и государственной политики, являвшихся фоном, на котором происходила эволюция научно-вспомогательных министерских подразделений.

Существенный интерес представляют исследования, посвященные развитию общественной мысли, выработке планов реформ в 40 — 50-е гг. XIX в.¹⁵ Ученые комитеты и советы, аккумулировавшие значительные массивы научных и статистических данных, активно взаимодействовавшие с широким кругом столичной бюрократической и научной элиты, вовлекались в процесс формирования основных направлений реформ государства и общества.

Немало ценных сведений, связанных с выделенной проблемой, содержит литература, посвященная научным обществам в XIX в., истории развития отдельных отраслей науки и техники, персоналиям — жизни и деятельности выдающихся русских ученых, многие из которых имели отношение к работе научно-вспомогательных подразделений министерств и ведомств. Ввиду обширности этой

литературы мы укажем соответствующие издания в тексте монографии.

В ходе работы над темой были привлечены разнообразные источники, с опорой на которые и была предпринята попытка дать характеристику системе ведомственных научно-вспомогательных подразделений в России первой половины XIX в.

Весьма значимым является комплекс законодательных источников. Ученые комитеты и советы министерств, как и другие ведомственные подразделения, создавались, реорганизовывались, упразднялись в соответствии с высочайшим утверждением, что автоматически придавало соответствующим положениям статус закона. Полные собрания законов Российской империи: Собрание 1-е и 2-е (далее — ПСЗ-1, ПСЗ-2), Своды законов Российской империи (СЗ) являются чрезвычайно информативным комплексом источников, содержащим положения о деятельности научно-вспомогательных подразделений, штаты и другие важные данные. К этой же группе относятся Своды военных (СВП) и морских (СМП) постановлений.

Объемный блок источников составляют официальные ведомственные издания: отчеты о деятельности министерств и их департаментов, ученых комитетов и советов. Они содержат разнообразную информацию о текущей работе и ее итогах за определенный период. Важные данные удастся почерпнуть из списков служащих ведомств, каталогов министерских библиотек и других подобных изданий.

К самостоятельной группе источников можно отнести монографии и периодические издания, публиковавшиеся учеными комитетами и советами. Являясь продуктом их деятельности, эти издания в то же время содержат немало сведений о самих научно-вспомогательных подразделениях. Кроме того, будучи массовым источником, эта группа материалов послужила для количественного анализа одной из важнейших составляющих деятельности ученых комитетов — издательской деятельности.

В работе использована и такая группа источников, как воспоминания, автобиографические записки и тому подобные мемуарные материалы, связанные с именами известных российских ученых, входивших в состав ученых комитетов.

Наконец, для работы над исследованием были привлечены архивные материалы делопроизводственного характера из фондов научно-вспомогательных учреждений министерств и ведомств. В их составе данные, раскрывающие повседневную работу комитетов и советов, сведения о финансировании этих подразделений, про-

екты организации новых и реорганизации существующих научно-вспомогательных учреждений, переписка с научными обществами, учебными заведениями и т. д.

Настоящая работа не претендует на исчерпывающее освещение истории и деятельности ученых министерских подразделений в исследуемую эпоху. Богатство материала и обилие проблем оставляют обширное поле для разработки конкретных вопросов в русле самостоятельных исследований. Основное внимание автор сосредоточил на выявлении общих тенденций развития структуры научно-вспомогательных подразделений министерств и ведомств дореформенной эпохи, определении их реальной роли и места в системе государственного управления.

* * *

Автор выражает искреннюю признательность за советы и полезные замечания, высказанные в ходе работы над книгой:

заслуженному деятелю науки РФ, академику, доктору исторических наук, профессору О. А. Колобову;

академику, доктору исторических наук, профессору Н. Ф. Филатову;

кандидату исторических наук, доценту Н. А. Богородицкой.

Особая благодарность — доктору исторических наук, профессору В. А. Китаеву и доктору исторических наук, профессору А. В. Седову, взявшим на себя труд критически оценить подготовленную рукопись.

СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ХОДЕ РЕФОРМ 1802 — 1809 гг.

Возникновение научно-вспомогательных подразделений, как и большинство других новаций первого десятилетия XIX в., имело свою предысторию. С учетом накопленного в предшествующем XVIII столетии потенциала идей, опробованных, но не доведенных до логического завершения начинаний создание ученых подразделений являлось продолжением начавшегося вместе с эпохой Просвещения процесса вовлечения научного знания в наиболее значимые сферы экономики и общественной жизни.

В 60—80-е гг. XVIII в. можно выделить по меньшей мере три существенных начинания, каждое из которых наглядно продемонстрировало, с одной стороны, постепенное накопление комплекса объективных предпосылок, вызвавших к жизни в структуре властных органов вспомогательные научные подразделения; с другой — относительную слабость этих импульсов, несоответствие уровня развития экономики, построенной на крепостническом основании, образованности правящей элиты, в конечном счете, общества в целом требованиям продуктивного взаимодействия науки и социальной практики.

В 1763 г. под непосредственным патронажем Екатерины II в России была учреждена Медицинская коллегия — орган, призванный решать объемный блок вопросов здравоохранения, развития медицинского образования и науки¹⁶. Задачи организации государственной медицинской службы остро стояли в государстве, и, по солидарному мнению историков медицины, главным звеном в решении этой проблемы являлось создание системы подготовки национальных медицинских кадров и развитие медицины как науки¹⁷.

Организация центрального медицинского управления была поручена одному из наиболее образованных вельмож екатерининского времени — барону А. И. Черкасову, получившему образование в Кембридже¹⁸. В соответствии с проектом Черкасова, Медицинская коллегия образовывалась из двух департаментов, первый из которых получил название Коллегии докторского и лекарского искусства и был призван заниматься развитием медицинской науки, а с 1764 г. ему было предоставлено право экзаменовывать «всех обучавшихся сей науке и производить в докторы медицины»¹⁹.

Медицинская коллегия сыграла значительную роль в налаживании государственной медицинской службы, однако, как установил исследователь ее истории М. Б. Мирский, реальная роль Коллегии докторского и лекарского искусства в развитии медицинской науки начала проявляться лишь в 90-е гг. XVIII столетия²⁰. С введением должности ученого секретаря и назначением на нее И. И. Виена коллегия начинает обращаться к практикующим медикам империи с предложениями присылать «научные наблюдения» — т. е. научные работы. Однако издать лучшие из них удалось лишь в 1804 г.²¹

В начале 60-х гг. XVIII в. гениальный русский ученый М. В. Ломоносов выступает с предложением учредить в России Государственную коллегия земского домостроительства*. Рост национальной экономики, постепенное увеличение городского населения, рост торговых связей придавали вопросу совершенствования технологий сельскохозяйственного производства особую актуальность. Между тем проект не только не был реализован, но и текст его был опубликован лишь спустя более чем столетие после его создания. Одним из первых обратил внимание на значение этого текста В. В. Орешкин в ходе исследования предпосылок учреждения Вольного экономического общества²². По мысли автора, именно эти идеи Ломоносова легли в основание устава общества²³.

Вместе с тем следует отметить, что «Мнение об учреждении Государственной коллегии земского домостроительства» (1763) предполагало создание именно государственного органа, занимающегося вопросами сельского хозяйства, его развитием и совершенствованием на основах науки. К деятельности государственной коллегии должны были быть привлечены в качестве консультантов специалисты в области механики, химии, ботаники, геологии и других наук, связанных с аграрным производством, а также практики сельского хозяйства²⁴. Ломоносов предполагал создание сети корреспондентов коллегии в губерниях и ее подразделений в провинции для сбора необходимых сведений. В планы учреждения Государственной коллегии земского домостроительства входило и создание опытной базы, налаживание сбора научной литературы по вопросам сельского хозяйства и издание практических рекомендаций на основе научных исследований²⁵.

* Под термином «земское домостроительство» подразумевался весь комплекс вопросов, связанных с аграрной экономикой и производством (см.: Орешкин В. В. Вольное экономическое общество в России. 1765—1917. М., 1963. С. 15).

Таким образом, «Мнение...», подготовленное Ломоносовым, с полным правом можно назвать проектом организации сельскохозяйственного научно-вспомогательного учреждения в структуре государственного управления. Проект предвосхитил появление соответствующего подразделения в рамках Министерства государственных имуществ на 75 лет (Ученый комитет МГИ будет образован в 1838 г.). Полная его реализация в том виде, как он представлялся М. В. Ломоносову, началась лишь после 1894 г. с созданием в структуре Министерства земледелия и государственных имуществ разветвленной системы научных бюро ученого комитета, т. е. через 131 год после написания «Мнения...» и спустя 23 года после опубликования текста М. В. Ломоносова историком его творчества А. С. Будиловичем²⁶.

Третьим примером, заслуживающим внимания как наглядное подтверждение незрелости предпосылок для устойчивого развития специализированных научно-технических учреждений в российских условиях во второй половине XVIII в., является нереализованная попытка учреждения Корпуса гидравликов (Корпуса водяных архитекторов и гидравликов). Указы о создании этого подразделения были подписаны в 1782 г.²⁷ и предполагали открытие под руководством генерал-инженера Ф. В. Бауэра специального учреждения «для сочинения планов, для управления и производства работ»²⁸ и т. п.

Историки Д. Ю. Гудзевич и И. Д. Гудзевич провели скрупулезную работу с целью выяснить судьбу этого учреждения²⁹. Проект Бауэра был направлен на «институализацию инженерной профессии, разделение транспортно-гидротехнической и военно-инженерной» сфер профессиональной деятельности, что должно было быть обеспечено и соответствующей перестройкой специального образования³⁰. Как удалось убедительно доказать авторам, корпус так и не был создан, поскольку инициатор этого начинания и в перспективе руководитель корпуса Ф. В. Бауэр умер через три месяца после подписания императрицей указов о его создании. Таким образом, судьба учреждения оказалась в буквальном смысле этого слова «намертво» связана с судьбой своего основателя, преемника которому не нашлось³¹.

Итак, развитие науки и структуры государственных учреждений в XVIII в. вплотную подвели к созданию ведомственных научно-вспомогательных подразделений, обеспечили необходимый комплекс идей и организационных наработок, но реализовать на практике подобный синтез удалось лишь в XIX в.

Первое десятилетие XIX в. — особый период в истории взаимо-

действия науки и государственного управления, что заставляет рассмотреть его детально. По меньшей мере два обстоятельства, значение которых трудно переоценить для последующего развития России, имеют свой исток в 1801—1811 гг.

Во-первых, это создание системы народного образования, которое ознаменовало огромный шаг в развитии просвещения в России. Знание, наука на практике делаются и условием, и инструментом развития общества и государства.

Во-вторых, это рождение министерской системы центрального государственного управления. Причем этапное значение имело не столько создание самих министерских структур, безусловно, далеких от идеала, сколько комплекс либеральных идей законности и эффективности государственного управления, попыткой воплощения которых они являлись.

Для нашего исследования первоочередным обстоятельством является тот факт, что именно в ходе министерских реформ, коренным образом изменивших центральное административное управление, происходит выделение научно-вспомогательных подразделений в качестве самостоятельных структурных составляющих правительственного аппарата, иными словами, рождается вспомогательная ведомственная наука.

Появление того или иного института в историческом контексте имеет свою логику, предпосылки и последствия. С точки зрения условий дальнейшего развития, первое десятилетие XIX в. с очевидной ясностью обозначило начало нового периода существования науки в российском обществе. Начинается период широко-масштабного синтеза, «встраивания» европейского научного знания в состав основных социальных институтов общества: образования, государственного управления, промышленности, экономики в целом. Объективные потребности развития России диктовали необходимость кардинального обновления, и силы, накопленные в предшествующем XVIII столетии, в эпоху Просвещения, начинают находить многочисленные практические, «прикладные» воплощения.

С точки зрения последствий, первое десятилетие XIX в. в истории научно-вспомогательных подразделений министерств и ведомств являлось периодом становления, поиска организационных форм, определения задач и функций. Возникнув, те или иные институты приобретают известную историческую инерцию, сохраняя, порой на длительное время, свои базовые черты, формы и т. п. Таким образом, процесс и условия начального формирования ученых комитетов и советов чрезвычайно важны для понимания

их последующего развития на всем протяжении XIX столетия.

Это столетие началось в России вступлением на престол Александра I — не только хронологически, но и в сущностном плане. Перед обществом обозначились горизонты нового века. Однако «новый век» и новое царствование начались декларированным в манифесте о вступлении на престол лозунгом возврата к управлению по «законам и по сердцу бабки своей — Екатерины Великой». На практике же этот лозунг не мог быть воплощен в действительность, особенно в сфере государственного управления.

Прошедшее со смерти Екатерины II пятилетие, как, впрочем, и итоги самого «блестящего царствования», наглядно выявили к моменту вступления на престол Александра Павловича не только сильные стороны преобразований, осуществленных в сфере государственного управления России, но и сопутствующие им трудности.

В соответствии с положениями губернской реформы Екатерины II на местах были учреждены казенные палаты, которые взяли на себя все хозяйственное и финансовое управление, сосредоточенное ранее в коллегиях. Эти новации логично привели к упразднению с 1781 г. коллегий, кроме трех государственных (армия, флот, иностранные дела) и Коммерц-коллегии. Центральное государственное управление, таким образом, оказалось «распыленным» между департаментами Сената, генерал-прокурором и оставшимися коллегияльными органами. Проблема заключалась не только в том, что к концу XVIII в. отсутствовала стройная система центральных органов государственной власти, но и в ограниченных возможностях губернского управления как такового. В известном смысле был достигнут предел децентрализации управления.

К концу столетия наглядно выявилась неспособность губернских учреждений взять на себя реальное руководство целым рядом отраслей государственного хозяйства. В частности, передача на места в ведение казенных палат горного и лесного управления уже к 90-м гг. XVIII в. выявила свою несостоятельность, и в 1796 г. воссоздается Берг-коллегия с подведомственными ей структурами местного горного управления, а в 1798 г. управление казенными лесами сосредоточивается в Лесном департаменте Адмиралтейской коллегии³².

Павел I восстановил и остальные уничтоженные его матерью центральные органы управления государственным хозяйством: Соляную контору, Мануфактур-коллегию и прочие центральные правительственные структуры. Однако эти органы уже «не вписы-

ния в комиссиях для выработки законодательных предположений, включал в себя исторический экскурс и оценку состояния дел в том или ином ведомстве, как правило, от эпохи Петра I. Затем следовал анализ современного опыта европейских стран и, как итог, определение круга задач преобразуемого или создаваемого вновь министерского департамента, мер и способов их осуществления.

Общим местом в выводах комиссий и комитетов стала критика недостатков коллегиального устройства. Опираясь на конкретные ведомственные примеры, она подтверждала новыми фактами уже сделанный вывод: на смену коллегиальному идет бюрократическое (в терминологии тех лет) начало. Совещательные органы при этом не упраздняются, но начинают играть вспомогательную роль, дополняя облеченную властью и ответственностью исполнительскую вертикаль.

Значительный интерес к опыту европейских стран, который отчетливо проявился еще в работах Негласного комитета, получил дальнейшее развитие в ходе реформирования центральных административных учреждений. Попытка использовать лучший европейский опыт государственно-административного устройства, каковым в те годы представлялся опыт наполеоновской Франции, требовала качественно иного уровня доступности иностранной литературы соответствующего профиля. Правительство стремилось обеспечить решение этой задачи различными способами. По подсчетам А. А. Корнилова, в течение 1801—1805 гг. было выделено свыше 60 тыс. руб. субсидий на перевод и издание на русском языке политических, экономических, юридических и философских трактатов Смита, Монтескье, Мабли, Делольма и других авторов⁴⁰. Уже в этот период в министерских канцеляриях и департаментах активно комплектовались ведомственные библиотеки, в штат вводятся чиновники, ответственные за подбор и реферирование иностранной литературы и периодики.

Как отмечалось выше, манифест «Об учреждении министерств» лишь разделил сферы компетенции министров. Организация практической управленческой деятельности на новых основаниях требовала более детальной проработки как самого предмета ведения, так и «управленческого инструментария».

Предпринятые в рамках комитетов и комиссий изыскания наглядно показали, что помимо текущих, рутинно-канцелярских дел, требующих стандартно-бюрократического реагирования, выделяется круг вопросов, для решения которых необходимо использовать данные науки, привлекать соответствующим образом подготовленных специалистов. Только так можно было достичь эффек-

тивного развития армии, флота, отечественной промышленности, без которых роль и значение России как европейской державы обеспечены быть не могли.

Таким образом, вопросы преобразования системы государственного управления вплотную смыкались с не менее, если не более сложной и объемной задачей коренного изменения роли и значения науки и образования в обществе, придания им реального социального статуса. Ее первоочередным, с точки зрения реформирования системы управления, но частным аспектом было повышение образовательного уровня чиновничества. Естественно, в реальной исторической практике все эти задачи выступали в нерасчлененном комплексе, составляя одну из острых проблем начала XIX столетия: «просвещение, общество, государственная власть». Не претендуя на полное раскрытие этой обширной темы, остановимся на тех ее аспектах, которые вплотную касаются интересующего нас вопроса.

Образовательный уровень российского чиновничества во второй половине XVIII и первой четверти XIX столетия, обстоятельно изученный С. М. Троицким и С. В. Мироненко, был весьма невысок: более трех четвертей чиновников приступали к службе, имея лишь домашнее образование. Среди правящей бюрократии (II—VI классы) в конце царствования Александра I только от 20 до 25% имели то или иное специальное образование⁴¹ — а именно это поколение составляло деятельную часть чиновного корпуса в 1800—1820 гг. Конечно, качество домашнего образования могло быть и зачастую было весьма высоким, особенно в состоятельных дворянских семьях. Однако государство в сложившейся обстановке фактически не могло влиять на уровень подготовки будущих сотрудников правительственного аппарата.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в жесткой чиновной структуре российского общества на рубеже XVIII—XIX вв. профессиональные деятели науки и образования — ученые и преподаватели — оказывались, в известном смысле, маргиналами. Их социальный статус, определенный частными и устаревшими законодательными положениями, не был вписан в эту структуру, хотя они и обладали рядом сословно-корпоративных привилегий, в том числе закрепленных екатерининскими законоположениями 1785 г.⁴² Выпускники высшей школы еще в XVIII в. мобилизовывались правительством для решения задач, требовавших специальных знаний и соответствующей подготовки⁴³. Однако статус их оставался неопределенным, и службу им приходилось начинать на общих основаниях.

Символично, что уже 8 сентября 1802 г. — в день обнародования манифестов о начале преобразования органов центрального управления — учреждается Комиссия об училищах, главной задачей которой становится выработка плана развития системы образования. Наука и образование отчетливо воспринимались наследниками «века Просвещения», каковыми были ближайшие сотрудники Александра I и сам молодой самодержец, в качестве главных условий, «столь необходимых для благоденствия народов»⁴⁴. Просвещение и свобода выступали, таким образом, в тесной взаимной связи в разрабатывавшихся планах политического реформирования России.

Просвещение рассматривалось и как основа для создания эффективного государственного аппарата. В записке «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», подготовленной М. М. Сперанским в 1803 г. по поручению императора, как один из главных вопросов, без решения которых невозможно было, по мысли составителя, приступить к усовершенствованию системы государственного управления, рассматривался вопрос образования чиновничества. «Каким образом может быть обеспечено самое исполнение без просвещения и обилия в исполнителях?» — спрашивал Сперанский. И сам отвечал на этот вопрос: «Просвещение, честь и деньги суть стихии, входящие главным образом в состав доброго управления; без них никакие учреждения, никакие законы не могут иметь силы»⁴⁵.

В Комиссию об училищах, состоявшую под управлением министра народного просвещения графа П. В. Завадовского, входили князь А. Чарторыйский и, помимо вельмож Северина-Потоцкого, Клингера и Хитрова, академики Н. Я. Озерцовский, Н. М. Фус. В качестве правителя дел в ее состав был включен В. Н. Каразин. Комиссии было поручено составление «полного плана для скорейшего и надежнейшего достижения своего назначения»⁴⁶. Ее главной целью являлось образование «повсеместно просвещенных и благонравных граждан для всех родов службы и должностей общественных»⁴⁷ (курсив мой. — А. М.). Таким образом, образовательные задачи выдвигались в тесной связи с практическими нуждами государственного управления.

К январю 1803 г. комиссия, к этому времени уже преобразованная в постоянный орган — Главное правление училищ, подготовила проект «Об устройстве училищ», ставший планом реформы народного образования. Утвержденные Александром I «Предварительные правила народного просвещения» определили создание на территории империи шести учебных округов, в каждом из

которых выстраивалась последовательная система образовательных учреждений: приходские и уездные училища, губернские училища или гимназии и университеты. Четырехуровневая система учебных заведений одновременно отвечала и сословной структуре общества «соответственно обязанностям и пользам каждого состояния»⁴⁸.

Важным элементом реформы стало введение служебных привилегий для выпускников университетов, получающих ученые степени: степень кандидата давала право на вступление в службу с чином XII класса, степень магистра — IX, а степень доктора — VIII класса⁴⁹.

Утвержденный в 1803 г. новый Регламент Академии наук ввел в систему государственных чинов и академические должности: ординарные академики, экстраординарные академики и адъюнкты получали чины коллежских советников (VI класс), надворных советников (VII класс) и коллежских ассессоров (VIII класс) соответственно⁵⁰.

В соответствии с «Предварительными правилами...» по прошествии пяти лет с начала реформы, т. е. с 1808 г., «ни в какой губернии никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»⁵¹.

Следующим важным шагом в становлении системы высшего образования в России стало принятие в 1804 г. первого типового университетского устава. В его основу был положен, по верному наблюдению Г. Е. Павловой, принцип академической корпорации, роднивший его с Регламентом академии⁵².

Опираясь на изложенные выше факты, отметим, что принципы академической корпоративности в первом десятилетии XIX в. выступали в качестве универсальных при решении практически всех вопросов организации науки и деятельности научных структур. Корпоративные свободы и демократическое устройство, таким образом, воспринимались не только самой научной общественностью, но и правительством в качестве их неотъемлемых свойств.

Университетский устав предусматривал создание при университетах современной научно-вспомогательной базы — типографий, лабораторий, кабинетов и т. д. Университеты должны были выступать и действительно стали центрами, аккумулирующими научные силы. Этому способствовали институт почетных членов и членов-корреспондентов и, в особенности, право создавать научные общества⁵³. Уже в первое десятилетие XIX в. при Московском университете возникают Общество испытателей природы и Об-

щество любителей математики, при Московском и Казанском университетах — Общества любителей российской словесности.

Однако, несмотря на энергичные действия правительства, подкреплявшиеся в 1802—1805 гг. и весьма существенными ассигнованиями (на каждый из шести существовавших университетов отпускалось 130 тыс. руб. в год⁵⁴, а в целом по народному образованию в первое пятилетие ассигнования составили сумму до 2 млн. 800 тыс. руб.), успехи в подготовке дворянской молодежи для чиновничьей службы оказались более чем скромными.

Законодательным подтверждением и одновременно развитием положения «Предварительных правил...» об обязательном образовательном цензе для поступления на государственную службу стал принятый в 1809 г. по инициативе государственного секретаря М. М. Сперанского указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники».

Как отмечалось выше, прошедшее с 1803 г. пятилетие, отпущенное планом реформы на постепенное внедрение образовательного ценза в практику гражданской службы, не принесло ожидавшихся результатов. «Предполагаемо было, что все свободные сословия, и особенно сословие дворянское, с поревнованием воспользуются открытием университетов, гимназий, училищ... но предположения сии, — вынуждено было констатировать правительство, — доселе не восприяли еще своего действия»⁵⁵. Лишь Дерптский и Виленский университеты не испытывали недостатка в желающих обучаться⁵⁶. Убеждение как метод пришлось заменить принуждением. И указ 6 августа 1809 г. ввел образовательный ценз в законодательном порядке: начиная с VIII класса (коллежского асессора) университетское образование становится обязательным условием при определении на службу.

Указ, как известно, вызвал глухое неодобрение дворянства и отнюдь не способствовал росту популярности М. М. Сперанского. Однако он реально обозначил объективную потребность государственного аппарата в реформах образования, невозможность организации управленческой деятельности в новых условиях без кардинального повышения образовательного уровня чиновников, в конечном счете без применения в государственном управлении возможностей, предоставляемых наукой.

Таким образом, начавшееся реформирование органов центрального управления неизбежно должно было учитывать весьма скромный потенциал образованных кадров, находившийся в распоряжении правительства.

Итак, уже в 1802—1803 гг. в ходе реорганизации коллегий, определения функций и задач создававшихся департаментов и экспедиций начинается выделение «частей управления» внутри министерств.

С одной стороны, выделялись части «хозяйственные», «строительные», «воинские» и т. д. (терминология была не устоявшейся). С другой — части «ученые», «искусственные»*, «художественные». Первая группа «частей управления» противопоставлялась второй как по характеру вопросов, так и по средствам их разрешения. Вопросы «ученые» и «художественные», как обычно указывалось, требовали зрелого рассуждения, привлечения людей «известных в науках».

Если первая группа вопросов могла быть реализована наличным чиновничьим аппаратом, то вторая требовала как качественно иных организационных форм работы, так и соответственно подготовленных сотрудников. Дилемма, таким образом, выглядела следующим образом: или образовать чиновника, сделав его если не «ученым», то хотя бы способным отвечать предъявляемым повышенным требованиям, или мобилизовать на решение задач административного управления наличный состав профессиональных научных кадров. Именно на пересечении этих двух одинаково трудно реализуемых возможностей возникают первые ученые комитеты и советы как структурные подразделения министерств.

Итак, немаловажным этапом на пути реформирования государственного аппарата и выделения в его структуре подразделений, выполняющих научно-прикладные функции, было новое определение задач органов административного управления.

На первом этапе, в 1802—1803 гг., центр разработки административных преобразований сосредоточился в Министерстве внутренних дел. Фактически центральное положение МВД в развитии административной реформы не случайно. Во-первых, именно это министерство оказывалось наиболее тесно связанным как с органами губернского управления, так и с важнейшими секторами национальной экономики. Во-вторых, возглавляли его В. П. Кочубей и П. А. Строганов. И тот и другой стояли у истоков осу-

* Под термином «искусственные» подразумевались в первую очередь инженерные дисциплины. Ср.: «строительное искусство». Характерно, что уже в начале XX в. такое употребление термина являлось архаизмом и вызывало затруднения в толковании. Так, Д. П. Ивков в «Историческом очерке Главного инженерного управления» затрудняется объяснить его смысл, производя значение от «инженерного искусства». См.: Ивков Д. П. Указ. соч. С. 219.

ществлявшихся преобразований и были их горячими сторонниками. Важнейшую роль в «кристаллизации» планов министерской реформы сыграл М. М. Сперанский, назначенный 8 сентября 1802 г. по просьбе В. П. Кочубея в МВД и исполнявший должность директора департамента, а с июля 1803 г. руководивший Экспедицией государственного благоустройства.

По воспоминаниям И. И. Дмитриева, информированного наблюдателя реформ александровского царствования, М. М. Сперанский «был у него (В. П. Кочубея. — А. М.) самым способным и деятельным работником. Все проекты новых постановлений и ежегодные отчеты по министерству были им писаны. Последние имели не только достоинство новизны, но и со стороны методического расположения, весьма редкого поныне в наших приказных бумагах, исторического изложения по каждой части управления, по искусству в слоге могут послужить руководством и образцами»⁵⁷.

Министерство внутренних дел было одним из наиболее «объемных» по перечню препорученных ему «частей управления» ведомств. Министру внутренних дел были вверены «все части государственной промышленности, кроме горной», построение и содержание публичных зданий, «отвращение недостатка в жизненных припасах»⁵⁸. Министерство осуществляло оперативный контроль над губернским управлением и местными учреждениями с целью «пещись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей Империи»⁵⁹. В непосредственном подчинении министра оказывались Мануфактур-коллегия, Медицинская коллегия, Главная соляная контора, Главное почтовое управление, Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства с изъятием части структурных подразделений в пользу других министерств⁶⁰.

На протяжении восьми месяцев — конец 1802-го и первая половина 1803 г. — в МВД вырабатывался план реорганизации ведомства, представленный в июле 1803 г. на рассмотрение Александру I. Предложения министра, обстоятельно аргументированные в докладе, подготовленном М. М. Сперанским, сводились к разделению сферы ведения министерства на три большие части: хозяйственную, полицейскую и медицинскую, каждая из которых находила свое организационное воплощение в экспедициях Департамента внутренних дел: государственного хозяйства, государственного благоустройства и Государственной медицинской управы. Сам департамент должен был представлять собой инстанцию, координирующую деятельность экспедиций. В его состав помимо секре-

тарей экспедиций предполагалось включить почетных членов и так называемое Общество дворян⁶¹.

По поводу последнего в литературе утвердилось не совсем верное мнение, что Общество дворян являлось специально созданной группой для упорядочения статистических сведений, поступавших в МВД из губерний. Таким образом, Общество дворян рассматривается как первое статистическое подразделение в структуре Министерства внутренних дел⁶². Однако задачи его были несколько иными. При утверждении первоначальных штатов министерских департаментов 7 января 1803 г. Александр I «дозволил» сверх штатных чиновников иметь при департаментах каждому из министров «из молодых дворян до 10 человек, которые бы, приобретая предварительное познание в делах, по мере их способности могли быть с пользою употребляемы к отправлению возложенных по департаментам должностей»⁶³.

Сбор статистической информации по губерниям действительно представлялся остро необходимым. Еще в 1802 г. В. П. Кочубей предписал губернаторам представлять в МВД данные по особой форме для «коренного познания о каждой губернии»⁶⁴. Обработка этих сведений оказалась препоручена «молодым дворянам» для их приготовления к службе по департаменту. Неудивительно, что результатов деятельности этого «учреждения» не удалось выявить никому из исследователей.

Вопрос о практической организации административной статистики, как мы увидим, встал на повестку дня лишь в 1810 г. Однако шаг в этом направлении был сделан.

Главными направлениями, на которых сосредоточились реформаторские усилия в 1803 г., стали проблемы реорганизации учреждений, ведающих отраслями государственного хозяйства: Мануфактур-коллегии, Главной соляной конторы и Экспедиции государственного хозяйства. Анализ состояния дел в этой сфере управления, представленный в докладе министра, наглядно показывал, сколь громоздкой и неэффективной, засоренной мелочными вопросами и согласованиями была она на рубеже XIX в.

В разработанном «Положении для Экспедиции государственного хозяйства» были существенно сокращены задачи непосредственного управления. Так, казенные фабрики предлагалось полностью отдать в частные руки, «разве бы случились такие... как фабрика шпалерная и фарфоровая в Санкт-Петербурге, где более уважен вкус и покровительство какого искусства, нежели польза самой фабрики»⁶⁵.

При этом были значительно усилены информационно-статис-

тические функции создаваемой экспедиции. По каждому из трех отделений, составляющих экспедицию, предполагалось вести учет важнейших данных, в их числе такие, как сведения об урожаях, ценах на хлеб, статистика населения, сведения о фабричной и заводской промышленности, ее продукции и ценах на нее, а также статистика соледобычи. Кроме того, был выделен и ряд задач в области развития сельского хозяйства, особенно в новоосваиваемых южных районах: виноградарство и виноделие, разведение кунжутного семени, овцеводство и шелководство⁶⁶.

Однако сформулировать задачи еще не значит их разрешить. В руках правительственного аппарата не было ни конкретных средств, ни подготовленных людей, чтобы обеспечить удовлетворительное выполнение этой работы. Еще в 1802 г., опираясь на свой опыт канцелярской службы, М. М. Сперанский сделал неутешительный вывод по поводу способности чиновничества, возвращенного в условиях, существовавших в казенных учреждениях на рубеже XVIII — XIX вв., к масштабным новациям и работе на научных основаниях: «В России и теперь на сцене есть, конечно, люди с обширными познаниями; но, первое, их познания суть больше произведение опыта, нежели систематического размышления; второе, их лета и состояние, а особливо предрассудки класса, к коему они принадлежат и коего духом они напоены, делают их неспособными к непосредственной работе»⁶⁷.

В еще большей степени эта проблема — отсутствие способов и сил для решения конкретных государственных задач, требующих в широком смысле научного знания — обозначилась в ходе переустройства Медицинской части в составе МВД. Медицинская коллегия, учрежденная Екатериной II в 1763 г., к началу XIX в. уже не способна была эффективно развивать государственную медицинскую службу. Энергичная деятельность на посту директора коллегии графа А. И. Васильева с 1794 г., отмеченная преобразованием медико-хирургических училищ в Москве и Санкт-Петербурге в академии, расширением их учебной базы, изданием медицинской литературы⁶⁸ и т. д., в еще большей степени выявила острую потребность как в развитии медицинской науки, так и в совершенствовании самого медицинского ведомства.

Накануне нового, 1804 г. доклад министра внутренних дел графа В. П. Кочубея об образовании Третьей экспедиции Департамента внутренних дел «под именем Государственной медицинской управы» получил высочайшее утверждение. Дела, порученные Медицинской управе, были разделены на две взаимосвязанные, но самостоятельные части: часть экономическую и часть ученую, для

чего в рамках управы создавались два подразделения: одно «в виде Третьей экспедиции Департамента, для дел текущих и экономических», другое — «в виде ученого общества или Медицинского совета» — для дел, «относящихся до усовершенствования в России медицинской части и до разрешения встречающихся в практике затруднений»⁶⁹.

Весьма важной для понимания причин и обстоятельств появления научно-вспомогательных подразделений в структуре государственного управления именно в то время и в том виде, в котором они возникли, представляется приведенная ниже аргументация составителей министерского доклада. Обосновывая необходимость создания Медицинского совета, они указывали, что, в отличие от государств, где «наука сия уже укоренилась, где Академии, Университеты доставляют достаточное число медиков, где промышленность частная обеспечивает снабжение медицинских припасов и пособий»⁷⁰, в России управление этой сферой должно строиться на иных началах. «Сверх общих мер к сохранению народного здравия» медицинское управление неизбежно должно выполнять и ряд дополнительных функций: развивать медицинскую науку и систему подготовки медицинских кадров, осуществлять их аттестацию, контролировать закупки медицинских препаратов для армии и флота, распределять медицинских служащих и т. д.⁷¹

Таким образом, понимание неразвитости науки и ее организационных форм в России в сравнении с европейскими странами вело к стремлению восполнить слабость социального института государственной опекой. Но, поскольку «часть ученая» требовала «особенного к существу ее приспособления», то, по мысли разработчиков проекта, «место, делами сими управляющее, должно быть средоточием и, так сказать, Академиею медицинской науки. Оно должно быть составлено из известнейших у нас медиков, кои одни могут быть и истинными судьями ученых достоинств, и разрешать встречающиеся по сей части затруднения... Оно должно иметь свой собственный обряд отправления дел (т. е. отличный от бюрократических принципов деятельности департаментов и экспедиций. — А. М.), сходнейший и сообразный тому, какой вообще в ученых сообществах наблюдается»⁷² (курсив мой. — А. М.).

«Положение для Медицинского совета», утвержденное указом 1803 г., предполагало достаточно демократические принципы его организации и деятельности по типу научной корпорации. Медицинский совет образовывался неопределенным числом членов и корреспондентов, избираемых самим советом (члены совета пред-

ставлялись МВД на высочайшее утверждение). Председательствовал в совете декан, избираемый из числа членов общим собранием на три года. Управляющий отделением экспедиции, присутствуя на совете, права голоса не имел (!)⁷³.

Таким образом, с созданием в структуре МВД Медицинского совета был предпринят первый опыт совмещения бюрократического управления и науки. Превращение научного сообщества в элемент правительственного механизма казалось разрешением противоречий между усложняющимися задачами управления и слабостью науки как социального института. Создатели Медицинского совета весьма оптимистично смотрели на возможность подобного синтеза, что выразилось в фактически полном, механическом заимствовании организационных принципов академической корпорации.

Этот путь, несмотря на всю смелость замыслов организаторов Медицинского совета, заведомо представлял собой малоэффективный способ внедрения науки в ведомственное управление. Наука, нацеленная на исследование явлений окружающего мира, и управленческие структуры, главным предназначением которых является выработка конкретного решения и средств его реализации, по определению «говорят на разных языках». Они не совпадают в своих целях и задачах. Здесь своеобразно проявились и либеральный романтизм первых лет александровского царствования, когда реформаторские усилия еще не начали вязнуть в усиливающемся реакционном сопротивлении, и отсутствие широкого опыта в создании вспомогательных научных подразделений.

Данное направление — т. е. прямое включение научного сообщества в состав органов управления — было не единственным в реформировании государственных механизмов.

Другим министерством, которое вобрало в себя значительную часть функций управления государственным хозяйством и должно было разрешать аналогичные задачи в использовании научного потенциала, было Министерство финансов. Помимо собственно финансовой части, ему были подчинены Берг-коллегия, Лесной департамент и хозяйственное управление казенными землями и имениями. Во главе министерства был поставлен граф А. И. Васильев, чиновник Екатерининской эпохи, получивший большой опыт в управлении государственными финансами в канцелярии генерал-прокурора А. А. Вяземского, а затем исполнявший должность государственного казначея при Павле I до 1800 г. Как отмечалось выше, А. И. Васильев проявил себя и как энергичный организатор на посту директора Медицинской коллегии.

Являясь более практиком, чем теоретиком государственного управления, А. И. Васильев «шел в фарватере» господствующих идей, постепенно перестраивая вверенное ему ведомство на основе бюрократических принципов. Характерно, что преобразования коснулись в первую очередь Лесной и Горной частей в составе министерства. Эти отрасли требовали в наибольшей степени привлечения специальных знаний и, следовательно, труднее управлялись классическими бюрократическими методами.

Уже в ноябре 1802 г. был представлен сначала для обсуждения в Совет министров, а затем на высочайшее утверждение «Проект Устава о лесах», выработанный специально созданной комиссией. Он содержал как основные задачи учреждаемого для управления государственным лесным фондом Лесного департамента, так и главные положения лесного законодательства Российской империи.

Лесному департаменту вменялись в обязанность сохранение государственных лесов и организация их рациональной эксплуатации. Для этого департамент должен был, во-первых, заняться исследованием лесов, собирая сведения «о пространстве земли, занимаемой под оными; о разных породах деревьев... по различному положению мест и по свойству климата, во сколько лет достигают до совершенного возраста; как сохранять леса и разводить вновь с хозяйственным сбережением, казенною пользою и потомственною благонадежностью»⁷⁴.

Как видим, эти задачи составляли целую исследовательскую программу. Для подготовки необходимых кадров специалистов Лесному департаменту поручалось учреждать школы для «образования и научения людей в лесоводственных науках»⁷⁵. Дальнейшую разработку лесного законодательства предполагалось вести с учетом региональных особенностей по группам губерний.

«Устав о лесах» 1802 г., как отмечалось выше, включал в себя и основные положения государственного лесоохранного законодательства, являясь, таким образом, одним из первых российских природоохранных законов. В уставе получила свое законодательное развитие практика таксации лесов как основы рационального лесного хозяйства: были выделены леса трех «статей» и определены годовичные лесосеки с учетом состава древесных пород и климатических зон, а также определены меры естественного и искусственного лесовосстановления⁷⁶.

Во главе вновь учрежденного лесного ведомства был поставлен один из разработчиков «Устава о лесах», известный естествоиспытатель Карл Иванович (Карл-Людвиг) Габлиц, принимавший в 70-х гг.

XVIII в. участие в академической экспедиции С. Г. Гмелина и затем заведовавший казенным ботаническим садом в Астрахани⁷⁷.

Уже первое десятилетие работы Лесного департамента дало заметные результаты: были учреждены два лесных училища, проведено картографирование и таксация лесов в четырех губерниях. С 1805 г. ранее убыточное лесное управление начало приносить доходы в казну⁷⁸.

Другим подразделением Министерства финансов, претерпевшим еще большие изменения с учетом новых требований, стала Берг-коллегия. С утверждением в июне 1806 г. «Горного положения» она была преобразована в Горный департамент министерства. «Горное положение», так же как и «Устав о лесах», выработывалось специально созданной министерской комиссией в составе наиболее опытных горных инженеров и администраторов. В их числе Г. С. Качка — потомственный горный инженер, сын венгерского специалиста горного дела, перешедшего на русскую службу еще при Петре I, А. Ф. Дерябин — главный начальник Гороблагодатских и Пермских заводов и один из первых историков горного дела в России, и другие известные специалисты⁷⁹.

«Горное положение» 1806 г., просуществовавшее в основных своих позициях вплоть до начала XX в., исходило из необходимости выделения горного управления из ведения гражданских властей. Горная часть с принадлежащими ей заводами, рудниками, горными городами составляла замкнутый комплекс, и, как следствие, само «Горное положение» представляло собой объемный свод законодательства (свыше 940 статей), определявший как компетенцию горного начальства, так и разграничение сфер ведения с гражданской властью.

Центральное горное управление было сосредоточено в Горном департаменте при Министерстве финансов. Департамент был разделен на Горную экспедицию, в которой решались дела административные и хозяйственные, и Горный совет. Сфера деятельности совета в соответствии с «Горным положением» должна была включать в себя дела, которые «наиболее относятся до законоположений, новых постановлений и учреждений, также до художественной, искусственной и ученой части горного и заводского производства»⁸⁰.

Состав Горного совета по «Положению» 1806 г. комплектовался высшими чинами горного управления: «первым членом» его являлся управляющий департаментом, в помощь ему придавались два советника — фактически заместители по должности. Членами совета являлись начальники отделений экспедиции, берг-инспек-

торы и горные начальники округов, командир и инспектор Горного кадетского корпуса. Для ведения ученых дел в составе совета была учреждена должность ученого секретаря, по усмотрению министра в Горный совет «могли быть приглашаемы профессора и другие горные чины»⁸¹.

Однако вся переписка и «сношения по ученым делам внутри и вне России» были сосредоточены во втором столе Первого отделения экспедиции. Горный совет также не курировал непосредственно главное ведомственное научно-учебное заведение — Горный корпус⁸².

Таким образом, на практике Горный совет представлял собой не научно-вспомогательное подразделение, а общее присутствие департамента, которое в ряду прочих дел занималось и «учеными делами». Ученая часть горного дела — научные и опытные работы — была сосредоточена в Горном кадетском корпусе⁸³.

Итак, хотя реформирование Министерства финансов и привело к выделению в его структуре «ученой, искусственной и художественной части», но способы управления ими были предпочтены традиционные, бюрократические. Однако, несмотря на то что «ученая часть» в министерских структурах на получила своего самостоятельного организационного оформления в виде соответствующих ученых сообществ, к практической работе были привлечены известные ученые и специалисты.

В области военного управления империи изменения коснулись в первую очередь военно-морского дела. Причиной тому были и объективные и субъективные предпосылки. Флот на протяжении всего своего существования являлся высокотехнологичной военной сферой, развитие которой зависело от самого широкого круга научных и технических открытий и достижений. С момента своего рождения Российский флот был символом государственного могущества империи, любимым детищем ее создателя — Петра Великого. В первой половине XIX в. Россия жизненно нуждалась в сильном и современном флоте как в военно-стратегическом отношении, так и для дальнейших исследований на востоке и севере своей территории.

Уже в 1801 г. был учрежден специальный Комитет для образования флота, которому предписывалось «войти в рассмотрение изданных доселе узаконений, регламентов и уставов... и всех учреждений, на коих морское управление со всем к нему принадлежащим основано» с целью «постановить все сопряженные с ним части на основаниях, наиболее сходственных с нынешним состоянием первенствующих в Европе флотов»⁸⁴.

В 1802 г. при образовании министерств управление военно-морским делом было вверено вице-президенту Адмиралтейской коллегии, фактическому руководителю Комитета для образования флота адмиралу Н. С. Мордвинову — одному из наиболее ярких, образованных и талантливых представителей правящей элиты России первой трети XIX в. Однако практическое преобразование морского управления в связи с последовавшей отставкой Н. С. Мордвинова было осуществлено товарищем министра вице-адмиралом П. В. Чичаговым, который немало сделал для его совершенствования и развития.

Необходимость использования современных научных знаний была очевидна не только членам министерского комитета, но и флотским офицерам. В 1803 г. по инициативе командования Черноморского флота при Конторе главного командира учреждается Депо Черноморского флота в составе 11 человек для сбора и систематизации картографического материала и описаний черноморских берегов. Кроме этой чисто практической задачи в обязанности депо входило «собрание математических и касающихся до мореплавания книг и также выписывание в дополнение оных других, какие за полезнейшие находить будет; собрание моделей кораблям и другим судам, имеющим перед другими преимуществами»⁸⁵. К депо присоединялась типография штурманского училища для издания карт и необходимой литературы. Таким образом, поиск организационных форм включения науки в практику военно-морского дела шел и в центральном, и в среднем звене флотского управления.

В 1805 г. Комитетом по образованию флота была предложена обширная программа мер по переустройству Адмиралтейской коллегии. Сферу ведения преобразуемого морского управления было предложено разделить под единым руководством министра морских сил на части воинскую и художественную. Первой из них — воинской — несколько неожиданно, учитывая господствовавшую уже в это время бюрократическую терминологию, было предложено оставить наименование Адмиралтейской коллегии в знак уважения к имени, данному основателем флота Петром I. Вторая, в свою очередь разделяющаяся на части ученую и строительную, получила название Адмиралтейского департамента⁸⁶.

Адмиралтейский департамент являлся совещательным собранием по ученой и художественной части. К части ученой было отнесено управление Морским кадетским корпусом и всеми мореходными училищами, включая контроль над учебными курсами и методами преподавания, подбор и аттестацию будущих учащихся.

В ведение Ученой части передавались библиотеки, обсерватории, физические кабинеты, типография «и все принадлежащее к наукам и искусствам». В обязанности департамента вменялось снабжать командиров судов, отправляемых в дальнее плавание, наставлениями о наблюдениях за «топографией, климатом и статистикой» посещаемых мест⁸⁷.

Характерной особенностью работы Адмиралтейского департамента как ученого сообщества, заложенной уже «Положением» 1805 г., была широкая научно-популяризаторская деятельность. Этим задачам служило издание журнала — одного из первых в спектре ведомственных изданий XIX в.⁸⁸

Второе начинание, также составлявшее новацию в деятельности Адмиралтейского департамента, — это создание музея, «в котором собраны будут все любопытнейшие сочинения, кабинет редкостей, машин, моделей, физических, математических и астрономических инструментов, и в который *всякий* с дозволения его (руководства департамента. — А. М.) *входить и пользоваться чтением книг или рассматриванием вещей может*» (курсив мой. — А. М.). На содержание музея, директора и помощников была назначена ежегодная сумма в 10 тыс. руб.⁸⁹

Система представительства в департаменте соответствовала поставленным перед ним задачам. Собрание включало в себя непререкаемых членов в лице директора морских и гидравлических работ, артиллериста и двух чиновников министерства. Почетные члены определялись путем баллотировки из профессоров и «особ, отличающихся познаниями и просвещением и показавших опыты своего достоинства какими-либо изобретениями, сочинениями и апробированными проектами»⁹⁰.

Таким образом, с точки зрения типологии организационных форм, Ученая часть Адмиралтейского департамента представляет собой третий вариант решения проблемы соединения науки и управления. В состав научно-вспомогательного подразделения введены как штатные чиновники, так и почетные члены из числа ученых и специалистов. Принципы научной корпорации дополняются элементами бюрократического устройства.

Анализ существовавших в первое десятилетие XIX в. конкретных правительственных структур, призванных реализовывать научно-вспомогательные функции, будет неполным без упоминания еще одного подразделения, возникшего в 1808 г. Это Артиллерийский комитет, входивший в состав Министерства военно-сухопутных сил. Данное подразделение просуществовало непродолжительный срок — всего три года. Однако оно чрезвычайно интерес-

но уже тем, что было наиболее близко по типу своей организации и задачам к ученым комитетам, возникающим в 1810 — 1840-е гг. В значительной мере опыт Артиллерийского комитета послужил основой для создания в 1812 г. Военно-ученого комитета, положившего начало структуре научно-вспомогательных подразделений Военного министерства.

Реформирование системы военного управления сухопутными вооруженными силами в начале XIX в. происходило в России в чрезвычайно сложных условиях. По подсчету А. А. Керсновского, на десять лет 1805—1815 гг. приходится 21 год войны, учитывая военные действия, которые велись одновременно на два и три фронта⁹¹.

Во главе Министерства военно-сухопутных сил при введении министерской системы был поставлен С. К. Вязьмитинов, боевой офицер и чиновник екатерининского времени. Как и большинство деятелей этой генерации, он был более практиком, т. е. не получил систематического образования, а накапливал опыт на служебном поприще. Первое десятилетие XIX в. не предоставило военному ведомству мирной передышки, в ходе которой реорганизация управления могла бы быть проведена систематически, по единому плану. Перестройка осуществлялась одновременно по нескольким направлениям и касалась как центрального управления, так и системы организации и вооружения войск.

В условиях переходного периода в организации управления военными силами основное значение приобретали мероприятия, осуществлявшиеся на его отдельных направлениях. По стечению объективных и субъективных обстоятельств наиболее динамично развивающейся частью вооруженных сил в первое десятилетие века становится артиллерия.

В 1803 г. Александр I возвращает в Петербург и вводит в число своих сотрудников А. А. Аракчеева, поручив ему должность инспектора всей артиллерии⁹². В этой должности Аракчеев находился вплоть до 1819 г., а в 1808—1809 гг., после отставки Вязьмитинова, исполнял должность военного министра. Воспитанник Шляхетного артиллерийского и инженерного корпуса, прослуживший в этом учебном заведении в течение двух лет преподавателем математики и артиллерийского дела, А. А. Аракчеев как офицер-артиллерист был знающим и к тому времени опытным военным специалистом. Вклад Аракчеева в развитие русской артиллерии весьма высоко оценивается историками⁹³.

Активная и плодотворная работа Аракчеева по совершенствованию русской артиллерии на постах инспектора этого рода войск

и военного министра получала всемерную, по сути, беспрецедентную поддержку императора. В 1807 г. Аракчеев получает приказ «быть при его величестве по артиллерийской части», а спустя непродолжительное время и право издавать указы по артиллерийской части от имени императора. Основные его мероприятия по совершенствованию материально-технической части, организации, обучению войск и пр. подробно описаны в литературе⁹⁴. Для нашего анализа представляют интерес те из них, которые были непосредственно связаны с использованием науки в военном деле.

Все шаги, предпринимавшиеся в этом направлении, объективно и логично соотносятся с мероприятиями, проводившимися в гражданских ведомствах. Так, в 1803 г. вводятся специальные экзамены для артиллеристов по военным и математическим дисциплинам для претендентов на производство в офицерские чины. Значительное внимание Аракчеев уделял и расширению специальных сведений по артиллерийской части. При проведении учений полученные новые данные, рекомендации и т. п. «если могут служить к большему чего-нибудь по артиллерии усовершенствованию, должны предаваться печати и рассылаться по всей артиллерии»⁹⁵. Были предприняты меры и по комплектованию полковых библиотек. В специальном «Наставлении», изданном по данному вопросу Аракчеевым, указывалось, что «чтение полезных книг в свободное время есть без сомнения одно из благороднейших и приятнейших упражнений. Оно заменяет общество, образует ум и сердце и способствует офицеру приуготовлять себя наилучшим образом на пользу отечеству»⁹⁶. В 1807 г. при Артиллерийском департаменте Военного министерства учреждается типография⁹⁷.

Сходные проблемы решались и в другом ведомстве центрального военного управления — Инженерном. В 1808—1809 гг. был принят ряд решений о назначении наград за «хорошие» сочинения и переводы по инженерной части, а в 1809 г. в составе Инженерного департамента учреждается цензура для рассмотрения переводов и сочинений и «поощрения за оные и вспомоществование к их изданию»⁹⁸.

Накопление подобных задач, решение которых требовало необходимого уровня теоретической подготовки, привело к организации в 1808 г. в составе Артиллерийского департамента Артиллерийского комитета. Ему были переданы функции контроля над специальным образованием, проведение экзаменов перед производством в артиллерийские офицеры, рассмотрение «всех проектов, до артиллерии касающихся» и издание «Артиллерийского журнала»⁹⁹.

Таким образом, уже на начальном этапе реформирования системы центральных государственных органов выявилась и, что особенно важно, была адекватно осознана насущная потребность в научном вспомогательном обеспечении управленческой деятельности. Практические шаги по формированию министерских «ученых подразделений» осуществлялись в тесном единстве с гораздо более обширным комплексом мер в сфере образования, науки, совершенствования государственно-правовых институтов, которые по своей сути являлись попыткой воплощения просветительских идей второй половины XVIII — начала XIX в.

В период 1802—1809 гг. центральные правительственные учреждения предприняли конкретные шаги по созданию в собственной структуре специализированных подразделений, призванных осуществлять научно-вспомогательные функции. Возникшие учреждения составили определенный спектр организационных форм, в которых воплотились возможные подходы к организации научно-вспомогательной деятельности. Своеобразная «селекция» их была осуществлена в ходе второй реформы министерств, последовавшей в 1810—1811 гг.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ ВЕДОМСТВЕННЫХ
НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
в 1810 — 1840-е гг.

Вторая министерская реформа 1810 — 1811 гг.:
законодательное оформление роли и места
«ученых установлений»
в структуре административного управления

Рассмотрим более детально процессы, протекавшие в ходе второй министерской реформы и в период, следовавший за 1810—1811 гг. Именно в это время складываются основные типологические черты системы вспомогательных ученых подразделений.

Анализ развития вспомогательных научных подразделений невозможен без разграничения типологических форм, в которых они создавались и функционировали. Тем более, что, как было отмечено выше, именно с их последовательной сменой в литературе обычно связывается основная линия развития научно-вспомогательных подразделений.

Рубеж первого и второго десятилетий XIX в. был ознаменован завершением реформ центрального государственного управления. Непоследовательность и неполнота предпринятых в первые годы царствования Александра I преобразований становились объектами возрастающей критики, исходящей как от сторонников, так и от противников складывающейся министерской системы управления¹⁰⁰.

Общий замысел новых преобразований, как и подготовка первых шагов по его реализации, принадлежал М. М. Сперанскому.

Ход и итоги реформы высших органов государственной власти в 1810 — 1811 гг. неоднократно рассматривались в литературе¹⁰¹, поэтому остановимся лишь на тех элементах министерской реформы, которые вплотную касались последующего процесса создания и развития вспомогательных ученых подразделений.

Основные черты реформы центральных органов административной власти были обозначены М. М. Сперанским еще в 1808 г. во «Введении к Уложению государственных законов»¹⁰² и оказались

наиболее востребованной частью масштабного плана государственных преобразований. Свою окончательную форму новое устройство министерств получило в объемном законодательном акте, также подготовленном Сперанским, — «Общем учреждении министерств»¹⁰³.

Всем министерствам в соответствии с новым положением придавалась единообразная организационная структура. Министерства были разделены на департаменты, между которыми распределялись «сферы ведения» министерства и которые, в свою очередь, состояли из отделений и столов.

Таким образом, принцип министерского единоначалия был дополнен ответственной исполнительной вертикалью, построенной на четком порядке соподчинения и строгом разграничении уровней компетенции. Столь же четко был регламентирован и формализован порядок делопроизводства. Коллегиальная система решения дел заменялась системой «исполнительской» или министерской.

Не следует думать, что коллегиальное, совещательное начало было полностью изгнано из обновленных министерств. Оно было сохранено, но в значительно сокращенном и подчиненном главным организационным принципам объеме. При министерствах существовали советы министра, в которых объединялись руководители департаментов. Могли присутствовать в совете и «особенные члены», определяемые в его состав по решению императора, в их числе приглашаемые «по свойству дел лица посторонние, как то: владельцы заводов, именитое купечество и т. п.» (§ 19, 27—30 «Общего учреждения министерств»). Советы оформляли свои решения в журналах заседаний, которые представлялись руководителю министерства. Однако, и это следует подчеркнуть, советы «сами собою не имели никакой исполнительной власти» (§ 128, 132).

Последующее развитие государственной системы в еще большей степени расширило применение коллегиальных принципов в противовес крайностям министерского централизма как внутри министерств, так и в сфере межведомственной координации, но всегда вне связи с прямыми административно-управленческими функциями. Наглядным примером этих тенденций являлись высшие комитеты, создававшиеся уже во второй четверти XIX в.¹⁰⁴

Несмотря на всю логическую выверенность системы министерского устройства, которую построил М. М. Сперанский, ей не удалось избежать исключений из общего организационного прави-

ла. К концу первого десятилетия XIX в. в системе административных органов уже существовали объективно необходимые учреждения, которые невозможно было встроить в министерскую структуру на положении департаментов, отделений или столов. Некоторые из этих подразделений имели существенные особенности в задачах и формах своей деятельности. Именно они получили название «особенных установлений». Приведем полностью весьма лаконичный параграф «Общего учреждения министерств», определяющий их статус:

«§ 44. Некоторые из Департаментов по свойству вверенных им дел имеют особенные установления, к наукам и художествам принадлежащие, как то: Ученые комитеты, Чертежные, Лаборатории и тому подобные временные или всегдашние (курсив мой. — А. М.) заведения»¹⁰⁵.

Таким образом, «особенные установления» выделялись из общего ряда министерских подразделений. Их задачи, структура, организационно-правовые основания деятельности теперь уточнялись в каждом конкретном случае.

Активно начавшийся процесс перестройки уже существовавших министерств в соответствии с манифестом 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления»¹⁰⁶ и создание новых высших административных органов положили начало периоду оформления системы научно-вспомогательных учреждений: прежде всего в рамках центральных органов административного управления — министерств и главных управлений, — а затем и в ведомственных структурах, включавших вспомогательные ученые подразделения губернского уровня. Этот период занял более четверти века: с 1811 г. до середины 50-х гг. XIX в.

На протяжении данного периода складывается устойчивая типология «особенных установлений», связанных в своей деятельности с «наукой и художествами».

В целом все разнообразие типов организационного устройства научно-вспомогательных подразделений может быть сведено к ограниченному числу вариантов. Эти варианты были заданы исторически эволюцией административных учреждений: коллегиальные либо бюрократические; и, кроме того, обусловлены предполагаемой продолжительностью деятельности: постоянные либо временные. Две выделенные пары признаков образуют в различных комбинациях спектр из четырех организационных форм — типов научно-вспомогательных подразделений. Проиллюстрируем это для наглядности схемой:

НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

	Построенные по «коллегиальному» принципу	Построенные по «бюрокрастическому» принципу
Постоянные	Советы, комитеты	Бюро, депо, лаборатории, опытные станции и т. п.
Временные	Комитеты, комиссии	Экспедиции

Предложенная типология должна быть дополнена еще одной возможной дефиницией: научно-вспомогательные подразделения образовывались не только как внутриведомственные, но в некоторых случаях и как межведомственные учреждения. Это касается в первую очередь такой формы, как советы: Медицинский совет, Горный ученый комитет выполняли функции органов межведомственной координации.

Требует комментария разделение типов вспомогательных подразделений по признаку «постоянные – временные». Создание того или иного подразделения в качестве постоянного отнюдь не означало, что ему гарантирована долгая жизнь. Например, уже упоминавшийся Артиллерийский комитет просуществовал только 3 года (1808 – 1812). Можно привести и обратные примеры, когда временные комитеты обретали долгую, на десятилетия, судьбу. Качественное различие между постоянными и временными структурами лежало в иной плоскости. Постоянные учреждения имели достаточно широкий спектр задач и функций, временные же, как правило, создавались для выполнения какой-либо одной задачи. Например, Пароходный комитет, действовавший в Морском министерстве в 1842 – 1856 гг., разрабатывал вопросы внедрения в военном флоте паровых силовых установок, гребного винта и т. д.

На практике разделение научно-вспомогательных подразделений на выявленные типологические формы было зачастую отнюдь не столь явным. Название учреждения, форма его организации и спектр решаемых задач не всегда соответствовали установившейся рубрикации, хотя в большинстве случаев эти параметры совпадали. Так, например, организованное в составе Министерства финансов в 1811 г. научно-вспомогательное подразделение «для рассмотрения финансовых проектов и учреждений по всем частям Министерства финансов составляющее», первоначально именовалось

Пятым отделением Канцелярии министра. Отделение было образовано «в виде комитета» и лишь затем приобрело соответствующее название: Ученый комитет Министерства финансов¹⁰⁷.

Таким образом, построения, основанные лишь на терминологическом принципе, оказываются достаточно рискованными. Выводы как о характере деятельности того или иного подразделения, так и о принципах его организационного устройства должны делаться с учетом всей суммы факторов, и в первую очередь законодательно-нормативной базы по созданию или реорганизации конкретного подразделения.

Необходимо отметить, что хотя все выделенные типы научно-вспомогательных подразделений возникли уже в 1810 – 1820-е гг. в виде конкретных комитетов, советов, бюро, экспедиций и т. п., не все они были распространены в равной степени. Предпочтение того или иного типа организации связано со всем комплексом исторически сложившихся факторов как в развитии госаппарата, так и науки и форм ее организации. Не случайно термин «ученый комитет», хотя и не совсем правомерно с формально-типологической точки зрения, стал в литературе нарицательным определением научно-вспомогательных учреждений XIX в. Данная организационная форма вспомогательного научного подразделения действительно была ведущей формой существования вспомогательной ведомственной науки.

Как происходило формирование сети научно-вспомогательных учреждений на протяжении периода, следовавшего за реформой министерств 1810 – 1811 гг.?

Вскоре после введения в действие основополагающих документов о новом разделении государственных дел началось реформирование конкретных министерских структур. Еще до обнародования «Общего образования министерств» получает новое устройство Министерство внутренних дел, реорганизуется Министерство финансов, учреждается новое Министерство полиции¹⁰⁸.

В состав последнего перешло по новому разделению дел управление Медицинской частью, и был создан Особенный медицинский совет, взявший на себя исполнение части задач Медицинского совета МВД (1803 – 1810). Новое ученое подразделение с точки зрения принципов его организации имело мало общего со своим предшественником. Во-первых, вся ученая часть «медицинского установления» была передана в Министерство народного просвещения, где также создается свой совет. Функции руководства медицинской наукой оказались, таким образом, расплывлены. Во-вторых, состав Медицинского совета Министерства

полицейской полиции был организован по принципу ведомственного представительства: в него вошли генерал-штаб-докторы Военной, Морской и Гражданской части, директор Медицинского департамента, а председателем был назначен гражданский чиновник¹⁰⁹. Почетные члены совета — представители медицинской науки — приглашались в «сословие» лишь в важных случаях, то есть фактически утрачивали реальное влияние на деятельность этого подразделения¹¹⁰. Медицинский совет Министерства полиции в соответствии с задачами, определенными для него «Положением», ведал лишь «предметы по части экономии и общим предостерегающим мерам»: снабжение армии и флота медикаментами и хирургическим инструментом, разбор сомнительных случаев судебной медицины, наставления медицинским чиновникам, предостережения об эпидемиях и т. п. Единственной чисто научной задачей этого учреждения можно считать «издание журнала опытной медицины»¹¹¹. Символическим актом, последовавшим вскоре вслед за реорганизацией Медицинского совета в составе нового министерства, было высочайше санкционированное присвоение членом совета мундир-Министерства полиции¹¹².

«Ученая часть медицинских установлений», как отмечалось выше, перешла в состав Министерства народного просвещения, где вскоре попала под опеку печально известных, ставших еще в XIX в. символами клерикальной реакции министра А. Н. Голицина и его ближайших сотрудников М. Л. Магницкого и Д. П. Рунича. Широкий спектр задач совета: распространение и усовершенствование медицинских познаний, испытание новых лекарственных средств и открытий в области медицины, аттестация кадров и т. д. — дублировался и контролировался Третьим отделением Департамента народного просвещения¹¹³.

Политику правительства по отношению к науке и высшему образованию в последнее десятилетие правления Александра I трудно характеризовать иначе, нежели как реакционную. Мистицизм императора и его ближайшего окружения вылился в попытки «на практике» утвердить примат веры над знанием. Это не только существенно подорвало развитие науки и высшей школы. Общая ситуация своеобразно отразилась на процессе формирования учебных министерских подразделений.

В 1818 г. в Министерстве духовных дел и народного просвещения был образован в составе Главного правления училищ ученый комитет, деятельность которого сосредоточивалась на цензуре «книг для учебных заведений заготавливаемых» и рассмотрении проектов и предложений по ученой части по Главному правлению

училищ. Поскольку именно первая задача нового комитета представлялась его создателям наиглавнейшей, комитет получил закрытое устройство: по «Положению» его составляли «три или четыре чиновника», институт почетных членов или членов-корреспондентов не предполагался¹¹⁴.

Помимо названных задач комитету поручалось продолжить издание «Журнала Департамента народного просвещения». При сохранении основной рубрики издания направление его переводилось в совершенно определенное русло. «Содержание сего периодического сочинения, — отмечалось разработчиками нового законоположения, — заимствуемое из тех же источников, должно быть с наивыщим попечением и разборчивостью назначаемо...»¹¹⁵. Таким образом, типологически ни по своим задачам, ни по организационному устройству Ученый комитет МНП в первой половине XIX в. не может рассматриваться как научно-вспомогательное подразделение.

Разгром на рубеже 20-х гг. сначала Казанского, а затем и Петербургского университетов, преследование прогрессивных ученых, в том числе сотрудничавших с учеными комитетами министерств¹¹⁶, достаточно наглядно характеризуют роль Министерства духовных дел и народного просвещения в развитии отечественной науки в конце 1810-х — первой половине 1820-х гг.

Однако, несмотря на столь решительную ревизию государственной политики по отношению к науке, практическое использование ее данных и прикладных возможностей в конкретных отраслях государственного управления и хозяйства стало не только осознанной потребностью, но и объективной реальностью. В преимущественном положении оказывались те сферы административного управления, которые опирались на точные, деидеологизированные и поэтому не вызывающие подозрения научные дисциплины. Тот же А. Н. Голицин, столь печально прославившийся на ниве руководства народным образованием, видел главное прикладное назначение математики в военном деле¹¹⁷.

Внешнеполитическое положение России в первое десятилетие XIX в. заставляло уделять вопросам развития вооруженных сил первостепенное внимание. Активно шло как количественное увеличение армии, так и ее качественное совершенствование. За годы, предшествовавшие решающей схватке с Наполеоном в 1812 г., численность пехоты увеличилась более чем в два раза, кавалерии — в полтора, артиллерии — на четверть¹¹⁸. Предпринимались серьезные шаги по совершенствованию организации родов войск и управления ими. В январе 1812 г. получает новую организацию

центральное управление сухопутными вооруженными силами — Военное министерство. Как и в других министерствах, в его составе образуются особые установления, которые были призваны обеспечить необходимое участие науки в столь важной для государства сфере, как военная. Весьма интересным с типологической точки зрения представляется следующее обстоятельство: в Военном министерстве одно из особых «ученых установлений» — Военно-ученый комитет — было образовано по коллегиальному принципу, а Военное топографическое депо — по «бюрократическому».

Военно-ученый комитет министерства (с 1815 г. в составе Главного штаба) был создан, подобно большинству ученых комитетов, на принципах научной корпорации. Его состав образовывался неизменными, почетными членами и членами-корреспондентами. Две последние категории избирались самим комитетом и утверждались военным министром. Главная обязанность созданного подразделения заключалась в «распространении сведений по военной части военного искусства», для чего предусматривалась достаточно широкая издательская программа¹¹⁹. Кроме того, в обязанности Военно-ученого комитета входило рассмотрение проектов и новых предложений, осуществление опытов, а также аттестация чиновников, «вступающих в ученые корпуса* Военного департамента, и представление оных к производству»¹²⁰. Разделение конкретных научно-прикладных направлений по родам войск отразилось на структуре комплектования Военно-ученого комитета: состав его действительных членов пополнялся представителями артиллерийской, инженерной и квартирмейстерской части. Параллельно с Военно-ученым комитетом создается Инженерный комитет при Инженерном департаменте (1819), который в значительной степени дублировал его задачи и функции¹²¹.

Военно-топографическое депо, образованное в ходе реорганизации Военного министерства в 1812 г., помимо выполнения задач по составлению карт и топографических описаний, выступало центром всей работы по собиранию и хранению военно-исторических материалов. Причем «сочинение из всех собираемых материалов основательных записок и таблиц из исторических военных сведений» также входило в круг его обязанностей¹²². Военное топографическое депо с момента его учреждения было крупным структурным подразделением министерства. В него входило

* Имелись в виду офицеры-артиллеристы и инженеры.

6 отделений с общим штатом 51 человек. Помимо инженер-топографов, состоявших в офицерских чинах, в составе депо работали два астронома из гражданских лиц, а мастерскую по изготовлению и починке астрономических и топографических инструментов возглавлял, согласно штату, профессор механики¹²³. О том, сколь значительная роль отводилась Военному топографическому депо в системе центрального военного управления, свидетельствует принятие должности директора депо в 1816 г. П. М. Волконским, являвшимся в то время начальником Главного штаба¹²⁴. Бюджет депо с механической мастерской, обслуживавшей его потребности в оборудовании, составлял 54 600 руб. в год. Для сравнения укажем, что бюджет всех департаментов Военного министерства составлял 681 820 руб., т. е. на Военное топографическое депо направлялось около 8% от сумм, отпускавшихся по штатам 1812 г. на 7 департаментов министерства¹²⁵.

Средства, отпускавшиеся на Военно-ученый комитет, были скромнее: в год по штатам 1812 г. на содержание комитета выделялось 25 680 руб., причем из них 20 100 руб. на жалованье членам комитета и чиновникам, состоящим в классных чинах. Никаких средств на финансирование работ комитета не предусматривалось. Лишь в 1819 г. штаты комитета были пересмотрены и, наряду с увеличением численности сотрудников, стали выделяться средства на награды за сочинения и переводы, покупку книг, инструментов, «на разные ученые опыты и исследования» в размере 10 тыс. руб. в год¹²⁶. Конечно, подобная сумма являлась совершенно недостаточной для развертывания сколь-нибудь серьезных научных работ. Скучное финансирование обрекало ученые комитеты на пассивное существование, ограничивая круг их деятельности лишь экспертизой чужих предложений.

В 10-е гг. XIX в. делается и первая серьезная попытка организации административной статистики на научных основаниях. В составе Министерства полиции в рамках Первого отделения Департамента полиции исполнительной выделяется Ученая часть, заведование которой было поручено профессору К. Ф. Герману — выдающемуся русскому статистике начала XIX в.

К. Ф. Герман стремился организовать статистические работы Министерства полиции в соответствии с передовыми требованиями современной ему науки, придавая данным статистики широкое общественное и государственное звучание. Еще в 1806 г. в издававшемся им «Статистическом журнале» К. Ф. Герман писал: «Статистика изображает государство... со всевозможной точностью, ничего к тому не прибавляя и ничего не упуская такого, что бы

могло иметь примерное влияние на благо государства»¹²⁷. А. Д. Балашев, возглавлявший Министерство полиции, разделял взгляды Германа на задачи и способы организации административной статистики.

В 1817 г. «статистическая часть» Министерства полиции получает новую организацию. Ей было определено изучать «хозяйство Российского государства, населенность и естественные пособия земли», причем результаты исследований предписывалось излагать «в качественных и количественных видах, в порядке мест и предметов»¹²⁸. Изложение предметов в «качественном виде» было поручено «ученому установлению», заведовал которым К. Ф. Герман.

Ему разрешалось приглашать к занятиям «людей посторонних, имеющих познания и способности для статистической части»¹²⁹. Иными словами, в организацию «ученого установления» были введены элементы устройства, характерного для ученых комитетов.

Судьба статистического подразделения оказалась столь же недолгой, как и самого министерства, при котором оно было создано. В 1819 г. А. Д. Балашев был назначен генерал-губернатором пяти черноземных губерний, однако он попытался при этом сохранить за собой руководство статистической службой в государстве.

Но, несмотря на подготовленный Балашевым пространный проект организации «статистического учреждения», в котором он отводил себе должность главного попечителя, идеи, высказанные в проекте, встретили сопротивление в Комитете министров. Более того, статистическую часть было решено присоединить к Министерству внутренних дел¹³⁰. Это переподчинение фактически затормозило становление государственной статистической службы более чем на десятилетие. Новые реформы статистической службы были осуществлены лишь в середине 30-х гг. XIX в.¹³¹

В 1811 г. получает новое устройство Министерство финансов. В его составе также создается научно-вспомогательное подразделение. Оно было образовано в структуре Канцелярии министра как ее Пятое отделение (Отделение финансовых учреждений). Задачей вновь созданного подразделения, «действующего в виде комитета», было «рассмотрение финансовых проектов и учреждений по всем частям министерство составляющее»¹³². Отделение являлось замкнутой структурой. Оно состояло из трех чиновников, назначаемых министром, и не включало в свой состав ни членов-корреспондентов, ни почетных членов¹³³.

Только в 1824 г. по инициативе Е. Ф. Канкрин Пятое отделение было преобразовано в Ученый комитет Министерства финансов, но изменения коснулись в основном лишь названия. По-прежнему главным содержанием его работы было «собирать нужные справки, делать потребные извлечения, следовать вообще ходу финансовой части в Европе и доводить до сведения министра все то, что ему по ходу сему знать необходимо»¹³⁴. Лишь во второй половине XIX в., в 1861 г., комитету будет предоставлено право приглашать на свои заседания лиц, «специально знакомых с рассматриваемым каждый раз делом»¹³⁵.

Столь очевидно дозированное привлечение науки в такую сферу государственного управления, как финансы, представляется весьма симптоматичным. Выработка экономической политики осуществлялась фактически без привлечения представителей ученого сообщества не только в силу неразвитости соответствующего комплекса наук, но и, в первую очередь, потому, что научному знанию отводилась сугубо вспомогательная, в данном случае «реферативная» функция.

Сфера привлечения науки и в рамках других научно-вспомогательных подразделений в первой половине XIX в. также оказывается ограниченной решением преимущественно частных и технических вопросов.

Итак, уже в течение первого десятилетия после реформ 1810—1811 гг. сеть научно-вспомогательных подразделений существенно расширилась. Если в период 1802—1810 гг. в составе центральных административных органов было лишь три постоянных специализированных научно-вспомогательных подразделения: Медицинский совет, Ученая часть Адмиралтейского департамента и Артиллерийский комитет, — то в начале 1820-х гг. их количество увеличилось до восьми. Вместе с тем нельзя не отметить тенденцию, явственно обозначившуюся в начале второго десятилетия XIX в., — бюрократизацию научно-вспомогательных структур. Принципы научной корпорации, выборность членов ученых комитетов, широкие программы деятельности — все, что представлялось приоритетным в первое десятилетие века, — уходит в прошлое, заменяясь канцелярскими подходами, которые на протяжении 30—50-х гг. XIX в. оказывались ведущими при организации ведомственной науки в структуре государственных органов.

Министерские ученые подразделения
во второй четверти XIX в.:
вспомогательная наука и николаевская бюрократия

Вторая четверть XIX столетия стала наиболее значимым периодом в процессе формирования системы вспомогательных ученых подразделений. Большинство интересующих нас министерских структур либо возникают, либо существенно преобразуются в это время, составив к концу 1840-х гг. достаточно разветвленную сеть научно-вспомогательных комитетов и советов ведомственной принадлежности.

Эпоха Николая I, а именно к ней принадлежат отмеченные два с половиной десятилетия, вряд ли может быть оценена однозначно. Она в равной степени содержала в себе и черты стабилизации, даже стагнации, и грядущего кризиса 50-х гг. XIX в., но в ней же зрели и ростки будущих Великих реформ.

Этапность в развитии правительственной политики в сфере науки и образования, вызванная, по замечанию Г. Е. Павловой, «колебаниями внутренней и внешней политики царского правительства»¹³⁶, имела в числе своих причин еще одно немаловажное обстоятельство. В абсолютистском государстве, каковым являлась Россия в XIX в., весьма значимым было влияние субъективных факторов на темпы и характер преобразований, политику в целом.

Во-первых, эти факторы действовали в лице монарха, который был не только формально, но и реально высшей инстанцией законодательной и исполнительной власти. Личность каждого из представителей правящей династии окрашивала эпоху своими характерными чертами. Не только мнения, но и предубеждения императора отражались, в конечном счете, на правительственной политике. Во-вторых, система власти, созданная в России в начале XIX столетия, обеспечивала исключительное положение высшего слоя правящей бюрократии¹³⁷. Министры были подотчетны только императору, который, по меткому замечанию современного наблюдателя — чиновника Ф. Ф. Вигеля, «должен был уважать в них свой выбор»¹³⁸. Личные качества того или иного вельможи, его образованность, эрудиция, способность понять задачи научного обеспечения деятельности вверенного ему ведомства существенно влияли на судьбу министерских ученых подразделений.

Беглый взгляд на изложенные выше особенности российского политического устройства XIX в. может вызвать мысль об иронии истории, поскольку создание системы вспомогательной науки пришлось на эпоху императора Николая Павловича, образ которо-

го в истории мало соответствует эталону «просвещенного монарха». Действительно, в свидетельствах информированных современников и в историографии приведено немало фактов, характеризующих Николая I как человека, не слишком обремененного знаниями, относившегося к науке с пренебрежением, а зачастую и с подозрением. В ряду этих аргументов более чем однозначным представляется высказывание самого Николая I, записанное М. А. Корфом, о том, что «общие предметы или забываются, или не находят никакого приложения к практике»¹³⁹. Такой взгляд Николай Павлович вынес из своего собственного обучения и сохранил до зрелых лет, высказав его в 1847 г., что достаточно наглядно характеризует автора этой сентенции.

Следует ли тем не менее категорично утверждать, что Николай I рассматривал любое научное знание как бесполезное, что он был врагом просвещения? На наш взгляд, реальная ситуация была далеко не столь одноплановой.

Действительно не получив серьезного образования и не имея вкуса к академическим занятиям, Николай I тем не менее с большим интересом относился к прикладным, конкретным, в первую очередь, техническим возможностям наук. Именно в период его правления большой шаг вперед делает система специальных высших технических учебных заведений¹⁴⁰. Используя сегодняшнюю терминологию, Николая I вполне можно было бы назвать сторонником технократических воззрений, не подразумевая под этим, конечно, развернутой теоретической базы подобных идей. Подобный «технократизм» выражался не только в предпочтении, но и в противопоставлении знания практического чистой науке, что в полной мере проявилось в подходах к организации научно-вспомогательных подразделений.

Пожалуй, наиболее полно противоречивость подходов, свойственная рассматриваемому периоду, сказалась в сфере военной. И именно в данной области непосредственное участие императора в принятии решений было особенно велико. Судьба научно-вспомогательных подразделений в военном ведомстве является своеобразной квинтэссенцией политики этого монарха по отношению к вспомогательной науке.

Уже в юности Николай Павлович с удовольствием занимается под руководством полковника Джанотти инженерной частью военного искусства, а в 1817 г. назначается генерал-инспектором инженерной части и шефом 1-го гвардейского Саперного батальона¹⁴¹. В роковые часы 14 декабря 1825 г. именно лейб-гвардии Саперный батальон под командованием А. К. Геруа в решающий

момент подошел к Зимнему дворцу. Все эти обстоятельства определили особое внимание Николая I к инженерным войскам, и на протяжении его царствования все вопросы, возникавшие перед Инженерным департаментом, «под влиянием высоких покровителей устраивались и выполнялись скоро, легко и полезно»¹⁴².

Прикладная наука, сосредоточенная в военном ведомстве в рамках Военно-ученого комитета, также получает определенное развитие в соответствии с объективными запросами времени. Неспособность силами относительно малочисленного Военно-ученого комитета охватить чрезвычайно объемный круг вопросов, порученный его ведению, стала очевидной достаточно быстро. Еще в 1818 г. Николай Павлович, в то время великий князь и генерал-инспектор инженерной части, высказывал мнение о необходимости «иметь при каждой из частей (артиллерийской, инженерной и квартирмейстерской) особые ученые комитеты»¹⁴³. И в дальнейшем Николай I активно поддерживал создание специализированных военно-ученых комитетов по родам войск. По новому «Положению», выработанному в 1836 г., Военно-ученый комитет образовывался уже в составе трех отделений со своим штатом по каждому из них¹⁴⁴.

В 1819 г., продолжая начатое П. К. Сухтеленем и А. А. Аракчеевым дело развития инженерного образования, Николай Павлович выступил инициатором создания Главного инженерного училища, составил его устав¹⁴⁵, существенно отличавшийся от других уставов кадетских корпусов того периода. В частности, зачисление в училище производилось не ранее 14 лет и по экзамену¹⁴⁶. К преподаванию были привлечены известные талантливые ученые: профессора К. И. Арсеньев, М. Ф. Соловьев, М. И. Талызин, Д. С. Чижов¹⁴⁷.

Несмотря на эти, казалось бы, более чем благоприятные условия, армия в целом, как и инженерные войска, не сделала в годы правления Николая I сколь-нибудь решительного шага вперед в своем техническом оснащении и применении достижений науки к военному делу. Причины подобного положения дел связаны с целым рядом обстоятельств.

Развитие военно-научных подразделений, численное их увеличение и усложнение структуры не было обеспечено соответствующим развитием необходимой опытно-экспериментальной базы. В частности, ни «Положение» 1812 г., ни более позднее, принятое в 1836 г. не предусматривали создания в структуре Военно-ученого комитета или под его непосредственным руководством каких-либо подразделений для проведения опытно-экспериментальных работ.

Материалы для необходимых исследований, полигоны и прочее обеспечение должны были предоставлять Артиллерийское и Инженерное ведомства, что, несомненно, уменьшало реальные возможности для осуществления конкретных прикладных исследований и опытов¹⁴⁸.

Вплоть до 40-х гг. XIX в. Военно-ученому комитету не удалось организовать эффективной деятельности. Лишь в 1827 г. комитет смог наладить выпуск «Военного журнала», не имевшего, впрочем, никакой известности в войсках. Тираж его в 1827 — 1846 гг. составлял лишь 150 экз.¹⁴⁹ Деятельность комитета оживилась только с середины 40-х гг. с приходом к руководству комитетом Ф. Ф. Шуберта. В этот период Военно-ученый комитет принимает участие в планировании и организации военно-топографических и военно-статистических работ. Последние осуществлялись в тесном научном контакте с учеными Императорской Военной академии, где в качестве ведущего специалиста в области военной статистики работал Д. А. Милютин. Результатом масштабного статистического изучения России стало издание «Военно-статистического обозрения Российской империи»¹⁵⁰.

Одно из устойчивых воззрений Николая I, прямо влиявших на подбор кадров, в том числе и для военно-ученых учреждений, заключалось в том, что император предпочитал «верность», а позже и «послушность» профессиональной компетенции. Так, во главе Штаба генерал-инспектора инженерной части был поставлен А. К. Геруа, оказавший Николаю I столь важные услуги в 1825 г. В составе Инженерного отделения Военно-ученого комитета сотрудничали генералы Трузсон, Сиверс, Шильдер, Эльснер¹⁵¹. Большинство из них были боевыми офицерами, отличились на полях сражений, но не могли в необходимой степени вникнуть в суть технических новшеств. Зачастую их деятельность сводилась к написанию обширных критических справок по поводу полученных комитетом предложений, а далее дело глохло в бюрократических кабинетах. В 1826 г. подобный стиль работы вызвал раздраженную резолюцию директора Инженерного департамента инженер-генерала Оппермана: «...Военно-ученый комитет учрежден на предмет усовершенствования предложений, поступающих в оный на рассмотрение, не ограничиваясь только одними замечаниями и критикой»¹⁵². Но все осталось по-прежнему.

Типичным представителем когорты членов Военно-ученого комитета «николаевского призыва» был К. А. Шильдер, на пике своей служебной карьеры начальник инженеров Гвардейского корпуса и генерал-майор. За осады Варны и Силистрии получил

два Георгиевских креста, но, будучи строевым офицером, с трудом разбирался в ученых предметах. Характерен эпизод с экспертизой воздушного насоса, изобретенного отставным генералом Саблуковым. Предложенный Саблуковым прибор был дешевле, легче и примерно в четыре раза эффективнее использовавшегося в то время вентилятора Сиверса. Экспертиза, порученная Шильдеру, тянулась почти десять лет: с 1832 по 1842 г. После ее завершения К. А. Шильдер в течение года составлял отчет, причем заключение было отрицательным, а затем предложил собственный проект, который в итоге оказался хуже образца Саблукова¹⁵³.

Но, пожалуй, наиболее показательным примером медлительности и Военно-ученого комитета, и самого Николая I можно считать историю внедрения в военную практику изобретений П. Л. Шиллинга фон Канштатома. В 1822 г. барон Шиллинг, в то время офицер, предложил способ воспламенения мин при помощи «гальванизма», т. е. электрическим разрядом. Эксперименты давали положительный результат, однако первые большие опыты были произведены под Красным Селом лишь в 1832 г. На испытаниях присутствовал император, что, однако, мало ускорило дело. Только в 1840 г. была сформирована специальная команда «для теоретического обучения гальванизму и способам применения его к военному делу». А первое практическое употребление электрических взрывателей — при осаде аула Салты — относится к 1847 г.¹⁵⁴ Пятнадцать лет понадобилось императору, считавшему инженерное искусство сферой своей профессиональной компетенции, чтобы дать высочайшую санкцию на использование изобретения. Приказ, полученный начальником Гальванической части штабс-капитаном Вансовичем, был лаконичен: «Поезжай на Кавказ и покажи Михаилу Семеновичу (кн. Воронцову — А. М.) эту чертовщину»¹⁵⁵.

Подобная судьба была уготована и второму изобретению П. Л. Шиллинга — электромагнитному телеграфу. Первые опыты в присутствии Николая I были произведены еще в 1833 г., но только в 1841 г. в России приступили к строительству первой проводной телеграфной линии от Зимнего дворца к Главному штабу¹⁵⁶. Таким образом, интерес Николая I к научно-технической стороне военного дела, да и других возможных научно-прикладных направлений ограничивался лишь внешней стороной. Ни сам император, ни значительная часть людей, которым он вверял это дело, не смогли проявить необходимой компетенции. Проблема в значительной степени заключалась в святом убеждении Николая Павловича, что как «добрая нравственность» является «лучшей теорией права»¹⁵⁷,

так и в других отраслях науки добросовестный генерал вполне совладевает с научными предметами. Реальный опыт показал всю ошибочность этого подхода.

Однако связывать все причины такой ситуации исключительно с личностью императора было бы неверным. Применительно к сфере военных научно-прикладных исследований отмеченное выше «прохладное отношение» определялось и рядом дополнительных факторов. После побед в войне с Наполеоном русская армия представлялась не только императору, но и более широким кругам военного руководства и в существующем виде наиболее сильной в Европе. Не требующей, следовательно, какой-либо серьезной технической модернизации. А насущная необходимость ограничить расходы на содержание вооруженных сил, тяжким бременем лежавшие на государственном бюджете, и вовсе отодвигала вопросы технического совершенствования в раздел второстепенных проблем. Расплатой за столь близорукую политику стало позорное поражение русской армии в Крымской войне, где вопросы технического оснащения войск сыграли далеко не последнюю роль.

Как уже отмечалось, система министерского управления в том виде, в котором она существовала в России XIX в., целиком замыкалась на фигуру министра, являвшегося полновластным хозяином своего ведомства. Необходимо отдать должное Николаю I, который во второй половине 20-х — первой половине 30-х гг. привлек к государственной работе немалое число способных и образованных сотрудников. В их числе Д. Н. Блудов, Е. Ф. Канкрин, П. Д. Киселев, М. М. Сперанский, С. С. Уваров и некоторые другие.

Личностное формирование управленцев этой генерации было теснейшим образом связано с эпохой Александра I. И не только по времени, но и по духу. Либеральные и просветительские идеи первого десятилетия XIX в. прочно пустили корни в общественной жизни. По оценке В. В. Леонтовича, «многие из его (Николай I. — А. М.) сотрудников придерживались... мнений, которые нельзя назвать иначе, как либеральными»¹⁵⁸.

В то же время утвердившаяся в советской исторической литературе характеристика прогрессивно настроенной части бюрократии среднего и высшего звена конца 30 — 50-х гг. XIX в. как «либеральной бюрократии» представляется несколько односторонней. Идеи «партии прогресса» 30 — 50-х гг., генетически связанные с комплексом просветительских идей конца XVIII — начала XIX в., органически включали в себя либеральные ценнос-

ти, но не исчерпывались ими. Более того, для генерации высшего чиновничества николаевского времени, той его части, которая ратовала за преобразования, либеральное общественное и государственное устройство было приемлемо не без множества оговорок. Предпочтительнее, на наш взгляд, определение, используемое С. С. Секиринским, — «просвещенная бюрократия»¹⁵⁹, более точно передающее основное содержание ценностных характеристик и устремлений интересующей нас группы государственных деятелей*.

Е. Ф. Канкрин и М. М. Сперанский, как известно, оставили свой след в истории не только как администраторы, но и как авторы серьезных научных трудов в области экономики и теории народного хозяйства и в правоведении. С. С. Уваров, по отзыву Б. Н. Чичерина, не слишком щедрого на похвалы современным ему государственным деятелям, «был человек истинно просвещенный, с разносторонним образованием... В нем ярко выступала отличительная черта людей Александровского времени, горячая любовь к просвещению»¹⁶⁰. Последнюю характеристику, данную Б. Н. Чичериным Уварову, можно принять в качестве наиболее обобщенной, относящейся ко многим представителям этого поколения.

Уважение и интерес к науке порой приобретали порой у представителей министерской бюрократии неожиданные формы. Не следует забывать, что большинство из них, как управленцы, даже при неплохой общей образованности были дилетантами в тех сферах, которыми руководили. Например, в 1841 г. П. Д. Киселев, вдохновленный успехами выставок, проводившихся Министерством финансов, высказал идею о создании при губернских палатах госимущества музеев различных хозяйственных предметов. Ученый комитет министерства, в который было передано на рассмотрение это пожелание, оказался в сложном положении. Дабы не уничтожить на корню «просвещенную» идею министра и при этом не поддерживать заведомо нежизнеспособную и ненужную инициативу, комитет дипломатично предложил «ограничиться расширением уже созданного музея при Лесном и Межевом институте»¹⁶¹.

Таким образом, стремление использовать достижения науки,

* Современная англо-американская историография оперирует термином «enlightened bureaucrat». Ср. вариант употребления: *Lincoln W. Nicolai Miliutin an enlightened Russian bureaucrat.* — Newtonville (Mass.). 1977.

поставить ее возможности на службу России, государству было присуще значительной части высшей бюрократии николаевского времени. Лучшие ее представители видели отсталость страны в экономическом, а по ряду направлений и в научно-технологическом отношении. Они критически относились ко многим реалиям российской действительности, в первую очередь, крепостному праву. Однако, будучи сами плоть от плоти бюрократической системы, более того, олицетворяя эту систему, они действовали в направлении, определенном монархом, и руководствовались главнейшими правилами бюрократической власти.

Итак, при наличии как объективных, так и субъективных предпосылок для развития научно-вспомогательных подразделений во второй четверти XIX в. рост этих подразделений тем не менее был связан с определенными трудностями и противоречиями. Увеличение численности «ученых установлений» вполне уживалось с бюрократизацией их деятельности.

Проблема соотношения запросов управленческого аппарата к прикладной науке с возможностями ученых подразделений дать на них ответы была, пожалуй, основной из тех проблем, которые приходилось решать как органам центрального административного управления в лице своих высших руководителей, так и ученым, привлекавшимся в состав ученых комитетов. Министерские структуры искали ответ на наиболее сложный вопрос: каковы должны быть реальный набор задач научно-вспомогательных подразделений, формы и способы организации их деятельности.

Ведомством, сконцентрировавшим в своей структуре управление большинством отраслей государственного хозяйства, стало после реформ 1810 — 1811 гг. Министерство финансов. В составе министерства был образован Департамент государственных имуществ, в который вошли на правах отделений управление казенными лесами и государственным земельным фондом. Горное и соляное управление были выделены в отдельный департамент. В соответствии с «Учреждением Министерства финансов» в его структуре был сохранен Горный совет на правах общего присутствия департамента, кроме того, при Департаменте горных и соляных дел создавалась лаборатория, которой поручалось «производство разных химических опытов по всем предметам, относящимся к ведению Департамента»¹⁶². Все дела по «ученой части» распределялись между столами. Так, первому столу Отделения казенных лесов поручалось ведать лесные институты и училища и «все дела по лесной ученой части», а второму столу Отделения казенных заводов — «дела, относящиеся до усовершенствования машин,

новых изобретений искусственных и художественных по горной части» и дела по «разысканию слоев земных», т. е. геологоразведочные работы¹⁶³.

Однако уже в начале 20-х гг. в становится очевидным, что сложившаяся структура не отвечает необходимым требованиям. Чиновники отделений, загруженные текущей канцелярской работой, конечно, не могли эффективно выполнять столь обширный набор задач, часто далеких от текущих управленческих вопросов. Требования к квалификации чиновников, которым можно было бы поручить научные задачи, также выходили за рамки возможного. Как следствие, с середины 20-х гг. в структуре Министерства финансов начинают создаваться вспомогательные подразделения — ученые комитеты, которым и передаются «дела по ученой части».

Столь активная перестройка научно-вспомогательного аппарата в структуре министерства стала возможна не в последнюю очередь благодаря Е. Ф. Канкрину, который возглавил финансовое ведомство в 1823 г.

Егор Францевич (Георг Людвиг) Канкрин происходил из династии потомственных специалистов горного дела. Его отец, минералог и горный инженер, был в 1784 г. приглашен на русскую службу для заведования соляными разработками и сделал хорошую карьеру. В конце XVIII — начале XIX в. он был членом Берг-коллегии, а затем Горного совета¹⁶⁴. Сам Е. Ф. Канкрин обучался в Гиссенском и Марбургском университетах, в последнем получил ученую степень доктора прав.

Еще в самом начале своей службы, в 1800 г., Канкрин составляет обстоятельную записку об улучшении овцеводства в России. И в дальнейшем научный взгляд на предметы административного управления, с которыми ему приходилось сталкиваться, оставался одной из важнейших черт его деятельности. Менялся лишь масштаб теоретического обобщения практики. С его службой в качестве военного интенданта связана работа «О средствах продовольствования больших армий», с деятельностью в качестве члена Государственного совета по Департаменту государственной экономии — «Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство». В 1829 г. Е. Ф. Канкрин, возведенный в графское достоинство, с полным основанием избирает девиз: «Трудом»¹⁶⁵.

С приходом Е. Ф. Канкрина к руководству Министерством финансов начинают разрешаться назревшие проблемы реорганизации министерских подразделений и структурного обособления

специализированных научно-вспомогательных комитетов и советов.

В 1825 г. создается Горный ученый комитет. Сложившаяся специфика горного ведомства предопределила его создание не в рамках профильного департамента, а при Горном кадетском корпусе. Именно там были сосредоточены наиболее квалифицированные кадры горных специалистов. Кроме того, корпус находился в непосредственном подчинении директора Горного департамента. По уставу 1804 г. директором Горного кадетского корпуса являлся президент Берг-коллегии.

Годом ранее, в 1824 г., Департамент горных и соляных дел возглавил генерал-лейтенант Е. В. Карнеев, ранее руководивший Комитетом по снабжению войск сукнами. По характеру деятельности этого государственного органа ему приходилось тесно соприкасаться с нуждами мануфактурной промышленности. Ясно понимая техническую отсталость предприятий национальной легкой промышленности, Карнеев выступил в 1820 г. горячим поборником ее технологического перевооружения, поддержав и развив высказанные несколькими годами ранее предложения сенатора И. Аршеневского о необходимости создания специального органа — Мануфактурного совета — для оказания помощи фабрикантам в развитии производства¹⁶⁶.

Столь же важной представлялась Е. В. Карнееву роль научного знания и в развитии вверенной ему горной отрасли. Вскоре после вступления в должность новый глава департамента возбуждает ходатайство об издании журнала для «распространения сведений и новых открытий по горному делу»¹⁶⁷. Главной задачей Горного ученого комитета и являлся выпуск «Горного журнала», в соответствии с проектом этого подразделения, предложенным Карнеевым. Комитету надлежало также рассматривать проекты и изобретения по горной и соляной части, поступающие в департамент¹⁶⁸.

Организационное устройство комитета предполагало выборность его членов и членов-корреспондентов¹⁶⁹. В 1834 г., с введением военизированной структуры горного ведомства и созданием Корпуса горных инженеров, Ученый комитет получает новое «Положение», которое расширило его функции и одновременно бюрократизировало структуру этого подразделения. Большинство состава комитета отныне не избирается, а назначается¹⁷⁰.

Исследовательская база горного ведомства была существенно усилена путем слияния лаборатории Горного департамента

с лабораторией Горного кадетского корпуса и подчинением ее ученому комитету¹⁷¹. Таким образом, впервые в практике создания научно-вспомогательных подразделений был образован комплекс учреждений, включавший как научно-консультационный, так и опытно-экспериментальный структурно выделенные блоки.

Но наиболее интересной была попытка расширить деятельность ученого комитета за рамки центрального горного управления. «Положение о Горном ученом комитете» предусматривало создание в горнозаводских округах горных обществ, которые должны были выступать в качестве отделений на местах Горного ученого комитета¹⁷². Подобные идеи будут заложены и в соответствующие нормативные акты при создании Мануфактурного и Коммерческого советов¹⁷³, что свидетельствует о последовательном стремлении министерского руководства в 20-30-е годы XIX в. связать органы центрального управления, в том числе и научно-вспомогательные подразделения, с ведомственной сетью в провинции. В случае успеха они могли бы, во-первых, черпать необходимую им информацию и, во-вторых, повышать научно-технический уровень на местах.

Однако данное начинание, безусловно, прогрессивное и целесообразное по своему замыслу, опередило время. Малое число подготовленных специалистов, низкий уровень производства, нередко отсутствие интереса у провинциальных чиновников к созданию подобных объединений не позволили ни одной из структур Министерства финансов создать во второй четверти XIX в. реально действующие сети вспомогательных подразделений на местах. Подробнее этот вопрос мы рассмотрим в следующем разделе данной главы.

Из всех сфер государственного хозяйства, находившихся под управлением Министерства государственных имуществ, лесное хозяйство представлялось сферой наиболее сложной как для практической эксплуатации, так и для постановки дела на научную основу. Достаточно вспомнить, что в середине XIX в. только в губерниях Европейской России площадь лесов составляла 1 633 396 кв. верст (39,4% общей площади)¹⁷⁴. Большая часть их принадлежала казне.

Предусмотренные «Уставом о лесах» (1802) меры, призванные «привести в известность» лесные богатства и наладить их рациональное использование в соответствии с научно обоснованными методиками (подробнее см. главу I), требовали для своей реализации громадных средств, которыми правительство не располагало.

Министерство финансов в 20 — 30-е гг. не только не предпринимало мер, направленных на кардинальное изменение сложившегося положения, но, видимо, осознавая малую перспективность подобных усилий, стремилось передавать леса под управление других ведомств. Так, в 1818 г. леса при соляных заводах были переданы Соляным правлениям, в 1828 г. корабельные — в ведение Морского министерства и т. п.¹⁷⁵

Тем не менее в 1826 г. в составе Департамента государственных имуществ был образован Специальный ученый комитет по лесной части, которому предлагалось, «сообразив все существующие по лесной части узаконения, согласив, дополнив и исправив их, изготовить проект новых лесных узаконений», и подготовить «предварительное наставление, каким образом начать правильное лесоводство по губерниям»¹⁷⁶. Кроме того, в круг обязанностей новообразованного комитета входили текущие дела по ученой и практической части лесоводства¹⁷⁷.

Создание ученого подразделения в структуре лесного ведомства было не единственным мероприятием, направленным на повышение научного уровня ведения лесного хозяйства в стране. В соответствии с «Положением о новом устройстве лесной части» в 1826 г. в шести центральных губерниях были введены дополнительно должности ученых лесничих¹⁷⁸. В 1829 г. было осуществлено преобразование Форест-института — главного специализированного учебного заведения, готовившего кадры для лесного ведомства, а в 1834 г. под Петербургом основано Лисинское учебное лесничество и егерское училище при нем¹⁷⁹.

Все перечисленные меры носили скорее перспективный характер. Лисинское лесничество на долгие годы оставалось не только учебным полигоном, но и, по сути, единственным правильно организованным лесным хозяйством в стране.

Попытки, предпринятые во второй четверти XIX в. в лесном управлении по внедрению в практику управления государственными имуществами научных методов ведения хозяйства, наглядно показывают сложность этого дела и, в конечном счете, ограниченные возможности реально повлиять на сложившуюся ситуацию. Препятствиями являлись ограниченность финансовых ресурсов, нехватка кадров и прочие вполне очевидные обстоятельства, встававшие на пути всех ведомств. В этих условиях достаточно явственной становилась оторванность от жизни задач, поставленных перед учеными комитетами.

По оценке товарища министра государственных имуществ Н. Гамалеи, который в 1841 г. осуществил ревизию деятель-

ности лесного ведомства за первое тридцатилетие XIX в., «в отношении действительного ведения в лесах хозяйства и устройства, основанного на точных правилах науки, ничего или почти ничего не сделано, кроме приступа в Лисинском учебном лесничестве»¹⁸⁰.

Таким образом, Специальный ученый комитет по лесной части, как и ряд других ученых комитетов во второй четверти XIX в., в своей деятельности мало соприкасался с практикой. Причиной тому была, в первую очередь, недостаточная база для исследования лесных богатств государства. Неудивительно, что представлявшиеся комитетом предложения, «основанные на германских теориях лесной науки», справедливо вызвали сомнение в их применимости в российских условиях, столь далеких от условий Центральной Европы¹⁸¹.

Причины подобного положения дел достаточно очевидны. Однако, оценивая результаты и последствия деятельности научно-прикладных подразделений, вряд ли стоит сводить их к непосредственному влиянию, точнее, отсутствию влияния на практику. Накопление информации, опережающее развитие научных исследований, подготовка кадров и привлечение ученых к работе в составе правительственных подразделений создавали комплекс необходимых предпосылок для дальнейшего развития той или иной сферы государственного хозяйства. Понимание данного факта заставляло руководство министерств поддерживать научно-вспомогательные подразделения. В то же время отсутствие ресурсов и не в последнюю очередь — реальных механизмов внедрения научных рекомендаций в практику управления во многом обусловили то, что отношения науки и государственной власти оставались скорее в плоскости сосуществования, чем взаимодействия.

Таким образом, «просветительские» в широком смысле этого слова установки бюрократической элиты 20—40-х гг. XIX в. обеспечивали создание научно-вспомогательных подразделений, в том числе и в тех сферах административного управления, где применение данных науки не являлось практической задачей не только текущего момента, но и ближайшего будущего.

Наглядным примером такого подхода, свойственного правящей элите России во второй четверти XIX в., стала знаменитая экспедиция по России А. Гумбольдта, осуществленная по приглашению Николая I и организационно подготовленная Министерством финансов¹⁸². Экспедиция, перед которой не было поставлено каких-либо конкретных задач и целей.

Процесс определения действительной роли и места научно-вспомогательных подразделений в системе административного аппарата проходил непросто. Наиболее очевидно все изгибы правительственной линии в судьбе ученых подразделений проявились в ходе реформирования структур Министерства внутренних дел.

Медицинский совет министерства в 1822 г. был воссоединен с аналогичным советом Министерства духовных дел и народного просвещения. Этим решением был, наконец, ликвидирован искусственный отрыв медицинского управления от медицинской науки и подготовки кадров. Однако объединение под управлением Медицинского департамента всех сфер, составляющих медицинскую службу в государстве, вызывало соблазн организовать управление ею чисто бюрократическими методами. Уже в 1823 г. в недрах департамента рождается проект, главная суть которого сводилась к сужению научных и расширению хозяйственных функций Медицинского совета. Совет, по мысли авторов проекта, должен был состоять из 12 медицинских чиновников, «каждый из которых получит особенную обязанность по какой-либо из частей, врачебную науку составляющих». Главным содержанием деятельности членов совета должны были стать пробы аптечных материалов, закупка хирургических инструментов, торги, подряды и т. п.¹⁸³

Не внес окончательной ясности в обсуждавшийся вопрос и специально созданный в 1828 г. Комитет «о лучшем устройстве гражданской медицинской части»¹⁸⁴. Чиновники департамента, совершенствуя проект положения о Медицинском совете, особое внимание уделяли денежному содержанию его членов. По их предположениям, жалованье действительных членов должно было составлять 3 тыс. руб., а председателя — 4 тыс. руб. в год¹⁸⁵, что превышало официально существовавшие в то время оклады министров. Таким образом, совет вполне мог превратиться в выгодную синекуру для чиновников от медицины.

Утвержденное в 1836 г. Государственным советом «Положение» о Медицинском совете носило половинчатый характер и просуществовало лишь 5 лет. Главная проблема, которая оставалась неразрешенной в «Положении» 1836 г., — вопрос о реальных полномочиях совета. Многочисленные задачи, поставленные перед ним в части совершенствования медицинской науки, надзора над медицинской практикой и аттестацией кадров, могли разрешаться лишь на рекомендательном уровне¹⁸⁶.

В итоге насущные потребности государственной медицинской службы, как гражданской, так и военной, заставили министерское

руководство пересмотреть, казалось бы, уже установившийся взгляд на роль и место в системе ведомства данного научно-вспомогательного подразделения. Благоприятной в этом отношении оказалась и смена главы Министерства внутренних дел. В 1841 г. министерский пост занял Л. А. Перовский, который активно поддержал новую реформу Медицинского совета.

В соответствии с новым «Положением», принятым в 1842 г., его статус менялся коренным образом. Медицинский совет отныне становился «высшим в государстве врачебно-ученым, врачебно-полицейским и врачебно-судебным местом»¹⁸⁷. Таким образом, за советом закреплялось положение высшей правительственной инстанции, призванной решать как научные, так и практические вопросы медицины. В соответствии со ст. 3 «Положения», «никакая мера по медицинскому устройству не представляется на высочайшее утверждение без предварительного обсуждения в Медицинском совете»¹⁸⁸.

Вопросы, подлежащие ведению Медицинского совета, разделялись на относящиеся «к ученой части» и к «части судной». В число первых входили рассмотрение открытий, относящихся к врачебной науке; цензура медицинских сочинений, народных лечебников и т. п.; исследование новых фармацевтических средств, в том числе изыскание способов к замене иностранных лекарств российскими; борьба с эпидемиями; аттестация иностранных врачей, желающих получить практику в России, и ряд других. По «части судной» на Медицинский совет была возложена окончательная экспертиза сомнительных случаев судебной медицины¹⁸⁹.

Вместе с тем не стоит и переоценивать масштаб тех прерогатив, которые были получены Медицинским советом в результате его преобразования в 1842 г., как это делает в своей работе А. И. Моисеев, дореволюционный исследователь истории Медицинского совета¹⁹⁰. Все решения совета являлись сугубо рекомендательными и вводились в действие лишь с санкции министра и директоров департаментов¹⁹¹.

Вторым направлением деятельности Министерства внутренних дел, где привлечение научных сил также являлось давно и насущно необходимым, была административная статистика. Первые попытки решения этой задачи были предприняты, как отмечалось выше, еще в Министерстве полиции в 1811 — 1819 гг. Однако проекты К. Ф. Германа и А. Д. Балашева так и остались не реализованными.

В 20-е — первой половине 30-х гг. Статистическое отделение,

существовавшее сначала при Канцелярии министра внутренних дел, а затем при Департаменте полиции исполнительной, смогло в качестве результатов своей деятельности выпустить лишь две сводные статистические работы с описанием городов и посадов Российской империи (1825, 1833), содержавшие значительное количество неточностей. Положение дел в этом подразделении МВД ярко характеризуется следующим примером: к 1834 г. более 50 табелей, отражавших текущие статистические данные о численности населения, состоянии промышленности, земледелия и т. п., были потеряны¹⁹². К 30-м гг. XIX в. недостатки в системе сбора и анализа статистической информации стали более чем очевидны.

Образованное в 1834 г. при Совете министра Статистическое отделение должно было не только наладить сбор и анализ текущей статистической информации с мест, но и выступить в качестве коллегиального совещательного органа, в который предполагалось привлечь «людей, отличающихся сведениями и опытностью в делах внутреннего управления»¹⁹³. Для организации статистических работ министр внутренних дел Д. Н. Блудов привлек известного русского ученого, крупнейшего специалиста в области статистики и экономической географии, профессора К. И. Арсеньева.

В соответствии с «Правилами» для Статистического отделения и его штатом¹⁹⁴, в его состав входили как чиновники министерства, так и члены-корреспонденты. Таким образом, по типу своего организационного устройства Статистическое отделение было образовано в виде комитета, как и большинство других научно-вспомогательных подразделений. В числе важнейших задач, порученных отделению, входили составление общего плана статистических работ, определение форм статистической отчетности, поступающих из губерний, и создание «подробных и по возможности точных описаний состояния дел всех частей, подведомственных МВД»¹⁹⁵. Созданию корреспондентской сети отделения было уделено особое внимание, как способу обеспечить поступление необходимых данных.

Нельзя не обратить внимание на одну характерную деталь организационных положений 1834 г. В штаты канцелярии отделения предполагалось определять «преимущественно вступающих вновь на службу в Министерство внутренних дел молодых людей, окончивших курс учения в высших учебных заведениях, для испытания их способностей и для приготовления [к занятию] штатных мест» в министерских подразделениях¹⁹⁶. Данное положение оставляет двойственное впечатление. С одной сто-

роны, являясь своеобразной «кузницей кадров» министерства, отделение интегрировало в числе своих задач и такую перспективную для ведомственной вспомогательной науки функцию, как дополнительная послевузовская подготовка управленцев. С другой — оно обрекалось на постоянную смену части своего состава, использование для работы недостаточно подготовленных чиновников.

В 1834 г. Статистическое отделение подготовило «План занятий Статистического отделения»¹⁹⁷, в котором были определены основные направления развития административной статистики. План был отпечатан значительным для подобных изданий тиражом (3 тыс. экземпляров) и разослан по всем губерниям в количестве 50 экземпляров, а кроме того, передан в другие министерства и ведомства¹⁹⁸. Эти шаги наглядно свидетельствуют о том, что в своей деятельности отделение, руководимое К. И. Арсеньевым, не собиралось замыкаться в тесных ведомственных рамках, а планировало выступить своеобразным центром, организующим статистическое изучение России и аккумулирующим результаты исследований.

Программа, сформулированная в «Плане занятий...», обозначила широкую перспективу изучения самых разнообразных аспектов российской действительности. В соответствии с компетенцией Министерства внутренних дел основное внимание было обращено на «состояние управления и благочиния губернского, уездного и городского», сельской промышленности и «народного продовольствия», «народного здравия» и «иноверных» конфессий¹⁹⁹. Наряду с фиксацией данных (что, собственно, и подразумевает ведомственная статистика), «План...» ориентировал исполнителей на исследование причин, предпосылок и следствий тех или иных явлений социальной, хозяйственной и духовной жизни. Так, в разделе, касающемся «описаний губерний вообще», при описании границ губерний и уездов предлагалось обращать внимание на «удобства и неудобства сего разграничения и разделения», а при описании городов выявлять «причины упадка одних и возрастания и преуспеяния других»²⁰⁰.

Программа, составленная К. И. Арсеньевым и поддержанная на начальном этапе деятельности отделения министерским руководством — Д. Н. Блудовым, конечно, выходила за рамки сугубо прагматических потребностей ведомства, являясь в том числе данью идеям ведомственного патронажа науки. Вместе с тем нормативные документы об организации статистики в структуре ведомства МВД не содержали конкретных механизмов реализации

«Плана занятий...», оставляя его, таким образом, без соответствующего организационного подкрепления. Последнее являлось не столько виной, сколько бедой административной статистики как в первую четверть, так и в 30 — 50-е гг. XIX столетия. Неоднократно высказывавшиеся — как современниками²⁰¹, так и позднейшими исследователями²⁰² — упреки в ее адрес не учитывают, на наш взгляд, ограниченность возможностей, на которые объективно могла опереться в этот период статистическая наука в целом.

Накопление сил, в первую очередь квалифицированных кадров, и в столице и, тем более, в провинции, находилось в первой половине XIX в. в стадии, весьма далекой от завершения. Важным обстоятельством, вытекавшим из политики министерства и действительно явившимся сдерживающим фактором в развитии административной статистики, особенно в провинции, стали те сословные ограничения, которые на практике существовали при комплектовании корреспондентской сети. Подробнее эти вопросы мы рассмотрим в следующих разделах монографии.

Кроме того, Статистическое отделение оказалось перегруженным многими функциями, которые были далеки от статистических работ, сколь бы широко ни трактовалось данное понятие. Так, в число задач вновь созданного подразделения входило «предварительное рассмотрение и соображение представляемых вновь планов городов, проекты новых разделений губерний и уездов, предположений о городских доходах и расходах, рассмотрение в хозяйственном отношении предполагаемых новых зданий» и т. п. Наиболее экзотичной обязанностью отделения было составление городских гербов²⁰³.

Стремление нагрузить Статистическое отделение столь многообразными и разноплановыми работами не могло не сказаться на эффективности его деятельности. Действительно, анализ отчетов за вторую половину 30-х и 40-е годы свидетельствует, что дополнительные задачи отнимали большую часть времени его сотрудников. Так, в 1840 г. было утверждено более 20 планов городов, составлены гербы для 8 городов; в 1841 г. составлены гербы по 18 губерниям и т. п.²⁰⁴

В совокупности обстоятельств, предопределивших малую эффективность деятельности этого научно-вспомогательного подразделения в 30 — 50-е гг. XIX в., наиболее существенную роль сыграло фактическое отсутствие ведомственной сети сбора информации в губерниях. В этих условиях щедро выделявшиеся Статистическому отделению средства не повлияли на конечную эффективность

его деятельности (так, в 1836 г. министр внутренних дел Д. Н. Блудов увеличил средства отделения на 5 тыс. руб., а в 1839 г. в соответствии с новыми штатами министерства суммы, отпускавшиеся на Статистическое отделение, были увеличены до 24 тыс. руб. серебром²⁰⁵).

Подобное положение дел свидетельствовало о своеобразном понимании министерским руководством задач, методов и специфики деятельности Статистического отделения. К. И. Арсеньев, приглашенный возглавить его работу, стремился направить деятельность вверенного ему подразделения на создание подлинно научных основ государственной статистики. Однако, несмотря на исключительные возможности в чиновном мире, которые предоставляло ему положение наставника и преподавателя наследника престола великого князя Александра Николаевича, он не смог перебороть косность министерской бюрократии. Особенно усложнилась ситуация с уходом с поста министра Д. Н. Блудова.

Наиболее характерным примером, иллюстрирующим отношение руководства МВД к задачам административной статистики, формам ее организации и, в конечном счете, к тем программам, которые разрабатывались К. И. Арсеньевым, представляется сюжет с учреждением в 1843 г. Временного статистического комитета под председательством начальника Канцелярии министерства М. И. Лекса.

В 1843 г. временно управлявший Статистическим отделением в отсутствие К. И. Арсеньева М. И. Лекс представил на рассмотрение министра Л. А. Перовского записку, в которой предложил коренным образом пересмотреть организацию и задачи деятельности отделения. Содержание этого документа, местами напоминающего донос, ярко рисует логику бюрократического подхода к научным вопросам.

Главная претензия, адресованная руководителю статистической службы, заключалась в том, что под его руководством отделение затрачивает силы на исследование вопросов, не имеющих отношения к «явлениям государственных сил»²⁰⁶. По убеждению М. И. Лекса, «ей (статистике. — А. М.) следует отбросить все данные, которые удовлетворяют одному бесплодному любопытству и отдаленным теоретическим видам (курсив мой. — А. М.), а следует ограничиться только теми, которые имеют практическую важность в администрации»²⁰⁷. Прописав таким образом цели и задачи статистики, автор записки предложил и средства, при помощи которых, по его разумению, их можно было достигнуть. И здесь

ничего оригинального по сравнению с бюрократическим шаблоном предложено не было: «Статистические исследования и описания совершаются специальными чиновниками, назначенными для сего от МВД»²⁰⁸.

По возвращении К. И. Арсеньева ему было сообщено о том, что министр одобрил предложения своего начальника канцелярии о «статистическом описании Российской империи посредством постепенного описания губерний через особых чиновников», для чего учрежден Временный статистический комитет под председательством М. И. Лекса²⁰⁹.

Деятельность комитета не принесла ощутимых результатов и заглохла сама собой. Однако формы вмешательства в работу научно-вспомогательного подразделения, уровень представлений, с позиций которых осуществлялась критика, достаточно убедительно показывают компетенцию большей части представителей николаевской бюрократии и характер их отношения к ведомственной науке в министерских стенах. Очевидное понимание необходимости развития государственной статистики сопрягалось с неумением и нежеланием выйти за узкие рамки привычных бюрократических способов деятельности. Убежденность во всемогуществе чиновника, вооруженного приказом и инструкцией, оставила за бортом идеи К. И. Арсеньева о развитии сети корреспондентов в губерниях, расширении тематики работ административной статистики.

Вплоть до 30-х гг. XIX в. проблемы аграрного сектора национальной экономики, повышения его эффективности путем внедрения новых способов земледелия, совершенствования сельскохозяйственной техники либо оставались делом негосударственной инициативы, либо внедрялись казарменными методами, порождая «картофельные бунты». Робкие спорадические попытки правительства по развитию сельскохозяйственного образования и деятельность немногочисленных сельскохозяйственных обществ — вот, по существу, весь набор средств, направленных на решение важнейшей после вопроса о крепостном праве проблемы.

В 1833 г. президент Вольного экономического общества Н. С. Мордвинов обратился к Николаю I с запиской, в которой предложил реализовать с помощью Вольного экономического общества широкомасштабную программу по «усовершенствованию земледелия в России»²¹⁰. Предложение Мордвинова было передано Николаем I на рассмотрение в Комитет министров, который не нашел возможности «дать этим мыслям полное разви-

тие обыкновенным порядком рассмотрения государственных дел». В результате «для получения надежнейших соображений по вопросу» был создан Комитет об усовершенствовании земледелия в России ²¹¹.

Вопреки первоначальному замыслу комитет был составлен не из представителей агрономической науки, а из высших сановников. В его состав помимо Н. С. Мордвинова вошли Е. Ф. Канкрин, Д. Н. Блудов, братья Васильчиковы, а управление делами комитета было поручено А. М. Княжевичу, в то время начальнику канцелярии Министерства финансов. История комитета была подробно рассмотрена В. И. Вешняковым на основе архивов Министерства государственных имуществ ²¹². Практических результатов деятельности комитета, как и многих других высших комитетов николаевского времени, не имела. Тем не менее разработанные и представленные в Государственный совет проекты развития сельскохозяйственного образования, издания «Земледельческой газеты» и ряд других начинаний поставили на повестку дня вопрос о создании постоянного государственного подразделения, занимающегося проблемами и нуждами сельского хозяйства.

Высказанные Н. С. Мордвиновым предложения, выразившие идеи представителей российской сельскохозяйственной науки, прогрессивных деятелей Вольного экономического общества, оказались созвучны другой социально-политической задаче николаевского правительства: поиску средств и способов экономической стабилизации дворянского хозяйства. Таким образом, комплекс вопросов, которыми должно заниматься сельскохозяйственное ведомство, к середине 30-х гг. XIX в. был определен.

При создании в 1837 г. Министерства государственных имуществ в его составе был образован III Департамент (с 1845 г. — Департамент сельского хозяйства), в обязанности которого входил широкий комплекс вопросов по совершенствованию сельскохозяйственного образования, развитию агротехники, ирригации, мелиорации, кроме того, в ведении этого департамента находились также лесоводство, кадастр и сельскохозяйственная статистика ²¹³. Во главе вновь образованного подразделения был поставлен адъюнкт Петербургской Академии, впоследствии академик, П. И. Кеппен.

В составе департамента был образован Ученый комитет «для рассмотрения всех тех дел, которые, заключая в себе новые предложения по государственным имуществам и сельскому хозяйству, требовали сведений специальных и соображений ученых» ²¹⁴. Комитет состоял из шести штатных членов и разделялся

на три отделения: сельского хозяйства, лесного хозяйства и кадастра. «Положение» об Ученом комитете III Департамента предполагало и создание сети членов-корреспондентов комитета, обеспечивающей его связи с учеными и практиками сельского хозяйства ²¹⁵.

Перераспределение дел между вновь образованным Министерством госимуществ и Министерством финансов привело и к изменению структуры научно-вспомогательных подразделений: Специальный ученый комитет по лесной части, существовавший с 1826 г. в финансовом ведомстве, слился с Ученым комитетом МГИ.

Ученый комитет МГИ в значительной степени унаследовал как программу, так и формы работы старейшего российского сельскохозяйственного общества — Вольного экономического, тесные связи с которым последовательно укреплялись членами комитета с первых шагов его самостоятельной деятельности ²¹⁶. По примеру ВЭО ученый комитет проводил конкурсы, осуществлял широкую издательскую деятельность по выпуску хозяйственных наставлений, занимался вопросами сельскохозяйственного образования, поощрял прогрессивный опыт хозяйствования.

В 1844 г. были учреждены специальные медали Ученого комитета МГИ «За изобретения и улучшения, труды и успехи в сельском хозяйстве» ²¹⁷. Медали выдавались трех разрядов: золотые — первого (в 300 руб.) и второго разряда (150 руб.) и серебряные (20 руб.). Наград удостоивались «помещики за примерное устройство имений», члены-корреспонденты комитета «за отличное исполнение поручений по разбору сочинений, собиранию необходимых сведений и разрешению вопросов по части сельского хозяйства», а также лица всех сословий за вышеуказанные достижения ²¹⁸. По заключению ученого комитета выдавались и иные награды: медали за успешное возделывание картофеля и кукурузы в южных районах ²¹⁹, ордена помещикам за сельскохозяйственные достижения и другие поощрения. Всего за десять лет — с 1844 по 1853 г. — Ученым комитетом МГИ было присуждено 665 различных наград за успехи в сельском хозяйстве, в том числе 62 медали Ученого комитета МГИ ²²⁰.

С 1840 г. к ведению Ученого комитета МГИ относятся и вопросы предоставления привилегий на изобретения и усовершенствования в области сельского хозяйства ²²¹. К научно-вспомогательному подразделению Департамента сельского хозяйства перешли разрабатывавшиеся ранее в разных ведомствах вопросы осушения окрестностей Санкт-Петербурга, улучшения почв по-

средством ирригации и мелиорации и ряд других актуальных научно-прикладных задач²²².

Именно в структуре Министерства государственных имуществ при активном участии его ученого комитета в начале 50-х гг. XIX в. возникает одно из первых в истории ведомственной науки опытных подразделений — опытная ферма по прививанию чумы крупному рогатому скоту²²³ и проводятся первые масштабные экспедиционные исследования — экспедиция К. Бэра для изучения рыболовства на Каспии²²⁴.

Вместе с тем возможности, которыми располагал ученый комитет применительно к масштабу поставленных задач, были более чем скромными. Наглядное представление о них дает структура расходования средств на учебные и научные цели. Так, на устройство и содержание учебных ферм, обучение молодых крестьян в земледельческих и ремесленных заведениях было затрачено 927,5 тыс. рублей, на проведение сельскохозяйственных выставок — 45,1 тыс. руб., на приобретение сельскохозяйственных моделей и семян — 54,8 тыс. руб.²²⁵ Общая сумма дохода министерства за указанный период составила 31,2 млн. руб.²²⁶ Таким образом, несложный подсчет показывает, что затраты на интересующие нас цели составляли всего лишь около 4,4% от доходов, полученных министерством от эксплуатации государственных имуществ.

Конечно, роль и значение деятельности данных подразделений нельзя свести только к ее денежному эквиваленту, но тем не менее приведенные выше цифры показывают ту долю доходов, которая «рефинансировалась» в повышение эффективности хозяйства на основе внедрения новых научных знаний.

Создание ведомственных научно-вспомогательных подразделений было не единственным путем мобилизации сил и средств науки на решение значимых государственных задач. В ином русле, например, шло развитие этого процесса в ведомстве путей сообщения, которое стояло на пороге настоящей революции в курируемой отрасли — строительства железных дорог²²⁷.

Первоочередной задачей, возникшей перед Главным управлением путей сообщения еще в 40-е гг., фактически одновременно с началом строительства железной дороги Москва — Петербург, стала задача разработки общей концепции развития транспортных магистралей, как сухопутных, так и водных. В 1842 г. по инициативе П. А. Клейнмихеля начинается сбор сведений по губерниям и разработка вопроса в рамках Комитета по начертанию общего плана водяных и сухопутных коммуникаций, который был состав-

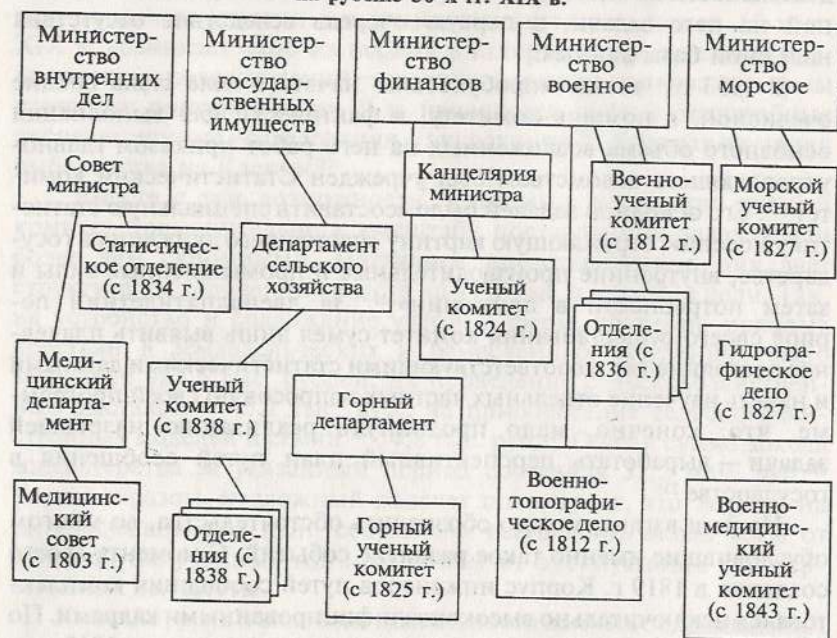
лен исключительно из высших чинов ведомства, представителей министерств и сановников²²⁸. Однако на протяжении 10 лет своей деятельности комитет мало продвинулся в выполнении возложенной на него задачи, в первую очередь вследствие отсутствия надежной базы данных.

В 1853 г., когда «пробуксовка» начатого дела стала вполне очевидной, в помощь комитету, а фактически для выполнения основного объема возложенных на него работ приказом главного управляющего ведомством был учрежден Статистический комитет²²⁹. Его основной задачей было «составить специальную статистику России», отражающую картину «настоящего движения в государстве, внутренние производительные и промышленные силы и затем потребности в движении»²³⁰. За двенадцатилетний период своего существования комитет сумел лишь выявить плачевное состояние дел с соответствующими статистическими данными и начать изучение отдельных частных вопросов по своей программе, что, конечно, мало продвинуло реализацию назревшей задачи — выработать перспективный план путей сообщения в государстве²³¹.

На наш взгляд, можно обозначить обстоятельства, во многом обусловившие именно такое развитие событий. С момента своего создания в 1819 г. Корпус инженеров путей сообщения комплектовался исключительно высококвалифицированными кадрами. По приказанию А. А. Бетанкура, возглавившего ведомство в 1819 г., в корпус «могли быть принимаемы лишь лица, получившие научное образование»²³². Эта традиция надежно удерживалась и впоследствии, что обеспечивало руководителям ведомства путей сообщения достаточное (во всяком случае, для центрального управления) количество соответствующим образом подготовленных кадров. Большинство текущих технических вопросов разрешалось силами департаментов. Однако в разработке концептуальных вопросов железнодорожного строительства в 20—50-х гг. XIX в., как это показала Н. С. Киняпина, путевое ведомство не смогло сыграть ведущей роли²³³.

Учреждение Министерства государственных имуществ и Ученого комитета в составе его III Департамента в целом завершило процесс формирования ученых комитетов — постоянных научно-вспомогательных подразделений в составе центральных органов государственного управления. Наглядное представление о сложившейся их структуре дает схема:

**Постоянные научно-вспомогательные подразделения
в структуре органов центрального административного управления
на рубеже 50-х гг. XIX в.**

Постоянные научно-вспомогательные подразделения существовали в конце второй половины XIX в. в пяти министерствах. Наиболее разветвленной к концу столетия оказалась структура вспомогательных научных подразделений Военного министерства. Немногим уступали ему Министерства внутренних дел, финансов и Морское министерство. Уже сам перечень воссоздает систему сложившихся приоритетов и те сферы, где научные знания нашли себе применение в достаточном объеме. Схема иллюстрирует и процесс возникновения научно-вспомогательных подразделений. Он продолжался на протяжении всей первой половины XIX в. и завершился в общих чертах в первой половине 40-х гг.

К концу дореформенного периода выявились и те объективные границы, за пределами которых сложившаяся система научно-вспомогательных подразделений уже не справлялась с задачами научно-технического обеспечения деятельности органов государственного управления и промышленности, курируемой государством. В первую очередь это касалось осуществления конкретных

работ, направленных на внедрение технических новшеств, выполнение объемных исследований и т. п. Следствием этого стало появление в 40-х — начале 50-х гг. значительного числа временных подразделений: так, в Морском министерстве создаются Комитет о подводных опытах (1839 — 1853), Пароходный комитет (1842 — 1856); в Военном — Комитет об улучшении штуцеров и ружей (1849 — 1860), Временный артиллерийский комитет (1859 — 1862) и т. д.

Попытки создания сети ведомственных научных подразделений в провинции

Шаги по созданию сети ведомственных научно-вспомогательных подразделений в провинции были вызваны как вполне объективной потребностью центральных административных органов в получении необходимой информации с мест, так и стремлением повысить научно-технический уровень производств, находившихся в сфере непосредственного государственного интереса, в первую очередь горной промышленности, обеспечивавшей потребности армии и флота.

Однако по своим последствиям эти мероприятия центральных правительственных органов далеко выходили за рамки прагматических ведомственных задач. Можно согласиться с исследователем губернских статистических комитетов второй половины XIX в. В. А. Бердинских в том, что «стимуляторами процесса» активного формирования провинциальной интеллигенции «явились разнообразные общественные центры», в том числе научные общества, к которым он относит и действовавшие в провинции губернские статистические комитеты²³⁴. Вместе с тем отсутствие сколь-нибудь существенного слоя образованных кадров за пределами столичных центров выступало ощутимым сдерживающим фактором в развитии подобных структур в провинции в первой половине XIX в.

Проблема влияния правительственной политики на процесс создания слоя провинциальной интеллигенции является вполне самостоятельной и не до конца изученной. В рамках нашего исследования мы коснемся лишь отдельных ее аспектов в конкретной связи с историей ведомственных научно-вспомогательных подразделений первой половины XIX в.

Одной из первых попыток создания таких структур за пределами центрального ведомственного управления были, как отмеча-

лось выше, шаги по учреждению ученых обществ на горных заводах.

Потребности в повышении уровня знаний специалистов не только посредством их подготовки в высшем ведомственном учебном заведении — Горном кадетском корпусе, но и в горных округах, в совершенствовании технического оснащения производства были осознаны руководством горного ведомства еще в начале XIX в. В «Горном уставе» 1806 г. была определена обязанность горного начальства учредить при заводах горные школы для преподавания начал химии, металлургии, горного искусства и других специальных дисциплин²³⁵. В тот же период на улучшение технического оборудования производств, обеспечивающих заказы Адмиралтейства и артиллерийского ведомства, было выделено свыше полумиллиона рублей серебром²³⁶. Таким образом, стремление связать деятельность созданного в структуре ведомства Горного ученого комитета с возможно более широким кругом горных специалистов на местах представлялось вполне логичным шагом в намеченном направлении.

Е. В. Карнеев, открывая в 1825 г. первое заседание Горного ученого комитета, выразил надежду, что когда «откроются по заводам предписанные горные общества, без сомнения, найдутся любители наук, которые пожелают участвовать в [ученых] трудах, так же просвещенные владельцы частных заводов или сами собою, или посредством своих управляющих войдут в ученые по сему предмету сношения»²³⁷.

Действительно, в течение первого года своего существования Горный ученый комитет смог привлечь к работе около 40 отдельных корреспондентов. Тем не менее в реальном создании в структуре горнозаводских округов ученых обществ приходится сомневаться.

Хотя в 1834 г. и была подтверждена обязанность горного начальства «поддерживать на заводах ученые общества»²³⁸, свидетельств их активной деятельности по материалам Горного департамента выявить не удалось. Вопрос, несомненно, нуждается в дополнительном исследовании. Однако косвенно о постигшей руководство горного ведомства неудаче свидетельствуют попытки учреждения подобных обществ на горных заводах, но уже во второй половине XIX в. и в порядке частной инициативы работавшими там горными инженерами²³⁹. А в 1887 г. возникает Общество горных инженеров²⁴⁰, также восполнявшее незаполненную нишу профессионального объединения.

Сколь сложно было привлечь к работе, инициированной

правительством, силы провинции, наглядно свидетельствует опыт Мануфактурного совета*. Учитывая близость задач, стоявших перед Мануфактурным советом, к кругу занятий ученых комитетов министерств, а также то, что им была осуществлена одна из немногих в первую половину XIX в. попыток создания губернских комитетов, кратко рассмотрим итоги этого начинания.

Идея организации под эгидой Министерства финансов общественного совета, служащего развитию национальной мануфактурной промышленности, активно прорабатывалась с середины 1810-х гг. Конкретные предложения высказывали сенатор А. Аршеневский, председатель Комитета по снабжению войск сукнами Е. В. Карнеев. Однако совет был создан лишь в 1828 г.²⁴¹

По своему замыслу это был орган, призванный объединять представителей буржуазии, чиновников профильного департамента Министерства финансов и ученых-технологов. В задачи Мануфактурного совета входили сбор статистических сведений о мануфактурной промышленности, содействие внедрению в мануфактурное производство технологических новаций, пропаганда технических достижений, организация материальной помощи промышленникам и пр. Мануфактурный совет мыслился, в соответствии с проектом, внесенным Е. Ф. Канкрином, как центральное совещательное учреждение, вокруг которого должны были группироваться аналогичные органы в провинции: отделение совета в Москве, мануфактурные комитеты в губерниях с развитой промышленностью и мануфактур-корреспонденты в уездных центрах²⁴².

Правительство уже в 1828 г. инициировало открытие мануфактурных комитетов в 9 губернских городах и избрало мануфактур-корреспондентов в 26 уездных центрах²⁴³. Тем не менее реальную работу удалось обеспечить лишь в немногих из открытых комитетов. По данным Н. С. Киняпиной, изучившей дореформенную историю Мануфактурного совета, к 40-м гг. XIX в. в большинстве губернских городов мануфактурные комитеты и мануфактур-корреспонденты бездействовали или работа велась чрезвычайно вяло²⁴⁴. Например, учрежденный в Нижнем Новгороде в 1828 г. Мануфактурный комитет до 1830 г. вообще не провел ни одного заседа-

* Спектр задач этого подразделения, состав его членов не позволяют отнести Мануфактурный совет к числу научно-вспомогательных подразделений, как это делает, судя по всему, Г. Е. Павлова, кратко рассматривая его деятельность в параграфе своей монографии, посвященном ученым комитетам (см.: Павлова Г. Е. Организация науки... С. 114—115).

ния²⁴⁵. Исключения составили лишь отделение Мануфактурного совета в Москве и Мануфактурный комитет в Риге²⁴⁶.

Подобное положение дел нельзя объяснить лишь отсутствием материальной и организационной поддержки губернских учреждений со стороны центральных правительственных учреждений. Значительная масса провинциального купечества, составлявшая основу владельцев промышленных предприятий, не ощущала реальной потребности в таком объединении. Применение технических новаций также представлялось значительной части из них делом сложным, требующим больших расходов и, как следствие, ненадежным.

В связи с этим утвердившийся в литературе вывод о том, что создание учреждений, подобных Мануфактурному и Коммерческому советам, являлось реакцией правительства на развитие капиталистического производства и, в конечном счете, признанием требований растущей буржуазии, не является исчерпывающим²⁴⁷. Опубликованные А. Шапиро материалы о деятельности Мануфактурного совета и его отделения в Москве в 30-х гг. XIX в.²⁴⁸ наглядно свидетельствуют, что вопросы, поставленные правительством, в частности, об изменении закона о привилегиях, реально затрагивали лишь верхушку столичного купечества. Осуществленные правительством мероприятия представляются опережающими, «культуртрегерскими» по отношению к основной массе фабрикантов, среди которых осознание важности технических новаций, мысль о необходимости сотрудничества с правительством в вопросах технической политики, наконец, готовность к консолидации далеко не отвечали предлагаемым формам объединения.

Наиболее масштабной из числа созданных в первую половину XIX в. сетей сбора информации для ведомственной науки стала сеть губернских статистических комитетов. Губернские статистические комитеты образовывались в соответствии с «Положениями» 1834 г. о реформе административной статистики²⁴⁹. Именно с созданием этих подразделений на местах руководство Министерства внутренних дел связывало надежды на качественное улучшение сбора статистических данных.

Идеи, с которыми пришел к руководству административной статистикой К. И. Арсеньев, оказались созвучны начинаниям, предпринятым на посту министра внутренних дел Д. Н. Блудовым. Выше мы отмечали шаги министерского руководства по поддержке статистического подразделения, в частности, существенное увеличение штатных сумм, отпусковавшихся на Статистическое отделение в 1836 — 1839 гг. Блудов выступил и одним из основных жертвова-

телей при комплектации библиотеки отделения, передав ей ряд специальных изданий²⁵⁰. В отчете за 1840 г. К. И. Арсеньев отметил: «Вспоминая с уважением и благодарностью те счастливые меры, которые были приняты бывшим министром внутренних дел для успеха статистики в России, Статистическое отделение избрало Д. Н. Блудова в свои члены-корреспонденты»²⁵¹.

Шаги, предпринимавшиеся Блудовым на посту министра внутренних дел (1832 — 1839), включали в себя комплекс мер, направленных на совершенствование губернского звена управления, но не только путем усиления властной вертикали: разработка «Наказа» гражданским губернаторам, организация полицейских станов в уездах и т. п. Важным и весьма значительным по своим последствиям шагом явилось решение об издании «Губернских ведомостей» во всех губерниях и о дополнении публикуемых административных материалов изданием неофициальной части²⁵². Уже в 40-е гг. XIX в. в ряде губерний неофициальная часть «Ведомостей», где печатались статьи исторического, этнографического, статистического характера, становится заметным фактором провинциальной культурной жизни, пробуждающего общественного мнения²⁵³. Как представляется, создание губернских статистических комитетов увязывалось с общим комплексом мероприятий, проводившихся МВД под руководством Д. Н. Блудова, объективно нацеленных на повышение активности образованного слоя провинциального общества, мобилизации его усилий в интересах местного управления.

Большинство исследователей, обращавшихся к истории губернских статистических комитетов, уделяли основное внимание их развитию в пореформенный период, указывая, что в 30 — 50-е гг. XIX в. в большинстве губерний наладить работу комитетов не удалось либо они вообще не были созданы²⁵⁴. Данные выводы основываются на исследовании состояния губернских статистических комитетов, осуществленном Центральным статистическим комитетом в 1853 и 1857 гг.²⁵⁵, и в значительной мере отражают существовавшее положение дел. Вместе с тем при использовании указанного источника следует учитывать, что «Записка об устройстве губернских статистических комитетов»²⁵⁶, включавшая в себя обзор сведений, представленных начальниками губерний, была подготовлена для комиссии по пересмотру положений об организации административной статистики в структуре МВД. Как следствие, данные и выводы, предложенные в записке, направлены, в первую очередь, на обоснование необходимости реформы статистических учреждений и должны использоваться с учетом критической направленности этого документа.

По «Положению» 1834 г. во всех губернских городах учреждались статистические комитеты под председательством губернаторов. Непременными членами комитетов становились первые лица губернской администрации: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, губернские руководители образования, медицинских учреждений и т. д.²⁵⁷ В состав комитетов могли также включаться «другие лица», из числа жителей губерний избирались члены-корреспонденты²⁵⁸.

Несомненно, «слабым звеном» сложившейся системы административной статистики МВД, серьезно сдерживавшим работу губернских комитетов, было отсутствие специального финансирования на проведение работ и соответствующих штатных единиц в составе губернской администрации. Работа в комитете не оплачивалась, чиновники совмещали ее с выполнением иных обязанностей. Именно эти недостатки, а также отсутствие подробных инструкций министерства по сбору статистических сведений были указаны губернаторами в 1853 г. в качестве главных причин, объясняющих неудовлетворительное состояние губернской статистики²⁵⁹. Однако и в этих условиях комитеты существовали «в более или менее удовлетворительном состоянии в 42 губерниях и двух областях» (против 20, где положение дел было признано неудовлетворительным)²⁶⁰.

Критике дореформенного состояния губернских статкомитетов в литературе уделено достаточное внимание. На наш взгляд, не менее важным представляется вопрос: в каких регионах и в силу каких причин комитеты действовали более или менее успешно. Ответ на данный вопрос позволяет, как представляется, выявить и иные причины несомненной неудачи (в чем мы вполне солидарны с исследователями вопроса) Министерства внутренних дел по созданию широкой сети статистических учреждений в провинции. Одним из успешно действовавших в дореформенное время статистических подразделений был Главный статистический комитет Новороссийского края (с центром в Одессе), учрежденный в 1843 г. и объединивший статистические комитеты Николаева, Севастополя, Одессы и других градоначальств²⁶¹. Комитетом были подготовлены и изданы в 40-е — начале 50-х гг. статистические и исторические описания Новороссийского края, ряд отдельных работ по статистике торговли в Черноморском и Азовском бассейнах и т. д.²⁶²

Одесса во второй четверти XIX в. входила в число провинциальных центров с высоким экономическим и культурным потенциалом. Одесское «торговое сословие» было заинтересовано в

приращении сведений, в том числе и статистического характера, о торговле, промышленном и сельскохозяйственном производстве Новороссийского края. Немалую роль в становлении комитета, организации его успешной деятельности сыграл редактор комитета с 1843 г., а с 1845 г. исполняющий должность директора Главного статистического комитета — Аполлон Александрович Скальковский.

Автобиографические данные, содержащиеся в личном деле А. А. Скальковского²⁶³, свидетельствуют о его тесных связях с предпринимательскими кругами края и поддержке, которой он пользовался в разработке вопросов местной статистики и истории²⁶⁴. Интересен и круг научных и общественных контактов, поддерживавшихся Главным статистическим комитетом в лице его руководителя: Скальковский являлся секретарем Одесского отделения Коммерческого совета, был членом дирекции Минералогического и Лесографического кабинетов в Одессе, активным членом Одесского и Московского обществ истории и древностей, сельскохозяйственных обществ (ВЭО, Московского и Юга России)²⁶⁵.

Другим не менее заметным по результатам своих работ комитетом был Виленский губернский статистический комитет. Период его активности пришелся на конец 40-х — начало 50-х гг. Комитетом была принята в качестве основы своей деятельности программа, разработанная чиновником по особым поручениям при виленском генерал-губернаторе П. В. Кукольником и утвержденная Статистическим отделением²⁶⁶. В программе нашел отражение интерес местной интеллигенции к средневековой истории Литвы и литовского народа, его этнографии, традициям²⁶⁷. Виленский статкомитет одним из первых начал издавать «Памятные книжки» губернии²⁶⁸, где помимо справочных и официальных материалов помещались труды членов комитета.

Наиболее активным участником комитета и составителем его изданий стал А.-Г. К. Киркор²⁶⁹ — литовско-польский историк и литератор, поместивший в виленских «Памятных книжках» за 1852 и 1854 г. «Историко-статистические очерки Виленской губернии» и «Черты из истории и жизни литовского народа». Именно последняя работа послужила материалом генерал-адъютанту Н. Н. Анненкову — члену «Комитета 2 апреля 1848 г.» — для обвещения членов Виленского статистического комитета в публикации антирусских материалов²⁷⁰. В результате признанный виновным делопроизводитель статкомитета А. Киркор был отставлен от должности, а издание исторических материалов в «Памятных книжках» было запрещено²⁷¹.

В деятельности Виленского статистического комитета в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. отразилось движение национальной интеллигенции по изучению истории, быта, традиций своих народов. Статистический комитет в данном случае выступил лишь организационной формой — одной из немногих возможных в условиях дореформенной России.

Наряду с перечисленными в отдельные годы реально и продуктивно действовали статкомитеты в Архангельской, Владимирской, Вятской, Ковенской, Нижегородской и некоторых других губерниях²⁷². Оживление в деятельности Вятского и Нижегородского статистических комитетов было связано с приходом в их состав неординарных представителей интеллигенции 40—50-х гг. Фактически все сделанное этими комитетами в дореформенный период связано с именами А. И. Герцена и П. И. Мельникова (А. Печерского).

Таким образом, наряду с организационными проблемами — отсутствием финансирования, специальных штатов и пр., — предопределившими крайне малую результативность деятельности губернских статистических подразделений, наиболее существенно повлиял на нее комплекс объективных факторов. Главным препятствием была незрелость условий для развития — а порой и для существования — научной, культурной и общественной активности во второй четверти XIX в. во многих провинциальных центрах. Аналогичный вывод, на наш взгляд, правомерен и для остальных попыток создания периферийных сетей в провинции.

Дореформенная николаевская Россия консервировала наиболее архаичные стереотипы поведения в рамках жесткой сословно-иерархической общественной структуры, где исключались самостоятельность и инициатива. Очевидно, что для выполнения задач, которые ставили перед своими провинциальными подразделениями министерские научно-вспомогательные учреждения, подобный подход был неприемлем. Кроме того, в провинциальной чиновной среде фактически отсутствовала сколь-нибудь существенная прослойка действительно образованных и подготовленных кадров для этой работы. Исключения в данном случае лишь ярче высвечивают общее правило.

Тем не менее устойчивый курс на создание подобных провинциальных учреждений, проводившийся Министерством финансов и МВД, с одной стороны, свидетельствовал об объективной потребности выхода вспомогательной ведомственной науки за рамки центральных учреждений, а с другой — подготавливал почву для их динамичного развития (губернские статкомитеты) в пореформенное время.

СТРУКТУРА ЧЛЕНСТВА И СОСТАВ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ И СОВЕТОВ

Кадровый состав ученых комитетов и советов

Излишне аргументировать значимость кадрового состава любого учреждения для достижения необходимых результатов его деятельности. Отметим лишь ту специфическую особенность, которая отличала именно научные подразделения в структуре властных органов, причем в рассматриваемый период она проявлялась наиболее отчетливо.

Специфика ситуации заключалась в том, что ни бюрократическая модель управления как таковая, ни министерское руководство не были в состоянии сформулировать методы и средства, при помощи которых ученым комитетам следовало бы разрешать задачи, стоявшие перед ними на практике. Спектр «ученых вопросов» слишком резко выделялся из общего порядка канцелярско-бюрократического делопроизводства. Ученым комитетам приходилось, по сути, самим вырабатывать набор этих средств.

Таким образом, личностное начало — творческие и административные способности, научный авторитет специалистов, входивших в состав научно-вспомогательных подразделений или возглавлявших их, — существенно отражалось как в программе деятельности, так и в результатах работы «ученых установлений» министерств. Именно сочетание как научных, так и административных талантов их руководителей оказывалось на интересующем нас отрезке времени залогом успешной деятельности вспомогательных подразделений в не меньшей степени, нежели объективные факторы, вынуждавшие соединять науку с государственным управлением.

Казалось бы, уже само название ученых комитетов и советов очевидно свидетельствует об их кадровом составе. Большинство исследователей, так или иначе касавшихся этой темы, вполне определенно указывают, что ученые комитеты и советы комплектовались по преимуществу из числа ученых²⁷³. Рассмотрим, в какой степени данное представление отражает реально существовавшую картину.

Анализ имеющихся данных о численном и качественном составе комитетов и советов достаточно сложно провести, опираясь

на строго формальные параметры. Необходимо учитывать, что само понятие «ученый» в первой половине XIX в. не являлось устойчивым. Социально-профессиональная группа деятелей науки продолжала формироваться, далеко не был завершен процесс законодательного оформления их статуса. Последнее обстоятельство наглядно показала Е. В. Соболева применительно к 60-м гг. XIX столетия²⁷⁴.

Наряду с представителями академических кругов и преподавателями высших учебных заведений, которых, без сомнения, можно рассматривать как представителей «ученого сословия», в составе комитетов и советов сотрудничали многие высокообразованные чиновники — некоторые из них оставили свой след в науке. Формально тем не менее они должны быть отнесены к представителям чиновничества, поскольку «ученые занятия» для них не являлись сферой профессиональной деятельности. Понимая всю условность подобного разделения, мы в дальнейшем будем выделять именно эти две категории: с одной стороны, привлекавшиеся к работе в составе научно-вспомогательных подразделений академические и преподавательские кадры, с другой — штатных чиновников министерств, уточняя, где это возможно, данные об образовательном уровне конкретного деятеля, его вкладе в науку и т. п.

Комплекс данных о составе ученых комитетов и советов первой половины XIX в. не всегда дает возможность применить методы статистического анализа вследствие незначительности количественных параметров, поэтому при анализе кадрового состава комитетов и советов основными методами вынужденно становятся методы описания и сравнения. Сопоставление данных тем не менее позволяет провести анализ формальных параметров, таких, как табельный ранг, наличие ученых степеней и званий и т. д., что позволяет выявить интересные закономерности и в развитии самих ученых комитетов, и в отношениях государственной власти и научной элиты.

Штаты ученых комитетов и советов как структурных подразделений министерств включали в себя несколько групп сотрудников, существенно различавшихся как своим статусом, так и ролью в деятельности соответствующего подразделения.

В узком смысле комитет составляли действительные и непременные (там, где эта категория была предусмотрена «Положениями») члены. Участие в заседаниях являлось их служебной обязанностью. Из числа действительных членов избирались, как правило, ученый секретарь комитета и редактор ведомственного издания. И действительные и непременные члены обладали правом голоса при

вынесении решения. В то же время между этими двумя группами было существенное различие: если действительные члены выступали в качестве специалистов-экспертов и не только входили в состав коллегиального органа, но были его сотрудниками, то непременные члены являлись в первую очередь представителями интересов своих ведомств и подразделений в составе ученых комитетов и советов.

К следующей группе относились почетные и совещательные члены, участие которых в работе комитетов было спорадическим. Звание почетных членов в большинстве случаев сохраняли за собой вышедшие в отставку члены комитета и руководители министерств и министерских подразделений. Обременительных обязанностей на них не возлагалось. К примеру, «почетные члены Военно-Ученого Комитета, — как определялось «Положением», — особых обязанностей не имеют, но предоставляется им право, если пожелают, участвовать в заседаниях Общего присутствия Комитета»²⁷⁵. Совещательные члены приглашались в собрание при рассмотрении вопросов, где они могли быть привлечены в качестве специалистов-экспертов. Права голоса в решении вопросов почетные и совещательные члены, как правило, не имели, либо оно ограничивалось.

Члены-корреспонденты составляли группу, наиболее дистанцированную от повседневной работы комитетов, и не принимали, за редкими исключениями, участия в их заседаниях. Наличие у ряда комитетов (но далеко не у всех) развитых корреспондентских сетей свидетельствовало о необходимости устанавливать тесные контакты с провинцией, в первую очередь, с целью получения с мест разнообразной информации. Кроме того, как и в научных корпорациях, статус члена-корреспондента использовался как средство выразить уважение ученым, административным деятелям и т. д., признание их научных заслуг.

К последней группе сотрудников комитетов относился вспомогательный персонал: чиновники различных рангов, выполнявшие функции редакторов, делопроизводителей и т. д. Несмотря на то что роль этих сотрудников комитетов в выполнении задач часто была велика, они не принимали участия в выработке коллегиальных решений и формально не входили в состав членов комитета.

Таким образом, в ходе дальнейшего анализа мы ограничимся исследованием основного кадрового ядра комитетов: его действительных, непременных, совещательных и почетных членов — и проследим развитие корреспондентских сетей.

Ученые комитеты, несмотря на присущую им специфику,

являлись частью бюрократической машины и не могли не нести на себе черт чиновного устройства. «Общее образование министерств» не определяло иерархического уровня в министерской структуре «особенных установлений», к разряду которых относились ученые комитеты. На практике, даже если комитет структурно находился в составе департамента, а не министерства в целом, его статус и, соответственно, положение лиц, в него входящих, было выше, чем «рядовых» министерских подразделений. Это определялось в первую очередь тем, что министерское руководство в лице товарищей министров и директоров департаментов либо возглавляло комитеты, либо входило в их состав в качестве непрременных членов.

Отмеченные выше факты отнюдь не свидетельствуют о реальном значении науки в формировании правительственной политики в первой половине XIX в. Объяснить их возможно, опираясь на иные факторы, влиявшие на состав правительственного аппарата в дореформенное, а отчасти и пореформенное время.

Немаловажным был и фактор престижа. Вхождение в состав ученого комитета позволяло в чиновной среде окружить себя неким ореолом просвещенности и учености.

Этими обстоятельствами, в частности, объясняется появление в составе членов комитетов лиц, отмеченных высокими ранговыми степенями, но далеких от науки. Характерным примером может служить назначение на должность председателя Медицинского совета Министерства полиции в 1811 г. сенатора А. У. Болотникова, который если и был связан с медициной, то только в качестве пациента²⁷⁶. Наконец, нередки были случаи, когда членство или председательство в ученом комитете являлось синекурой для высокопоставленного чиновника, пристроенного на нехлопотную генеральскую должность.

Характерной чертой правящей бюрократии, особенно ее высшего слоя, в дореформенное время было фактическое отсутствие управленческой специализации²⁷⁷. Более того, этот очевидный недостаток возводился в принцип, трактовался как универсализм, способность заменить знания и специальную подготовку дисциплиной и добросовестностью. Подобные подходы были особенно характерны для эпохи Николая I. Генералы не только пополняли высшие эшелоны центральной и местной бюрократии, но и вливались «по должности» в состав ученых комитетов.

Таким образом, ученые комитеты представляли собой поле столкновения двух объективно действующих в условиях правительственного аппарата первой половины XIX в., но очевидно

противоречивых тенденций: «бюрократизации» и «научной профессионализации» кадрового состава. Борьба этих тенденций во многом определяла внутреннюю эволюцию научно-прикладных подразделений, их реальные возможности.

Каким же был и как изменялся на протяжении первых пяти десятилетий существования кадровый состав ученых комитетов?

Особенности начального этапа формирования вспомогательной министерской науки, рассмотренные нами в первой главе, оказали непосредственное влияние и на формирование кадрового состава первых научно-вспомогательных подразделений. Очевидным и неизбежным шагом становится привлечение в них кадров Санкт-Петербургской академии и других немногих столичных учреждений, в первую очередь специализированных учебных заведений²⁷⁸, которые и составили основной костяк формирующихся ученых комитетов.

Как отмечалось выше, состав Ученой части Адмиралтейского департамента, образованной в 1805 г., включал в себя две категории сотрудников. Первая — непрменные члены: директор морских и гидравлических работ, артиллерист и два чиновника: один — «искусный в словесных науках», второй — «искусный в физике и математике»²⁸⁰. Предполагалось, что чиновник департамента, «искусный в словесных науках», займется сочинением истории Российского флота «от самого заведения его до сего времени». Уже в 1806 г. в департаменте была введена должность историографа, которую впоследствии занял Николай Бестужев — будущий декабрист²⁸⁰.

Второй категорией сотрудников, комплектовавшейся главным образом из числа ученых академии, являлись почетные члены. Они определялись путем баллотировки из профессоров и «особ, отличающимися познаниями и просвещением и показавших опыты своего достоинства какими-либо изобретениями, сочинениями и апробированными проектами»²⁸¹. В отличие от большинства других ученых комитетов, Адмиралтейский департамент оплачивал работу почетных членов. В случае активного участия в его деятельности они могли получать жалованье «соответственное трудам их» и пожизненные пенсии от 500 до 3 тыс. руб. в год²⁸².

С 1805 г. в число почетных членов Адмиралтейского департамента входили многие видные представители академической науки, в их числе С. Е. Гурьев, Л. Ю. Крафт, С. Я. Румовский и др.²⁸³

Медицинский совет на начальном этапе своего существования (1803 — 1805) целиком и полностью комплектовался из числа ученых-медиков. Этому способствовали как организационные

принципы его деятельности, так и задачи, стоявшие перед данным учреждением. Все 16 членов его первого состава имели ученые степени и звания. Большая часть членов — преподаватели столичной Медико-хирургической академии, члены Медицинской коллегии. В совете работали такие видные представители медицинской науки и администрации своего времени, как барон Е. Ф. Аш — первый председатель Медицинского совета, бывший и первым членом Медицинской коллегии со времени ее учреждения в 1763 г., специалист по минеральным водам²⁸⁴; профессор патологии и терапии в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии И. В. Вельцин; академик, химик Т. Ловиц²⁸⁵.

Однако последующее развитие этого научно-вспомогательного учреждения наглядно иллюстрирует ведущую тенденцию в развитии кадрового состава «ученых установлений», которая выразилась во все большем включении в число их членов представителей административной власти.

Так, с разделением медицинского управления империи в 1805 г. на гражданское и военное, а последнего — на сухопутное и морское, «генерал-штаб-докторы», поставленные во главе обособившихся управлений, получили право участвовать в деятельности Медицинского совета в качестве членов²⁸⁶. Таким образом, первоначально принятый принцип научной корпорации: пополнение числа членов путем баллотировки — был потеснен включением в состав совета членов по должности. С разделением медицинских научно-вспомогательных учреждений между Министерством просвещения и полицией тенденции к бюрократизации их состава усилились многократно.

Наиболее заметным, если не сказать ведущим, становится участие администраторов в деятельности Медицинского совета, сформированного в Министерстве полиции в 1811 г. По утвержденным штатам в него входили директор Медицинского департамента, генерал-штаб-докторы военной, морской и гражданской части, два медицинских чиновника и аптекарь. Председатель совета определялся не баллотировкой, а назначался «высшей властью»²⁸⁷. Научные силы были представлены в совете почетными членами, которые приглашались «в сословие в важных случаях», и ученым секретарем²⁸⁸. Должность последнего была возложена на гоф-медика И. В. Вельцина, а во главе совета был поставлен сенатор А. У. Болотников.

Весьма своеобразной была роль почетных членов Медицинского совета Министерства полиции. Их приглашали к участию в заседании, если голоса постоянных членов совета разделялись

поровну. Представитель науки выступал, таким образом, в роли третейского судьи²⁸⁹.

Переживший в 1809 — 1822 гг. период разделения между Министерством народного просвещения и полицией, Медицинский совет был объединен в рамках МВД, но уже с новыми принципами формирования кадрового состава. Избрание деканов, существовавшее с 1803 г., было ликвидировано, составленное общее присутствие совета включало как действительных членов, назначавшихся министром, так и непременных: генерал-штаб-докторов военного и морского ведомств и директора Медицинского департамента²⁹⁰.

Наиболее выпукло иллюстрировал тенденцию к бюрократизации состава совета проект реорганизации, подготовленный в 1823 г. в Медицинском департаменте МВД. В нем отчетливо проявилась логика подмены, выработывавшихся в первые два десятилетия XIX в. специфических способов организации вспомогательной науки традиционными канцелярскими подходами. Проект предлагал заменить выборный состав совета двенадцатью медицинскими чиновниками, каждый из которых получит «особенную обязанность по каким-либо из частей врачебную науку составляющих», а президент будет назначен «из гражданских чиновников третьего класса»²⁹¹. Доработку проекта должен был осуществить особый комитет «о лучшем устройстве гражданской медицинской части», действовавший при министерстве А. А. Закревского в 1828 — 1831 гг. В последующие годы «творческая мысль» руководителей департамента сосредоточенно трудилась над уменьшением расходов на Медицинский совет и, соответственно, над сокращением его численности. Так, к 1836 г. — когда было утверждено новое «Положение о Медицинском совете», — число членов сократилось с 12 (проект 1823 г.) до 9 (проект 1828 г.), а затем в итоге до трех²⁹².

Жалование членам совета было сокращено с 3 тыс. до 2 тыс. руб., а общая смета — с 42,7 тыс. до 15,2 тыс. руб. серебром²⁹³. Особенно симптоматично выглядит эта эволюция на фоне страшной эпидемии холеры, разразившейся в России в 1830 — 1831 гг. Именно Медицинский совет являлся тем государственным органом, который был призван вырабатывать меры борьбы с эпидемиями. Беспомощность правительства во время эпидемии 1830 — 1831 гг. и масштабные последствия этого бедствия хорошо известны и неоднократно описаны в литературе.

Тем не менее объективная потребность в государственной координации и руководстве врачебной наукой заставили руководство МВД вновь пересмотреть принципы комплектования Меди-

цинского совета и придать ему на деле характер научного коллегиального органа. Согласно принятому по инициативе Л. А. Перовского новому «Положению о Медицинском совете» (1842), наряду с непременными членами (управляющими медицинскими ведомствами гражданской, военной и морской частей), состав совета комплектуется из числа врачей — «чиновников медицинских и фармацевтических, известных по их знаниям, опытности и общему уважению, в ученом свете ими приобретенному»²⁹⁴. Отдельным параграфом положения определялось, что председатель совета мог быть назначен только из числа врачей²⁹⁵. Выработанная структура Медицинского совета сохранилась вплоть до начала XX в. (до 1904 г.).

Предпринятые меры действительно позволили привлечь к работе в составе «высшего врачебно-ученого места» высококлассных специалистов-медиков и ученых, работавших в смежных областях знания, в первую очередь химиков. Членами Медицинского совета в последующем были: Н. И. Пирогов, С. П. Боткин, Н. Ф. Здекауэр, В. В. и Е. В. Пеликан, В. В. Пашутин, Н. В. Склифасовский и другие выдающиеся русские врачи; химики Н. Н. Зинин и Д. И. Менделеев.

Мы не случайно столь подробно остановились на эволюции кадрового состава Медицинского совета. При всем многообразии реорганизаций на протяжении первой половины XIX в., а возможно, благодаря им, его история наиболее полно отразила столкновение отмеченных тенденций — борьбы «бюрократического» и «научно-корпоративного» начал в подходах к формированию кадрового состава научно-вспомогательных подразделений.

Сходным путем происходило развитие и другого научно-вспомогательного учреждения, которое может быть отнесено к числу ведущих: Горного ученого комитета. При его учреждении в 1825 г. состав комитета был сформирован из числа служащих Департамента горных и соляных дел и преподавателей Горного кадетского корпуса. По состоянию на 1826 г. в него входили в качестве членов вице-директор департамента Н. А. Шленев, в то время командир Горного корпуса Е. П. Ковалевский, начальник олонекских заводов А. А. Фуллон, П. И. Медер и еще 6 чиновников Министерства финансов, а так же 4 преподавателя Горного кадетского корпуса²⁹⁶.

Поскольку основной задачей комитета в 1825 — 1834 гг. являлось издание журнала, вхождение в состав комитета не носило характера статусного представительства, а сам он рассматривался в качестве «общества просвещенных чиновников»²⁹⁷. Между его

членами были распределены обязанности по сбору и редактированию отдельных рубрик издания. Характерно, что вознаграждения за работу в комитете по действовавшему «Положению» никому не полагалось²⁹⁸.

По новому «Положению» 1834 г., принятому в связи с преобразованием горного управления в Корпус горных инженеров, Горный ученый комитет включал в свой состав ряд непременных членов, в том числе и несколько чиновников горного ведомства, назначаемых «высочайшей властью», и «действительных членов общих собраний», избравшихся комитетом²⁹⁹. Последнюю категорию первоначально составили члены Горного ученого комитета, существовавшего в 1825 — 1834 гг. Впоследствии она пополнялась из числа наиболее известных ученых и практиков горного дела.

В составе непременных членов Горного ученого комитета были директор и вице-директор Горного департамента, начальник Горного кадетского корпуса, представители военного и морского министерств, императорского двора, Монетного двора, начальники горных управлений во время нахождения в столице. Таким образом, представительство в комитете приобрело выраженный ведомственный характер в соответствии с изменившимися задачами этого учреждения.

Рассмотрим персональный состав комитета в 30 — 50-е гг. XIX в. Большинство из его членов (что было типично и для других ученых комитетов) занимали свои должности на протяжении длительного времени, поэтому изменение состава происходило эволюционным путем.

В течение исследуемого периода в состав Горного ученого комитета входили два действительных члена, имевших академические звания, — Г. П. Гельмерсен и Н. И. Кокшаров. Вряд ли они могут быть отнесены к числу кабинетных ученых. Их научная деятельность тесно переплеталась с практическими задачами горного ведомства.

Первым академиком в составе Горного ученого комитета (с 1837 по 1885 г.) был Г. П. Гельмерсен. По окончании Дерптского университета в 1828 г. он начал службу в Министерстве финансов, а с 1833 г. предпринимает ряд поездок для геологических изысканий. Г. П. Гельмерсену принадлежит заслуга создания первой геологической карты всей Европейской России — работа, которая была удостоена в 1842 г. Демидовской премии Академии наук³⁰⁰. С избранием в 1844 г. адъюнктом академии, а в 1850 г. — ординарным академиком Гельмерсен не утрачивает связь с горным ведомством, продолжая активно сотрудничать с Горным ученым комитетом.

Выпускник Горного корпуса Н. И. Кокшаров — ведущий специалист в области минералогии. Избранный в 1855 г. адъюнктом Академии наук, двумя годами позже он становится членом ученого комитета. Главный труд, создававшийся Кокшаровым в течение жизни — «Материалы для Минералогии России», — являлся важнейшим пособием как для студентов, так и для практических горных инженеров. С 1866 г. Н. М. Кокшаров — ординарный академик, а с 1865 г. директор Минералогического общества³⁰¹.

Остальные члены комитета, за вычетом представителей заинтересованных министерств, делегированных в его состав в качестве непременных членов, представляли высшую администрацию и лучшие силы инженерных кадров горного ведомства. В рассматриваемое время в состав комитета входили: П. Н. Алексеев, А. Д. Озерский, Л. А. Соколовский, В. К. Рашет и др.³⁰² Специфика горного управления состояла в том, что подавляющее количество чиновников ведомства являлись выпускниками Горного кадетского корпуса, который давал основательную общенаучную и специальную подготовку. Достижению высоких должностей, как правило, предшествовала практическая работа в качестве горного инженера, что предопределяло соответствующий уровень профессионализма руководства ведомства. Исключения из этого правила были редки.

Высокопрофессиональный кадровый состав, сочетание богатого практического и административного опыта с высоким научным потенциалом позволили Горному ученому комитету наряду с Горным институтом стать действительным средоточием ведомственной науки, оказав «весьма важные услуги как горной технике, так и вообще горнозаводской промышленности России»³⁰³.

Таким образом, и в составе Горного ученого комитета мы не находим традиционно указываемого преобладания или даже существенного представительства той группы специалистов, которых можно было бы отнести к числу профессиональных научных кадров.

Вполне закономерным и очевидным оказывается вопрос: почему в условиях второй четверти XIX в. при, казалось бы, уже выработанной за первые два десятилетия схеме организации кадровой структуры научно-вспомогательных подразделений предпринимаются попытки поворота к шаблонной схеме бюрократического построения ученых комитетов и советов? Вряд ли ответ на поставленный вопрос можно исчерпать стереотипной ссылкой на консервативный или прямо реакционный по отношению к науке курс имперской бюрократии. Выше, в предшествующих разделах, мы показали, что ситуация выглядела существенно иначе. Рас-

ширительные трактовки правительственной политики в сфере народного образования, прямой перенос реально существовавших в ней тенденций, в том числе и ограничительного характера, в сферу науки, тем более науки ведомственной, не отражают действительного характера эволюции научно-вспомогательных подразделений.

Следует отметить, что в процессе развития кадровой структуры ученых комитетов и советов решающее значение играла зрелость всего комплекса предпосылок, коренящихся как в социально-политической сфере, так и в востребованности того или иного сектора научного знания системой государственного управления и народного хозяйства.

Одна из несомненных особенностей научно-вспомогательных подразделений в первой половине XIX в. заключалась в том, что создание того или иного «ученого учреждения» зачастую осуществлялось «авансом», в силу общего и достаточно абстрактного представления о необходимости научного обеспечения управленческой деятельности, повышения образовательной и специальной подготовки кадров и т. п. Система целей и задач созданных учреждений, принципы их организации не представлялись вполне ясными ни министерскому руководству, ни членам «ученого установления». Отсутствие опыта в организации вспомогательной науки вело на начальных этапах к полному заимствованию структуры и форм организационного устройства, в том числе и комплектования состава, из сферы науки фундаментальной, академической. Но поскольку принципы деятельности научной корпорации сформировались за пределами управленческой вертикали, они, конечно, не могли быть механически применены к задачам ведомственных вспомогательных учреждений.

По мере накопления и конкретизации функций комитетов и советов, тесно связанных с управленческими решениями, вполне очевидным становится и стремление уподобить деятельность «ученых установлений» министерским структурам — департаментам и отделениям, расширить участие в работе ученых подразделений чиновников-управленцев. Именно эти обстоятельства создавали реальную почву для осуществления на практике принципов «управленческого универсализма» николаевской эпохи, о влиянии которых на кадровый состав комитетов говорилось выше. Таким образом, вряд ли будет справедливо объяснять увеличение численности чиновничества в составе ученых комитетов во второй четверти XIX в. лишь субъективными факторами, в частности, влиянием военно-бюрократической системы Николая I.

Обратный поворот к профессионализации состава ученых

комитетов и советов намечается лишь тогда и лишь в тех случаях, когда кристаллизуется спектр сугубо научно-технических задач, решение которых под силу именно специалистам.

Итак, уже во втором десятилетии века, и тем более в 30-е годы первоначальные подходы к формированию состава комитетов по преимуществу из числа ученых академии и на основе принципов научной корпорации начинают уступать место бюрократическим схемам.

Ученая часть Адмиралтейского департамента в 1827 г. была преобразована в Морской ученый комитет. Его состав сократился до 4 человек, причем члены комитета не избирались, а назначались министром и утверждались императором.

Вновь образуемые ученые комитеты — а большинство из них возникают в 20 — 30-е гг. XIX в. — в соответствии с «Положениями» включают в свой состав все вышеперечисленные группы членов и сотрудников, значительная часть которых назначается, а не избирается.

Ранг классов членов ученых комитетов и советов в первой половине XIX в. был закреплен штатами только военных ведомств. «Положения» о Военно-ученом комитете предусматривали назначение председателя (с 1819 г. — директора) комитета «из генералитета», начальников отделений «из генералов», членов — «из генералов и полковников»³⁰⁴. Аналогичным образом строился штат и Морского ученого комитета в период 1827 — 1847 гг.³⁰⁵ На протяжении первых двух десятилетий своего существования все четверо членов, его составлявших, находились в чинах адмиралов и генералов.

Штаты гражданских министерств далеко не всегда определяли табельный ранг членов комитетов, поскольку в части из них на протяжении всего исследуемого периода сохранялся принцип пополнения состава выборным путем. Однако состав действительных членов комплектовался по преимуществу лицами, принадлежавшими к III—IV классам Табели о рангах. По данным П. А. Зайончковского и С. В. Мироненко, именно этот слой чиновничества соответствовал по своему рангу правящей бюрократической элите, замещавшей ключевые должности в органах государственного управления³⁰⁶.

Проиллюстрируем распределение действительных членов комитетов по табельным рангам данными о классовых чинах двух относительно многочисленных по своему составу ученых комитетов — Горного и Министерства госимуществ (сведения приведены за период 1837 — 1860 гг.)³⁰⁷:

Подразделения	III класс	IV класс	V класс	VI класс	В том числе академии	Всего
Ученый комитет МГИ	2	5	1	4	1	12
Горный ученый комитет	8	1	—	—	1	9

Столь очевидное преобладание в составах комитетов лиц, принадлежавших к высшим ступеням чиновной иерархии, указывает на наиболее общий, интегрированный критерий, господствовавший при подборе кадров, в том числе и для таких специфических подразделений, какими были ученые комитеты. Служба и сопутствующее ей продвижение по лестнице чинов в равной мере распространялось и на ученое сословие. В глазах правящего слоя ученый не воспринимался в отрыве от своего табельного чина. Просвещенная бюрократия, вызвавшая к жизни научно-вспомогательные подразделения как способ соединения науки и государственного управления, не могла тем не менее выйти за рамки корпоративных предубеждений и привлечь к работе в составе советов и комитетов более широкие и, следовательно, демократичные слои нарождающейся научной интеллигенции. Чиновник, как это было наглядно показано на конкретных примерах, всегда оказывался предпочтительнее, нежели привлеченный со стороны специалист.

В соответствии с этими критериями далеко не все представители академической и вузовской науки могли сделаться в полной мере «своими» в коридорах власти. В первую половину XIX в. ординарный академик имел чин всего лишь шестого класса, а ординарный профессор — седьмого. Только с принятием нового устава 1863 г. чины ученой корпорации были пересмотрены, и служебный ранг академика и ректора университета был поднят до «генеральского уровня», стал соответствовать четвертому классу (действительный статский советник)³⁰⁸. Тем не менее большинство ученых, если их служба ограничивалась только педагогической или научной карьерой, не достигали столь высокого рангового уровня.

В итоге скорее можно говорить о специфической тенденции: привлечение ученых в состав высшей администрации влекло за собой повышение их табельного ранга, становилось источником карьерного роста, достичь которого иными способами было бы

невозможно. Подсчеты, приведенные П. А. Зайончковским о численности профессоров, академиков и преподавателей в составе чиновников, принадлежавших к первым четырём классам, косвенно иллюстрируют процесс инкорпорирования научной элиты во власть. К середине XIX в. (в 1853 г.) эта категория лиц вместе с начальниками учебных заведений составляла лишь 8,8% в составе чинов IV класса (48 человек, из них 10 ректоры и директора учебных заведений)³⁰⁹.

Кто же из представителей науки входил в состав ученых комитетов и советов в качестве действительных членов? По преимуществу лишь та часть ученых, кто тесно связывал в своей карьере науку и практическую административную деятельность, что давало им возможность подняться по служебным ступеням до высших рангов.

В 20 — 50-е гг. XIX в. намечается и встречная тенденция, возможно, даже более масштабная, во всяком случае, существенно отразившаяся на кадровом составе ученых подразделений. В указанный период в структуре центрального управления консолидируется слой чиновничества, «служащего по ученой части» не по обязанности, а в силу убеждения и интереса. Возникновение этой, пусть незначительной количественно, но оставившей после себя заметный след, прослойки министерских чиновников вполне объяснимо и закономерно.

Сектор профессиональной науки в дореформенной России ограничивался весьма небольшим количеством учреждений с малочисленным кадровым составом. Выпускники университетов и специальных высших учебных заведений, как правило, дворяне, живо увлекшиеся науками на студенческой скамье, в силу комплекса причин: традиций, сложившихся реалий жизни — пополняли ряды чиновничества. В отличие от ученой карьеры это давало более устойчивый общественный и материальный статус. Пополняя состав ученых комитетов, редакционных групп ведомственных изданий, они, таким образом, находили способ совместить несовместимое: нередко постыльную чиновную службу и науку.

Служба по ученой части, так же как деятельность в сфере журналистики, участие в литературно-общественных кружках, научных обществах являлись «поиском путей и форм гражданской реализации»³¹⁰ для большинства образованных, прогрессивно настроенных людей николаевской эпохи.

Неслучайно имена таких известных деятелей 30 — 50-х гг. XIX в., как К. И. Арсеньев, Ю. А. Гагенмейстер, А. Г. Глаголев, А. П. Заблоцкий-Десятовский, Д. А. и Н. А. Милютины, В. Ф. Одо-

евский и других, проявивших себя на ниве литературы, философии, экономики, статистики, оказываются связанными с учеными комитетами министерств. Большинство из указанных выше деятелей науки и литературы — и министерских чиновников по формальному статусу — принадлежали к «петербургской партии прогресса»³¹¹, связывая свои политические надежды с перестройкой николаевской политической системы, ликвидацией крепостнических пережитков.

Формальные, статистически фиксируемые параметры далеко не в полной мере могут отразить состав ученых комитетов и те изменения, которые в нем происходили. Тем более что сами критерии отнесения тех или иных членов к числу «ученых», «представителей бюрократии» оказываются, как уже очевидно, достаточно размытыми.

Рассмотрим в качестве наглядного примера отмеченных выше процессов и тенденций состав Ученого комитета Департамента сельского хозяйства МГИ³¹².

В изучаемый период (с 1837 по 1850-е гг.) в состав Ученого комитета III Департамента (Департамента сельского хозяйства) МГИ входил только один академик Санкт-Петербургской Академии наук — П. И. Кеппен. Лишь в самом конце 50-х гг. — в 1858 г. — в члены комитета будет включен академик Н. И. Железнов.

Вкладом николаевского времени в состав комитета было участие в нем трех представителей военной бюрократии, причем двое из них даже возглавляли комитет.

Первый — генерал-адъютант И. Ф. Деллингаузен занимал этот пост в 1837 — 1839 гг.³¹³ Пришедший ему на смену Е. Ф. фон Бракке (председатель комитета в 1839 — 1844 гг.) представлял собой яркий пример «управленческого универсализма». Окончив Петербургскую школу колонновожатых, до того как возглавить Ученый комитет III Департамента МГИ он служил в Управлении военными поселениями, был попечителем Киевского учебного округа и т. п.³¹⁴

Весомым было представительство в составе комитета чиновников, сделавших карьеру в министерстве. Наука не была чужда им хотя бы в силу основательного образования и нередко специальной подготовки: большинство членов Ученого комитета МГИ имели за плечами либо университетское, либо другое высшее образование. Многие имели печатные труды, публиковали статьи в ведомственных изданиях Министерства госимуществ. Тем не менее их путь к участию в работах ученого комитета шел через ответственные министерские посты, а не через значимые научные достижения. К

их числу должны быть отнесены М. Б. Бульмеринг и Е. А. Петерсон, ученые лесничие — члены комитета.

Барон Г. К. Дальвиц и Н. А. Жеребцов — также представители чиновничества: первый военного, второй гражданского. Их объединяет искренний интерес к научному знанию, стремление содействовать его успехам. Судьбы Г. К. Дальвица и Н. А. Жеребцова одновременно и своеобразны, и по-своему типичны для многих членов ученых комитетов исследуемой эпохи.

Герман Карлович Дальвиц начал службу, как и большинство представителей дворянства, в армии. По образованию — военный инженер. После войны 1812 г. связал свою судьбу с alma mater — Главным инженерным училищем, был членом Инженерного комитета (позже — отделения Военно-ученого комитета). Однако главным интересом полковника Дальвица было сельское хозяйство. Его заслуги в этой области были признаны двумя российскими (ВЭО и Общество поощрения лесного хозяйства) и 8 зарубежными сельскохозяйственными обществами, членом которых он состоял³¹⁵.

Николай Арсеньевич Жеребцов, на пике своей служебной карьеры виленский губернатор, оставил след в истории более как автор публицистических книг. Его перу принадлежали работы, посвященные распространению просвещения в России, экономические и хозяйственные заметки о России, Англии, Шотландии, но наибольший резонанс (в том числе и критические отзывы Добролюбова) вызвал его опубликованный во Франции двухтомный труд "Historie de la Civilisation en Russie"³¹⁶.

Ни Г. К. Дальвиц, ни Н. А. Жеребцов не могут быть отнесены ни к представителям ученого мира, поскольку не являлись профессиональными специалистами в вопросах, находящихся в сфере компетенции Ученого комитета МГИ, ни к представителям бюрократии, входившим в комитет лишь по должности, — материалы архивного фонда ученого комитета свидетельствуют об их активном и заинтересованном участии в его работе.

В составе ученого комитета может быть условно выделена и еще одна группа членов. Наиболее заметными ее представителями в первой половине столетия были А. П. Заблоцкий-Десятовский и В. Ф. Одоевский. Не касаясь многогранной и яркой деятельности этих разносторонних представителей либеральной элиты на различных поприщах, их с полным основанием можно назвать популяризаторами сельскохозяйственных знаний, создателями книг для крестьянского чтения. Эта работа являлась одним из самостоятельных направлений деятельности комитета с начала

40-х гг. XIX в., объединяя своих приверженцев и исполнителей.

Выделенные группировки в составе членов комитета носят условный характер и призваны лишь проиллюстрировать разнородность его состава. Как мы видим, представительство профессиональных ученых — академических или преподавательских кадров — в составе комитета было невелико. Состав ученого комитета отражал и степень зрелости, в первую очередь социальной, всего комплекса наук, обеспечивающего сельскохозяйственное производство, востребованность научных знаний и рекомендаций в государственном и народном хозяйстве.

Приведенные примеры достаточно наглядно отражают основные тенденции и противоречия, которыми определялось развитие кадрового ядра ученых комитетов и советов — действительных и непременных их членов.

Весьма далекой от реальной картины оказывается устоявшаяся характеристика ученых комитетов как органов, сформированных преимущественно представителями ученого мира — членами академии и высших учебных заведений. Малопродуктивным в исследовательском плане является и противопоставление ученых чиновникам как представителям бюрократии, далекой от науки.

Приведенные выше данные позволяют, на наш взгляд, охарактеризовать 20 — 50-е гг. XIX в. как период консолидации в центральных органах имперского управления вполне определенного слоя чиновничества (понимая этот термин в широком смысле), группировавшегося вокруг ученых комитетов, ведомственных министерских изданий. В их состав входили высокообразованные чиновники министерств и столичных учреждений среднего и частью высшего ранга (III — VI классы), в том числе и преподаватели высших учебных заведений, члены Академии наук. Эта относительно немногочисленная группа была искренне заинтересована в развитии научного знания, его широком применении на пользу государства и народа. В наиболее обобщенных характеристиках этот слой, несомненно, примыкал к той части управленцев, которых принято обозначать как просвещенную (либеральную) бюрократию.

Именно представители этой группы столичного чиновничества активно участвовали в научной, литературной жизни столицы и России в целом. В 1840-х гг. они выступили инициаторами создания новых научных обществ, и в первую очередь — Русского географического, ставшего, наряду с кружком Кавелина — Милютиных, одним из центров кристаллизации прогрессивных обществ-

венных идей середины XIX в. В годы Великих реформ значительная часть членов ученых комитетов: Министерства государственного имущества, Морского министерства, редакции «Журнала Министерства внутренних дел»³¹⁷ и ряда других подразделений, рассматриваемых в настоящей монографии, деятельно включились в осуществление давно назревших преобразований.

Корреспондентские сети ученых комитетов

Стремление организовать деятельность научно-вспомогательных подразделений в тесном контакте с более широким кругом ученых и практиков предопределило заимствование традиционной для академических корпораций практики «дистанцированного» членства.

Члены-корреспонденты не были сотрудниками комитетов в узком значении этого понятия. Численность корреспондентов не определялась штатами, вознаграждения за труды им не полагалось, соответственно, и вклад в работы комитета не являлся строго регламентированным. В истории большинства ученых комитетов эта группа членов не сыграла существенной роли. Утверждение тех или иных лиц в звании члена-корреспондента ученого комитета носило большей частью статусный характер, как свидетельство признания заслуг в сфере научной или практической деятельности. Или, если речь шла о представителе бюрократии, как знак уважения к его служебному положению, чинам, титулу.

С учетом изложенных обстоятельств особенно интересной представляется попытка создания реально действующих корреспондентских сетей во второй половине 30 — 40-х гг. XIX в. Ученым комитетом III Департамента МГИ и Статистическим отделением Совета МВД.

При всех различиях, общих и частных, в задачах этих подразделений, они одинаково остро нуждались в получении разнообразной информации с мест. Органы губернского административного управления не могли снабдить ученые комитеты надежной информацией, как с точки зрения качества, так и оперативности. Система отчетности, громоздкая и не обеспеченная должной подготовкой лиц, ее исполняющих, не отвечала потребностям даже текущей ведомственной статистики. Тем меньше были возможности ее использования для решения научно-прикладных задач. Таким образом, стремление ученых комитетов найти среди жителей

провинции — чиновников, помещиков, немногочисленных представителей интеллигенции — соратников и помощников в выполнении своих программ было вполне закономерным.

К. И. Арсеньев, вдохновитель и организатор созданного в декабре 1834 г. при Совете МВД Статистического отделения, возлагал большие надежды на помощь членов-корреспондентов в расширении статистических исследований. Уже к середине 1835 г. в звании членов-корреспондентов было утверждено 53 человека³¹⁸. Каждому из избранных отправлялся диплом и пожелания принять деятельное участие в делах Статистического отделения. Состав корреспондентов пополнялся «из людей, отличающихся сведениями и опытом в делах внутреннего управления», как определяло главные требования к членам-корреспондентам «Положение о Статистическом отделении»³¹⁹.

Состав этих лиц весьма показателен по своим социальным характеристикам и территориальному распределению. Основные параметры представлены в приведенной ниже таблице³²⁰:

Члены-корреспонденты Статистического отделения
Совета МВД в 1835 г.

Чин, сословная принадлежность	Санкт-Петербург	Москва	Губернии Центра	Губернии Юго-Запада	Сибирь, Урал	Польша	Грузия	Всего
II класс	6							6
III класс	5	1			2	1		9
IV класс	1	2	5	1			1	10
V класс		3		1			1	5
VI класс	2						1	3
VII класс			2					2
VIII класс			1	1				2
Священнослужители			4	1				5
Прочие		2				1		3
Итого	14	8	12	4	2	2	3	45

Последующее увеличение численного состава членов-корреспондентов Статистического отделения лишь в малой степени изменило сложившиеся пропорции.

Как видно из таблицы, наиболее значительную часть корреспондентов составляли жители столиц: суммарно 22 человека (41,5%). Следующей по численности группой были члены-корреспонденты губерний Центра (Владимирская, Казанская, Костромская, Нижегородская и др.) и Юга (Курская, Тамбовская). Губернии Юго-Запада, Урала, Сибири и национальных окраин были представлены лишь единичными корреспондентами (26,5% в общей сложности).

По формальным параметрам социальная принадлежность членов-корреспондентов характеризуется следующим образом: численно превосходящей группой было чиновничество — 44 человека (83%), духовенство составляло 5 человек (9,4%); в числе оставшихся 4 человек, данные по которым неполны, — три представителя титулованной знати и городской голова.

Санкт-Петербург был представлен главным образом высшей бюрократической элитой: М. М. Сперанский, Е. П. Ковалевский, Л. А. Перовский и др. — и немногочисленными представителями ученого мира, занимавшими в то же время высокие административные посты: М. А. Балугьянский, А. Н. Оленин, Ф. Ф. Шуберт. В составе членов-корреспондентов провинциальных центров самостоятельной группой выделяются губернаторы: Восточной Сибири — С. Б. Броневский, Оренбургской губернии — В. А. Перовский, Тверской — А. П. Толстой и др. Духовенство в числе членов-корреспондентов было представлено предстоятелями митрополий и епархий: Киевской, Владимирской, Костромской, Нижегородской и Тамбовской.

Таким образом, в целом состав членов-корреспондентов Статистического отделения был образован представителями высшей столичной и провинциальной бюрократии. Трудно было ожидать, что эта категория корреспондентов в силу своей загруженности многими делами сможет стать реальной опорой отделения. И министерство предпринимает попытку расширить их круг за счет мобилизации сил провинции. В сентябре 1836 г. товарищем министра внутренних дел графом А. Г. Строгановым было направлено письмо всем начальникам губерний. В этом послании губернаторам предлагалось сообщить в министерство о лицах, «кои бы по своим нравственным качествам, знанию местности и готовности содействовать трудам Статистического отделения могли быть избраны в члены-корреспонденты онаго»³²¹.

Списки были представлены, но итоговый результат оказался мизерным. Кандидатами в члены-корреспонденты были предложены большей частью крупные помещики, действующие и отставные чиновники. Реакция последних на предложение войти в состав корреспондентов комитета была крайне сдержанной. Так, из 29 человек, предложенных к избранию по Нижегородской губернии, согласились принять на себя обязанности членов-корреспондентов лишь шестеро, остальные отговорились занятостью и нездоровьем³²².

Провинциальное дворянство в основной своей массе отнюдь не чувствовало в себе призвания к наукам и не видело практической нужды пускаться в ученые занятия. Шаблонная для николаевского времени попытка опереться на дворянство и в этом вопросе потерпела неудачу.

Статистическому отделению тем не менее удалось расширить корреспондентскую сеть к концу 1836 г. до 125 человек³²³. Уровень активности большинства из них оказался невысок. К следующему, 1837 г. от членов-корреспондентов было получено 14 материалов, т. е. представили в МВД свои работы чуть более 10% общей численности избранных³²⁴.

Качество и практическая ценность сообщений членов-корреспондентов также весьма разнились. Наряду с описаниями городов, промышленных предприятий и т. п. Статистическое отделение получало в свой адрес данные «о собирании простонародных лекарственных способов» (присланы членом Тамбовского приказа общественного презрения), предложения об устройстве в городе Рыбинске «каменной набережной с решетками», проекты по развитию и переустройству Новороссийского края от члена-корреспондента из Одессы Гладкого. В отчете за 1842 г. К. И. Арсеньев вынужден был отметить, что «результаты работ членов-корреспондентов год от года становятся несравненно беднее»³²⁵.

Причины малой эффективности корреспондентской сети Статистического отделения связаны с широким комплексом факторов и выходят за рамки лишь количественных и качественных характеристик состава членов-корреспондентов. Опыт Статистического отделения МВД достаточно убедительно, на наш взгляд, демонстрирует отсутствие в провинции 30 — 40-х гг. XIX в., особенно среди дворянства и чиновничества, сложившихся интересов, стимулов, общественных настроений, которые могли бы способствовать развитию сколь-нибудь заметной социальной активности. Только начинавший формироваться слой провинциальной интеллигенции, более демократичный по составу, не мог быть востребо-

ван как из-за сословных предубеждений николаевской бюрократии, так и из-за своей малочисленности в составе населения российской провинции второй четверти XIX столетия.

Активное комплектование корреспондентской сети Ученого комитета Министерства государственных имуществ также осуществлялось во второй половине 30-х — 40-е гг. XIX в. По численности членов-корреспондентов это было также крупное научно-вспомогательное подразделение. С момента образования Ученого комитета (1837) до начала 50-х гг., т. е. за 15 лет, численность членов-корреспондентов выросла до 108 человек³²⁶.

Избрание в члены-корреспонденты происходило либо по предложению одного или нескольких действительных членов комитета, либо по личной просьбе соискателя. Мотивами к принятию положительного решения служили, как правило, наличие у кандидата публикаций по сельскохозяйственной тематике, активная переписка с комитетом, предоставление интересующих сведений, практические успехи помещиков в развитии конкретных отраслей хозяйства (овцеводство, картофелеводство, лесоразведение в южных районах и т. п.)³²⁷.

Вопросы, находившиеся в сфере внимания Ученого комитета МГИ, казалось бы, должны были быть ближе к насущным проблемам помещика, нежели статистические работы МВД. Хозяева, перестраивающие аграрное производство в соответствии с рекомендациями науки, могли найти в Ученом комитете МГИ просвещенного и заинтересованного союзника. В какой степени оказалась реализованной эта потенциальная возможность сотрудничества сельскохозяйственного ведомства и прогрессивных хозяев-помещиков? Сколь значительным было в составе корреспондентов комитета представительство научных кадров? Каковы были на уровне членов-корреспондентов зарубежные связи Ученого комитета МГИ?

Комплекс данных о членах-корреспондентах МГИ, как и сведения о корреспондентских сетях других ученых комитетов, не содержит, к сожалению, информации для детальной характеристики лиц, избравшихся членами-корреспондентами. Как опубликованные списки, так и сведения, сохранившиеся в архивных фондах, включают данные о классных чинах для членов-корреспондентов, находившихся на государственной службе либо служивших ранее, о месте проживания. Для тех, кто не входил в разряд чиновников, как правило, указывается сословная принадлежность или род занятий (мещане, почетные граждане, помещики и т. п.).

Ряд существенных черт, характеризующих состав членов-корреспондентов, тем не менее выявить можно. Рассмотрим данные, находящиеся в нашем распоряжении³²⁸.

В таблицах А и Б Приложения 2 представлены в формализованном виде сведения о составе членов-корреспондентов Ученого комитета МГИ на конец 1853 г. без учета иностранных корреспондентов. В графах 4 — 8 таблицы А показатели даны в виде дробных значений: в числителе — количество членов-корреспондентов, живущих в губернских городах, в знаменателе — в уездных городах и в сельской местности.

Подавляющее большинство членов-корреспондентов комитета, так же как и Статистического отделения Совета МВД, были чиновниками — действующими или в отставке (см. таблицу А). В классных чинах состояли 84 человека (77,7%). Из них наиболее крупную группу образовывали чиновники IV и V классов — 44 человека (40,7%).

Попытаемся, насколько возможно, дифференцировать эту группу, тем более что статус государственного служащего был более чем универсальным, объединяя самых разных по роду своей профессиональной деятельности людей.

Членов-корреспондентов, имеющих ученые степени и ученые звания (см. таблицу Б) было 24 человека (22,2%). Это достаточно высокий показатель, свидетельствующий о стремлении привлечь к сотрудничеству имеющиеся научные силы. Среди них 6 ординарных академиков, 13 профессоров высших учебных заведений; трое из числа членов-корреспондентов имели степень доктора и двое — магистра. В числе ученых, тесно сотрудничавших с ученым комитетом, — известные естествоиспытатели академики Ф. Ф. Брандт, К. М. Бэр, А. Я. Купфер, Ю. Ф. Фрицше, талантливый русский химик А. А. Воскресенский, зоолог С. С. Куторга и другие.

Более половины (64%) общего числа ученых — представители Санкт-Петербургской академии, столичного университета и Медико-хирургической академии. Провинциальные университетские центры были представлены в существенно меньшей степени: за исключением Гельсингфорса, по одному человеку.

Как видно из таблицы А Приложения 2, к категории помещиков (по роду занятий) в списках отнесены лишь три человека. Это, естественно, не означало, что данная группа была представлена столь малым числом членов-корреспондентов. Косвенно о примерном количестве сельских хозяев, в том числе из числа бывших чиновников, позволяет судить разбивка состава корреспондентов по месту жительства.

Численное отношение жителей столиц и губернских центров к жителям уездных и сельских населенных пунктов в целом близко к 3:1 (на 78 жителей столиц и губернских городов приходилось всего 30 членов-корреспондентов, проживавших в уездах), т. е. лишь один из четырех членов-корреспондентов проживал за пределами крупных городов. Однако если мы рассмотрим данный показатель по отдельным регионам, то в губерниях Центра и Юга России, юго-западных губерниях (Украина и Новороссия) и Белоруссии данное соотношение будет близко к 1:1.

Вероятно, что определенная часть членов, проживавших в уездных центрах и сельской местности, могла принадлежать к служилому чиновничеству, и их сотрудничество с Ученым комитетом МГИ не было основано на опыте и интересах ведения собственного помещичьего хозяйства. В то же время и жители губернских центров могли иметь поместья. Тем не менее представляется наиболее вероятным, что отмеченное количество лиц, проживавших в уездах, было близко к числу землевладельцев, что составляет около 30% общего состава членов-корреспондентов комитета. В пользу высказанного предположения говорит и тот факт, что именно перечисленные губернии являлись основными земледельческими районами империи и им принадлежит вторая по численности после Санкт-Петербурга и Москвы группировка членов-корреспондентов (44 против 49 членов-корреспондентов — жителей столиц).

Состав иностранных членов-корреспондентов комитета (в 1853 г. их численность составляла 18 человек) не нашел отражения в таблице. Данные об этой категории членов-корреспондентов трудно поддаются систематизации. В их числе английский и французский аристократы-землевладельцы, плантатор в Техасе, шесть профессоров европейских высших учебных заведений, писатели, представители чиновничества³²⁹. Из представителей европейской науки к числу действительно известных ученых может быть отнесен лишь В. Гукер, выдающийся английский ботаник-систематик, создатель обширной ботанической коллекции. Итак, зарубежные связи Ученого комитета МГИ на уровне членов-корреспондентов, являясь обширными в плане географическом, вряд ли могут быть сочтены представительными.

Таким образом, состав корреспондентской сети Ученого комитета Министерства государственных имуществ не может быть охарактеризован как оптимальный с точки зрения стоявших перед ним задач. Скорее, в нем отразились те реалии и возможности, которыми располагало российское общество во второй четверти

ХІХ в. и которыми было готово воспользоваться правительство.

Последнее немаловажно. Оценивая совокупный состав членов-корреспондентов комитета, нельзя не заметить четкой сословной ориентации, избегавшей представителей податных групп населения. Если помещик, активно развивавший товарные отрасли хозяйства, проявлявший интерес к новинкам земледелия и животноводства, обращался с запросом в ученый комитет, то нередко получал предложение стать его членом-корреспондентом³³⁰. Иное отношение проявлялось к талантливым хозяевам из числа крестьян.

Принципиальные установки государственной политики на поддержку помещичьего землевладения вгоняли деятельность ученого комитета в прокрустово ложе сословных ограничений. Наглядным примером бессилия членов комитета перед бюрократическими заслонами является их попытка помочь тверскому государственному крестьянину Н. М. Серову.

Нил Михайлович Серов был одним из многих самородков, и в условиях России середины ХІХ столетия демонстрировавших чудеса хозяйственной предприимчивости. По оценке Московского императорского общества сельского хозяйства, наградившего Н. М. Серова золотой медалью, этот крестьянин, «не получив никакого образования, собственным умом и опытом достигает в своем хозяйстве превосходных результатов»³³¹.

В 1858 г. Серов купил неподалеку от г. Бежецка 169 десятин земли за 12 тыс. 800 руб. (!) «Осознав, что в данной местности земледелие без скотоводства невысказано», он заводит десятипольный севооборот с посевом клевера и льна и стадо в 40 голов крупного рогатого скота. Помимо рекордных для Тверской губернии урожаев, Н. М. Серов получал по 6 пудов «чухонского масла» в год на одну корову. Причиной, побудившей Серова обратиться в высокие инстанции, стала его попытка завести «племенной рассадник» местной породы коров. Для получения ссуды он предлагал под залог свое имение и брал на себя обязательства ежегодно продавать по фиксированной цене определенное количество бычков и телок³³².

Ученый комитет, получивший дело на рассмотрение, после долгих мытарств крестьянской просьбы по министерским кабинетам не нашел иных способов помочь Серову, кроме как исходатайствовать в виде исключения серебряную медаль от Министерства государственных имуществ (в соответствии с законодательством награды предназначались только «для помещиков и лиц всех вообще неподатных сословий»³³³).

Таким образом, круг контактов ученого комитета искусственно ограничивался, оказывался подчиненным узко понимаемым интересам правительственной политики зачастую в ущерб реальному делу.

Эффективность корреспондентской сети Ученого комитета МГИ также не может быть оценена однозначно. Необходимо также учитывать, что главная задача, которая ставилась при создании столь обширной сети членов-корреспондентов, была задача информационная. И именно она, как свидетельствует опыт участия членов-корреспондентов в конкретных программах комитета, решалась совершенно неудовлетворительно³³⁴.

Нельзя не отметить значительного сходства в составах корреспондентских сетей Статистического отделения Совета МВД и Ученого комитета МГИ. И в первом, и во втором случае основная масса членов-корреспондентов представлена чиновничеством. Из них, в свою очередь, более половины принадлежали к V и более высоким классам по Табели о рангах, иными словами, представляли основной костяк бюрократической системы. Несмотря на стремление распространить корреспондентскую сеть в провинцию, около половины всех корреспондентов являлись жителями столиц — Санкт-Петербурга и Москвы. Профессиональные ученые, входившие в число членов-корреспондентов этих подразделений, были представлены членами Академии наук и столичных высших учебных заведений. От общего числа членов они составляли менее одной пятой части.

Эти черты, характеризующие корреспондентские сети рассмотренных ученых подразделений, были типичными и для остальных ученых комитетов министерств и ведомств. Новый характер взаимоотношений начинает складываться только в пореформенное время, с 60-х гг. XIX в.

СТРУКТУРА ЗАДАЧ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ

Спектр задач, ставившихся перед учеными комитетами и советами, принципы организации их деятельности чрезвычайно важны для нашего исследования, поскольку дают возможность ответить на главный вопрос: какова была роль научно-вспомогательных подразделений в системе административного управления.

В данной главе предпринимается попытка систематизировать структуру задач (сферы ведения) ученых комитетов в том виде, как они были заданы законодательными актами. Конечно, жизнь постоянно вносила свои коррективы, менялась иерархия целей и задач, ставившихся перед комитетами и советами, многие из функций, заложенных «Положениями», либо оказывались невостребованными, либо постепенно вытеснялись иными задачами. Тем не менее анализ комплекса нормативных документов позволяет, как представляется, более четко выявить специфику деятельности научно-вспомогательных подразделений и ее изменения в течение исследуемого периода.

Как уже отмечалось, в имеющейся литературе нет однозначного определения функционального назначения ученых комитетов. Их рассматривают и как органы ведомственного руководства наукой³³⁵, и как форму организации науки³³⁶. Имеются и иные формулировки³³⁷, которые отмечают соединение учеными комитетами исследовательских и управленческих функций. В какой мере эти утверждения отражают реально существовавший набор функциональных обязанностей ученых министерских подразделений на разных этапах их существования?

Материал, содержащийся в многочисленных нормативных «Положениях» о создании и реорганизации ученых комитетов и советов, сведен в таблицу (см. Приложение 1) отражающую структуру задач (предметы ведения) ученых комитетов и советов в первой половине XIX в. Необходимость группировки по конкретным направлениям и неизбежная формализация отдельных задач заставили в данном случае пожертвовать конкретными формулировками. Ряд положений, свойственных лишь отдельным научно-вспомогательным подразделениям, также не нашел отражения в таблице. Тем не менее она наглядно иллюстрирует основное содержание деятельности комитетов в том виде, как оно было сформулировано в законодательных актах.

Спектр задач распадается на три основные направления:

— деятельность ученых комитетов и советов в сфере научной информации и распространения научно-технических сведений;

— руководство и (или) контроль учебного процесса в ведомственных учебных заведениях, организация повышения квалификации кадров;

— научно-консультативная, экспертная деятельность, руководство исследовательскими, опытно-экспериментальными и т. п. работами ведомственных подразделений, координация научно-технических работ, научные контакты.

В общей сложности круг задач ученых комитетов включает в себя 14 пунктов.

Самый общий взгляд на характер задач, стоявших перед исследуемыми подразделениями, свидетельствует, что ни одно из предлагавшихся в литературе определений функциональной сущности ученых комитетов не отражает в полной мере набора их обязанностей. Наименьшую роль в деятельности комитетов играли управленческие задачи. Это не случайно: комитеты и советы, как было показано в главах I и II, создавались за пределами исполнительной вертикали, и их решения «самостоятельной власти» не имели.

В первой половине столетия, как видно из таблицы, в деятельности ученых подразделений превалировали информационные функции: сбор научных данных и издание профильной научно-технической литературы, распространение «ученых сведений» среди служащих ведомства и т. п. Заметную роль занимала и деятельность по надзору за ведомственными учебными заведениями. Собственно научно-исследовательские задачи комитетов и советов ограничивались большей частью рассмотрением изобретений и предложений, с которыми к ним обращались.

Рассмотрим основное содержание деятельности ученых комитетов и советов в порядке уже выделенных ее направлений.

Функции сбора научной информации, как для сугубо внутриведомственного использования, так и в более широких просветительских целях, с момента возникновения первых научно-вспомогательных подразделений занимали важное место в их работе. Наиболее наглядным проявлением этой деятельности становятся библиотечные собрания ученых комитетов, выполнявшие в ряде случаев роль ведущих научных библиотек в рамках определенной отрасли знаний.

Накопление научных сведений осуществлялось в тесной связи и с издательской деятельностью комитетов и советов, что вполне

закономерно. Издательские программы комитетов включали в себя выпуск периодических и продолжающихся изданий: журналов, записок, трудов, а также отдельных монографий. В первой половине XIX в. в общей сложности 8 из 9 постоянных научно-вспомогательных подразделений, учтенных в таблице, комплектовали свои библиотеки, а 7 из 9 в тех или иных формах осуществляли издательские программы. Ввиду большой значимости этого направления деятельности научно-вспомогательных подразделений мы посвятили ее анализу отдельную главу.

Курирование системы ведомственной подготовки кадров также являлось постоянной сферой деятельности ученых комитетов и советов. Первой функцией, порученной комитетам в начале XIX в., становится аттестация государственных чиновников (в военных министерствах — офицеров), претендовавших на занятие должностей, требовавших специальных познаний.

Первым ученым подразделением, на которое были возложены эти задачи, стал Медицинский совет. В его обязанности входило «рассмотрение, каким из вызываемых или приезжающих в Россию иностранных врачей можно дозволить свободную здесь практику и на каком основании»³³⁸. Предполагалось, что совет мог либо подвергнуть претендента испытанию, либо направить его для экзамена в Медико-хирургическую академию, либо — «тем, кто сделали себе имя в ученом свете» — дозволить практику без всяких испытаний³³⁹. Задачи по аттестации кадров врачей перешли к Медицинскому совету от Первого департамента Медицинской коллегии, который также был «предназначен для управления дел ученых»³⁴⁰.

Помимо испытаний иностранных врачей, Медицинский совет в соответствии с «Положением» 1803 г. рассматривал по поручению Медицинской управы учебные планы медицинских учебных заведений, его члены принимали участие в проведении выпускных экзаменов³⁴¹. В последующем тесная связь Медицинского совета с системой подготовки кадров обеспечивалась вхождением в его состав в качестве неперменного члена начальника Императорской Медико-хирургической академии и присвоением всем членам совета звания почетных членов главного военно-медицинского учебного заведения³⁴².

Аналогичным образом осуществлялся контроль уровня квалификации офицеров в «ученых корпусах» Военного министерства. Военно-ученый комитет был обязан подвергать экзамену всех претендентов на замещение должностей в артиллерийском и инженерном ведомствах³⁴³. Были выработаны и соответствующие

инструкции. С 1835 г. обязательные испытания в науках для артиллерийских офицеров становятся ежегодными³⁴⁴. Отделения Военно-ученого комитета курировали и профильные ведомственные военно-учебные заведения. На их экспертизу передавались программы преподавания, члены отделений принимали участие в экзаменах. В состав отделений комитета с середины 50-х гг. входят профессор Михайловского артиллерийского и Николаевского инженерного училищ³⁴⁵.

Традиционно тесными были также связи Горного ученого комитета и Горного кадетского корпуса (Горного института), в структуре которого в 1825 г. и был учрежден этот комитет. Члены Горного ученого комитета, многие из которых были одновременно и действующими преподавателями, регулярно рассматривали вопросы преподавания в высшем учебном заведении горного ведомства. В соответствии с установленными правилами, выпускники института по окончании курса в течение года проходили практику, по итогам которой составляли отчет, поступавший на рассмотрение местного горного начальства и в Горный ученый комитет. Лишь при одобрении отчета этими инстанциями молодой инженер мог быть представлен к следующему чину³⁴⁶.

Таким образом, содержание деятельности большинства ученых комитетов в вопросах контроля и развития ведомственной системы подготовки кадров концентрировалось на аттестации специалистов в наиболее важных для государства сферах.

В несколько ином ключе приходилось решать вопросы сельскохозяйственного образования Ученому комитету Министерства государственных имуществ. В конце 30-х — 40-е гг. XIX столетия, когда начинает разворачиваться деятельность этого научного подразделения, на повестке дня стоял вопрос не столько контроля, сколько создания системы подготовки сельскохозяйственных кадров, причем как высшего уровня квалификации, так и в рамках начальных сельскохозяйственных школ.

Подготовка агрономов была развернута в Горы-Горецком земледельческом институте (с 1840 до 1848 г. — земледельческая школа). Предложения по ее организации были выработаны еще Комитетом по усовершенствованию земледелия в России³⁴⁷ и утверждены в 1836 г.³⁴⁸ Численность студентов в первое десятилетие составляла всего 25 человек, допускались частные пансионеры³⁴⁹. Ученый комитет III Департамента МГИ (Департамента сельского хозяйства) активно участвовал в разработке программ, рецензировании учебной литературы, в последующей послевузовской подготовке выпускников земледельческого института. Для

получения ученой степени магистра агрономии лучших из них направляли в европейские учебные заведения. Так, уже в 1842 г., т. е. за два года до первого выпуска учеников «высшего разряда» — будущих агрономов, ученый комитет по предложению профессора Горы-Горецкой земледельческой школы Целлинского достиг договоренности с Тарандской академией в Саксонии о подготовке выпускников помимо агрономических дисциплин и лесоводства еще и в области геологии³⁵⁰.

Наиболее масштабной, в силу выраженной заинтересованности государства и лично министра государственных имуществ П. Д. Киселева, стала работа по созданию в ведомстве сети низших сельскохозяйственных школ, в которой ученый комитет принимал самое непосредственное участие. В планах реформы Киселева шаги по административному и хозяйственному устройству государственных крестьян были тесно увязаны с мероприятиями по созданию сельских школ, повышению уровня земледельческой техники, организации медицинской и ветеринарной помощи крестьянам и др.³⁵¹

«Положение» об учебных фермах было подготовлено к 1841 г. и в мае того же года получило силу закона³⁵². Сеть этих образцовых учебных заведений складывается в период с 1843 по 1848 г. На устройство каждой из 8 учебных ферм выделялось 15 тыс. руб., в обучение принимались казенные и помещичьи крестьяне в возрасте 17 — 20 лет, знающие начала грамоты³⁵³. За период с 1841 по 1856 г. Министерство государственных имуществ затратило в общей сложности 616 тыс. 133 руб. на устройство и содержание учебных ферм и 305 тыс. 418 руб. на обучение молодых крестьян в земледельческих и ремесленных заведениях³⁵⁴.

Как и большинство других направлений реформы 1839 — 1840-х гг., попытка создания системы сельскохозяйственного образования для государственных крестьян носила противоречивый характер и, в конечном счете, не привела к сколь-нибудь заметным результатам. Низкая эффективность проведенной работы не может быть объяснена только традиционными ссылками на недостаток финансирования, произвол чиновников палат государственных имуществ на местах и т. п.

Существенным тормозом становилась вполне объяснимая недоверживость крестьянства к новым начинаниям правительства вкупе с традиционным консерватизмом в навыках ведения земледельческого хозяйства. По данным отчета Департамента сельского хозяйства за период 1844 — 1854 гг. при открытии сельскохозяйственных школ, первоначально «молодые люди считались выбыв-

шими из родного села наравне с рекрутами»³⁵⁵. И лишь в 50-е гг. стали поступать первые просьбы о зачислении на учебу непосредственно от крестьян.

Результаты деятельности учебных ферм за 1844 – 1853 гг. приведены в таблице:

Численность обучающихся и выпуск воспитанников учебных ферм МГИ за период 1844 – 1853 гг.³⁵⁶

Годы	Состоит воспитанников	Выпущено по экзамену по окончании курса
1844	40	0
1845	99	0
1846	259	0
1847	429	0
1848	579	24
1849	692	105
1850	675	142
1851	749	226
1852	813	77
1853	852	173

В таблице представлены обобщенные результаты деятельности всех учебных ферм. Каждый год две и более фермы не делали выпусков вообще. Не последнюю роль играло то обстоятельство, что учащиеся составляли бесплатную рабочую силу в государственных хозяйствах, каковыми являлись эти учебные заведения.

К числу задач Ученого комитета Департамента сельского хозяйства относилось рассмотрение проектов учебных планов, отбор и подготовка учебной литературы. Так, в 1858 г. был объявлен конкурс на составление «учебника естественных наук» для земледельческих школ и училищ³⁵⁷.

Интересным моментом в деятельности ученого комитета было обсуждение вопроса об устройстве образцовых усадеб государственных крестьян. Проекты разрабатывались в 1849 – 1851 гг., и хотя их положения не стали принятой практикой в организации землепользования государственного крестьянства, они дают интересный материал для характеристики малоизвестного направления в дальнейших планах развития реформы Киселева.

Общий замысел состоял в том, чтобы выпускникам учебных ферм, отлично окончившим курс, выделять целинную землю под отдельные хозяйства и малые хутора, снабжать их для обустройства средствами, инвентарем, освобождать от рекрутской повинности и тем самым создавать очаги прогрессивного хозяйствования³⁵⁸. Таким образом, наряду с законодательным закреплением общинных форм регулирования крестьянского землепользования планировалось создание и отдельных, обособленных хозяйств.

Члены комитета с большой ответственностью отнеслись к подготовке проекта, уделив главное внимание налаживанию благоприятных условий хозяйствования и законодательной фиксации перечня льгот поселенцам. Они отклонили предложения по использованию создаваемых хозяйств в качестве опытной базы для испытания новых способов земледелия, экспериментов в скотоводстве и тому подобных дополнительных «повинностей» для хуторян³⁵⁹. Поскольку решение всей суммы вопросов требовало многочисленных согласований, выработка «Положения» затягивалась. Комитет не рекомендовал начинать расселение без решения всего комплекса вопросов о льготах выпускникам учебных ферм, несмотря на нетерпение министра³⁶⁰.

Когда на повестку дня встал вопрос об освобождении крестьян, работа над проектом оказалась в разряде дел, потерявших свою актуальность, а начавшаяся реформа окончательно похоронила проект в недрах министерских канцелярий.

Третье направление деятельности ученых комитетов объединяло большой круг вопросов, связанных с экспертно-консультативной, научно-исследовательской и экспериментальной работой. К перечисленным направлениям примыкает и координация научно-вспомогательных работ в рамках ведомства, а также установление и поддержание разнообразных научных контактов.

Первой по времени возникновения и наиболее распространенной задачей ученых комитетов была задача рассмотрения изобретений и предложений, поступавших в центральные органы административного управления. Комитетам вменялось в обязанность не только выносить суждения о применимости того или иного новшества, но и по возможности способствовать его «доводке», приспособлению к нуждам ведомства.

Разбор поступающих предложений составлял значительную часть работы членов комитета, требуя немалого времени и усилий. Архивные фонды научно-вспомогательных подразделений содержат десятки и сотни предложений, по каждому из которых делалось

мотивированное заключение. Для большинства ученых комитетов работа с изобретениями ограничивалась отбором тех предложений, которые представляли интерес для ведомства. Однако два совещательных подразделения: Мануфактурный совет и Ученый комитет МГИ — выполняли более широкие обязанности по работе с изобретателями и изобретениями.

Развитие капиталистического предпринимательства в промышленности, которое базировалось не только на вольном найме, но и на применении все более совершенных и производительных механизмов, распространение либеральных правовых ценностей поставили в начале XIX в. на повестку дня вопрос о защите авторских прав на изобретения и усовершенствования. В решении вопроса о привилегиях, т. е. о предоставлении монопольного права распоряжаться на протяжении определенного времени изобретенным механизмом, методом производства и т. п., Россия шла тем же путем, что и наиболее развитые страны. Законодательные акты о защите авторских прав появляются в Англии — в 1623 г., во Франции — в 1791 г., в Северной Америке — в 1787 г.³⁶¹ В России права изобретателей на сделанные ими открытия были установлены Манифестом 1812 г.³⁶²

В начале 30-х гг. XIX в. с учреждением Мануфактурного совета рассмотрение просьб о выдаче привилегий, относящихся к ремесленной и заводской промышленности, было поручено Министерству финансов³⁶³.

А. Шапиро были опубликованы интересные материалы о подготовке в конце 1820-х — 1833 г. в Мануфактурном совете нового закона, регулирующего защиту авторских прав³⁶⁴. В представленных членами Мануфактурного совета мнениях проводилась мысль о том, что само развитие законодательной базы, защищающее права изобретателя, «полезно, как действительнейший способ поощрения к новым открытиям и к развитию промышленности»³⁶⁵.

С 1840 г. вопрос о привилегиях на изобретения в сфере сельскохозяйственной промышленности перешел под контроль МГИ³⁶⁶. Представление о количественных параметрах работы Ученого комитета МГИ по рассмотрению привилегий дают отчеты Департамента сельского хозяйства. В 1844 — 1853 гг. было выдано в общей сложности 30 привилегий на срок от 3 до 10 лет, причем «по неприведению в действие» 6 из выданных привилегий были уничтожены. Среди авторов изобретений четверо — крестьяне, столько же — помещики, 10 человек — иностранные подданные³⁶⁷.

Едва ли можно однозначно оценить результативность и практическую значимость этого направления деятельности ученых комитетов. Наряду с регулярными предложениями “perpetuum mobile” и других фантастических проектов на рассмотрение поступало немало дельных изобретений, технических усовершенствований, многие из которых рано или поздно находили применение в практике. Состав авторов предложений был не менее разнообразен. В числе изобретателей были представители всех социальных слоев с разным уровнем образования.

Важнее другое: на первых этапах развития вспомогательной науки в рамках министерской системы, особенно в первой трети XIX в., характерной была именно ориентация на использование предложений, поступающих «извне». Иными словами, имела место пассивная, ожидательная политика власти, направленная на адаптацию уже имеющихся разработок.

Такой подход был обусловлен как фактическим отсутствием собственной научно-исследовательской базы, так и сложностью постановки исследовательских задач. Целенаправленное руководство ведомственной наукой обеспечивалось не только комплексом объективных предпосылок: потребностями экономики и государственного управления, соответствующим уровнем научного знания, его способностью решать насущные прикладные задачи, — было необходимо также накопление соответствующего управленческого опыта, повышение компетенции чиновников, осуществляющих руководство ведомственными научными подразделениями. Этот опыт нарабатывался не быстро и не просто.

На начальных этапах развития вспомогательной министерской науки создавалась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, когда ученые подразделения в значительной степени сами формулировали актуальные направления работы и определяли средства их реализации.

Попытки создания опытных, исследовательских подразделений, временных групп специалистов для изучения важных в практическом и научном отношении вопросов начинают предприниматься уже во второй четверти XIX в., но особенно заметной эта деятельность становится во второй половине 40-х и в 50-е гг. XIX столетия.

Отмеченная тенденция наглядно прослеживается в деятельности Министерства государственных имуществ.

Эффективное управление казенной собственностью, перешедшей под контроль министерства, как вскоре убедилось его руководство, было невозможно без коренного обновления управленческо-

го инструментария. Во-первых, без налаживания статистического учета государственных имуществ (земельного, лесного фонда и т. д.) и, во-вторых, без соответствующего научного обеспечения: поиска эффективных путей сохранения и возобновления «доходных статей», к которым относились леса, рыбные ловли и т. д.

Итоги ревизии деятельности Ученого комитета МГИ в вопросах лесоводства, проведенной в 1841 г. товарищем министра Н. Гамалеей, представляют собой пример разочарования, которое было неизбежным при существовавшем в начале века уровне организации вспомогательной министерской науки. Собирая фрагментарные научные данные, разрозненные рекомендации, разработанные большей частью иностранными учеными, комитет был не в состоянии выработать реальные методики ведения «правильного лесного хозяйства» в различных климатических зонах России.

В соответствии с предложениями, сделанными Гамалеей, были намечены и новые шаги «к будущему устройству лесного хозяйства на принципах науки»³⁶⁸.

В их числе предполагалась организация в каждом лесном округе одного-двух «образцовых лесничеств», которые бы стали базой для накопления данных о ведении хозяйства в каждой климатической зоне. «Образцовые лесничества» подчинялись ученым лесничим, которым поручалось проведение опытов по разведению лесов на различных почвах и в условиях различного климата, по определению спелости лесов, скорости роста древесных пород и т. п.³⁶⁹

Уже в мае 1842 г. ученые лесничие — члены Ученого комитета МГИ М. Б. Бульмеринг и Е. А. Петерсон отправляются для инспекций лесных округов и выбора образцовых участков³⁷⁰.

С 1843 г. было положено начало опытному лесоразведению³⁷¹. Учреждаются Вико-Анадольское лесничество и Бердянская лесная плантация в Екатеринославской губернии. От первых опытов лесное ведомство достаточно быстро стало переходить и к внедрению рекомендаций науки на государственных землях. Уже в 40-е гг. XIX в. на реке Молочной в Таврической губернии колонистами-меннонитами было начато степное лесоразведение. Общая площадь меннонитских лесов в Таврической и Екатеринославской губерниях спустя десятилетие достигла 1425 десятин. В 1845 г. по результатам опытной деятельности была подготовлена инструкция для производства «культурных» работ, т. е. работ по лесоразведению³⁷².

В ряду мероприятий МГИ по исследованию силами и средствами науки «казенных статей» должны быть рассмотрены и экспедиции под руководством К. М. Бэра по исследованию рыболовства на Чудском озере и в Балтийском море (работы начаты в 1851 г.), а затем на Каспии (1853 — 1856 гг.)³⁷³.

Сходным образом развивалась деятельность МГИ и по другим направлениям, требовавшим научного обеспечения.

В число задач ведомства госимуществ входила обязанность способствовать успешному развитию главных отраслей сельского хозяйства. Бичом животноводства были инфекционные заболевания скота. В 1845 г. создается совместная комиссия ряда ведомств: МГИ, МВД, МНП и Комитета государственного коннозаводства — для исследования вопроса о борьбе с чумой скота. Для работы были привлечены лучшие российские и зарубежные специалисты, в том числе директор Дерптского ветеринарного училища доктор Иессен, магистр ветеринарных наук Пашкевич, немецкие ученые — профессора Принц и Гертвиг, датский специалист доктор Витт.

На протяжении 1845 — 1850 гг. было организовано несколько экспедиций в южные районы страны для исследований заболевания, а в начале 50-х гг. на специально арендованном хуторе близ Одессы создается исследовательская база, где проводились опыты по прививанию чумы скоту. Дальнейшие работы были продолжены под контролем Ученого комитета МГИ на опытных фермах Департамента сельского хозяйства³⁷⁴.

Уже в 40 — 50-е гг. большинство министерств, деятельность которых была связана с привлечением научных ресурсов, предпринимают конкретные шаги по налаживанию ведомственных исследовательских и опытных работ.

В военном ведомстве были созданы Техническое гальваническое заведение (1840) и Комитет об улучшении штуцеров и ружей, в Морском министерстве — Комитет о минах при Морском ученом комитете (1857), Комиссия морских артиллерийских опытов (1854) и т. д. Характерно, что в подавляющем большинстве случаев опытные подразделения создавались не в структуре профильных ученых комитетов и советов, а как самостоятельные постоянные или временные учреждения.

Как была организована практическая деятельность ученых комитетов и советов?

Организация работы этих коллегиальных органов регламентировалась как статьями «Общего учреждения министерств», так и другими нормативными документами, в том числе внутриведом-

ственными инструкциями. Общим принципом деятельности всех коллегиальных органов являлось решение дел в заседаниях комитета или совета. Для их проведения, как правило, назначались определенные дни и часы. Так, Медицинский совет собирался, если не возникало экстренных обстоятельств, дважды в неделю³⁷⁵. Некоторые ученые комитеты, особенно те из них, в которых число непременных членов было значительным, как, например, в Горном ученом комитете, могли проводить «два рода заседаний: частные, состоящие из определенного числа членов, и собрания общие, в коих присутствуют все другие члены, в том числе и почетные»³⁷⁶.

В «Положениях» строго регламентировался порядок прохождения дел в коллегиальных научно-вспомогательных подразделениях. Решения комитета или совета, принятые большинством голосов его членов, фиксировались в журнале заседаний, вслед за тем представлялись министру или главноуправляющему и лишь с его подписью получала силу административного решения.

Поскольку далеко не все задачи научно-вспомогательных органов могли быть выполнены с помощью описанных процедур, практическую деятельность по отдельным направлениям осуществляли их члены, за которыми закреплялись те или иные вопросы. С 30-х гг. XIX в. это находит свое организационное закрепление в создании в структуре комитетов отделений (например, в Военно-ученом комитете с 1836 г., в Ученом комитете III Департамента МГИ — с 1837 г. и т. д.).

Велика была и роль вспомогательного персонала комитетов и советов: делопроизводителей, секретарей, на плечи которых ложилась значительная часть текущей работы. Штат канцелярий комплектовался квалифицированными чиновниками, как правило, с университетским образованием. Как мы отмечали выше, к работе в канцелярии Морского ученого комитета привлекались чиновники, владевшие иностранными языками, в их обязанности входил сбор информации по всем наукам, относящимся к морскому делу и морской технике.

Интересные данные о тематике вопросов, вносившихся в Медицинский совет МВД, и количестве сделанных советом заключений приводит в юбилейном издании к 100-летию этого учреждения А. И. Моисеев. Мы сгруппировали их в таблицу, укрупнив тематические группировки рассматривавшихся проблем и объединив данные по десятилетиям.

Тематика вопросов,
рассмотренных на заседаниях Медицинского совета МВД
в 1812 — 1902 гг.³⁷⁷

Рассмотренные вопросы	1812—1822	1823—1832	1833—1842	1843—1852	1853—1862
Водоснабжение	0	0	1	1	0
Загрязнение воды, почвы, воздуха, открытие фабрик	0	8	6	3	21
Питание и фальсификация пищевых продуктов	11	41	59	19	15
Борьба с заразными болезнями и распространением эпидемий	76	347	92	96	172
Всего по выделенным группам	87	396	158	119	208

В своем обзоре А. И. Моисеев указывает, что столь заметное увеличение объема работы создавало немалые трудности для работы совета. Многие из поставленных задач, в том числе исследование ввозимых в Россию лекарственных средств, необходимые химические и бактериологические анализы, удавалось выполнять лишь потому, что в распоряжении членов совета имелись принадлежащие их ведомствам лаборатории³⁷⁸.

Проведенный обзор структуры задач и функций ученых комитетов и советов позволяет конкретизировать спектр направлений их деятельности. В ходе эволюции министерских научных подразделений акценты в их работе смещались. Если на начальных этапах преобладало информационное направление и контроль над ведомственной системой подготовки кадров, то с 40-х гг. XIX в. на более высокий уровень выходят задачи организации и координации научно-технических работ в интересах ведомства.

Таким образом, с точки зрения своего функционального назначения, ученые комитеты и советы министерств являлись научно-вспомогательными подразделениями, выполнявшими комплекс информационных, административных (контрольных и организационных) и научно-прикладных (научно-исследовательских, опытно-экспериментальных и внедренческих) задач.

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ

Библиотеки ученых комитетов

Одним из важнейших направлений деятельности ученых комитетов была работа по аккумуляции и распространению научных сведений в тех отраслях науки и техники, которые представляли непосредственный интерес для системы государственного управления и опекаемых ею отраслей народного хозяйства. «Информационная составляющая» в работе научно-вспомогательных учреждений министерств далеко выходила за пределы сугубо ведомственных целей и задач, являясь существенным элементом в становлении единого национального научно-информационного поля. Библиотечные собрания ученых комитетов и советов, издававшаяся научными министерскими подразделениями периодика, серийные и монографические издания составляли и продолжают составлять, теперь уже в источниковедческом плане, весомый блок в комплексе российской научной информации первой половины XIX столетия.

Хотя библиотечные собрания при органах государственного управления комплектовались и значительно ранее, однако в большинстве случаев они концентрировали в себе лишь законодательные материалы. Научные издания если и пополняли их, то только в случайном порядке. Ведомственный архив и библиотека, как правило, не были разделены структурно. Таким образом, говорить о систематической работе центральных административных органов по сбору и использованию в своей деятельности научных данных применительно к XVIII в. вряд ли возможно. Специализированный характер носила лишь библиотека Медицинской коллегии, укомплектованная, согласно специфике ведомства, научной литературой соответствующего профиля³⁷⁹.

Принципиально иной становится ситуация в XIX в. Развитие научного знания, вызвавшее количественный рост научной информации как в зарубежных, так и в российских изданиях, и, главное, осознание реальной потребности в такой информации стимулируют с начала нового столетия активный рост специализированных ведомственных библиотечных собраний, причем ориентированных именно на научные сведения.

Одной из первых библиотек, структурно входившей в состав научно-вспомогательного подразделения и призванной собирать литературу по самому широкому кругу научных вопросов, стала библиотека Адмиралтейского департамента. Она была учреждена в 1805 г. в составе музея, принадлежащего Ученой части департамента. В ней должны были быть собираемы «все любопытнейшие сочинения», касающиеся мореплавания и наук, связанных с морским делом. По распоряжению П. В. Чичагова, возглавлявшего Морское министерство, для фундаментального основания адмиралтейского книжного собрания в Копенгагене была закуплена библиотека умершего датского министра графа Бернсторфа за 15 тыс. руб. Библиотека не была закрытой. По разрешению руководства Адмиралтейского департамента «всякий с дозволения входить и пользоваться чтением книг может». На содержание музея, библиотеки, закупку литературы и жалованье штатным сотрудникам выделялась немалая по тем временам сумма: 10 тыс. руб. серебром ежегодно³⁸⁰.

В 20 – 30-е гг. XIX в., по мере становления и развития системы научно-вспомогательных подразделений, создаются и развиваются принадлежащие им библиотеки.

В первой половине XIX столетия большинство из них играли роль общеминистерских библиотек, предназначенных для пользования всех сотрудников того или иного ведомства. В частности, библиотека Ученого комитета Министерства финансов, созданная в 1824 г., в соответствии с инструкцией должна была «служить справочным местом при занятиях служащих в министерстве»³⁸¹.

Более того, имевшиеся в распоряжении отдельных департаментов библиотеки зачастую объединялись или передавались в состав библиотек научно-вспомогательных подразделений. Так, уже в 1835 г., спустя год после создания Статистического отделения при Совете МВД, на базе его библиотеки создается общая библиотека министерства, сформированная из книжных собраний отдельных департаментов³⁸².

Подобный подход к организации и использованию библиотек ученых комитетов был не случаен. Комплектование библиотечных фондов находилось в начальной стадии. Не было выработано системы пополнения библиотек. Эти проблемы наиболее успешно могли быть разрешены именно членами ученых комитетов, в числе которых были специалисты по различным отраслям знания, знавшие научную литературу, имевшие необходимые контакты в научном мире. Кроме того, необходимо учитывать, что ученые комитеты пользовались правами академий и уни-

верситетов в приобретении литературы из-за рубежа, что позволяло обходить многие бюрократические и цензурные препоны.

На начальном этапе существования библиотек ученых комитетов, в 20 – 30-е гг. XIX в., главной проблемой являлась именно комплектация фондов как новыми, так и ранее вышедшими изданиями. В правилах для библиотеки Ученого комитета Министерства финансов указывалось, что «если в библиотеке не окажется сочинений, приобретение которых необходимо и полезно, то всякое о том заявление будет принято с благодарностью, и сочинения будут по возможности приобретены»³⁸³.

Важным источником пополнения библиотек на протяжении всего исследуемого периода были безвозмездные пожертвования книг, карт, рукописных материалов. При формировании библиотеки Статистического отделения Совета МВД в 1834 – 1835 гг. книги для нее передавали чиновники министерства, научные учреждения: Санкт-Петербургская и Российская академии, Московское общество сельского хозяйства, — а также частные лица. Наиболее существенные вклады были сделаны министром внутренних дел Д. Н. Блудовым (труды французского Статистического общества за 30-е гг. XIX в.) и А. К. Германом, сыном организатора русской административной статистики К. Ф. Германа (часть архива отца)³⁸⁴.

Сравнительно быстро библиотеки ученых комитетов становятся солидными по объему и составу собраниями специальной литературы, рукописей и других материалов.

Так, фонд созданной в 1837 г. библиотеки Ученого комитета МГИ в 1839 г. составляли лишь 182 издания. Раздел «Сельское хозяйство» включал в себя только 10 книг, из которых на русском языке три: «Основания рационального сельского хозяйства» А. Тара, курс сельского хозяйства Павлова, изданный в 1837 г. в Москве, и «Руководство в сельском хозяйстве» Д. Шелехова (СПб., 1837). Периодические издания были представлены по преимуществу русскими официальными изданиями и зарубежными сельскохозяйственными журналами (33 наименования)³⁸⁵. Но уже в 1842 г. библиотека насчитывала более 1200 названий специальных книг по сельскому хозяйству и сопредельным областям знания и периодических изданий общим объемом 3000 томов³⁸⁶. В связи со все увеличивающимся объемом библиотечного фонда, необходимостью его систематизации в 1842 г. в штат Ученого комитета МГИ вводится специальный чиновник X класса для ведения дел по библиотеке³⁸⁷.

В круг обязанностей ряда ученых комитетов, в частности,

Морского, Военно-ученого комитетов и некоторых других входили задачи по сбору и рассмотрению всех вновь издаваемых сочинений по соответствующим областям знания как в России, так и за рубежом³⁸⁸. Такой широкий подход к задачам и организации деятельности библиотек требовал совершенно иного уровня постановки работы. По сути дела библиотеки в этом случае являлись не просто вспомогательными подразделениями комитетов, а выполняли серьезные самостоятельные информационно-аналитические функции.

Для ведения дел по библиотеке, как правило, приглашались квалифицированные чиновники, так как члены ученых комитетов не могли по характеру своих занятий взять на себя исполнение столь объемных и кропотливых обязанностей. В частности, в 1846 г., при подготовке нового «Положения о Морском ученом комитете», его председатель Ф. П. Литке обстоятельно доказывал необходимость образовать в структуре комитета канцелярию. В ее состав должны были входить ученый секретарь комитета и два его помощника — чиновники VIII и IX классов, обязательно владеющие иностранными языками, которые смогли бы обеспечить необходимый уровень комплектования библиотечных фондов³⁸⁹. Все предложения Ф. П. Литке были учтены и реализованы в «Положении о Морском ученом комитете» 1847 г.

Сбор новой научной информации по вопросам, интересующим ведомство, посредством приобретения литературы соответствующего профиля был тесно связан с издательскими программами ученых комитетов. По новому «Положению о Морском ученом комитете» на обязанности канцелярии возлагалось также и издание «Записок Морского ученого комитета», где наиболее значимые открытия в сфере кораблестроения и мореходных наук должны были получать свое освещение³⁹⁰.

Наглядное представление о порядке деятельности библиотек ученых комитетов дает инструкция библиотекарю Ученого комитета Министерства государственных имуществ, изданная в 1853 г.³⁹¹

Обязанности библиотекаря возлагались на помощника производителя дел ученого комитета. Главной его обязанностью являлось ведение каталогов: хронологического, алфавитного и систематического, а также исполнение других технических работ по библиотеке. Систематический каталог включал в себя 13 рубрик, в числе которых выделялись издания по сельскому и лесному хозяйству, статистике и географии, законоведению, естественным и математическим наукам, технологии, издания МГИ и рукописные материалы.

Пополнение библиотеки велось за счет штатных сумм, выделявшихся ежегодно на приобретение необходимой литературы. Периодические издания, как российские, так и зарубежные, выписывались по предварительно составленному и одобренному на заседании комитета списку. Покупка книг для библиотеки осуществлялась по предложениям членов ученого комитета с санкции председателя или на основании решения комитета (п. 16, 17 инструкции).

Пользоваться библиотекой имели право помимо членов ученого комитета и другие чиновники МГИ. Члены ученого комитета могли брать литературу — до 20 томов — на дом. Остальным служащим министерства предоставлялась возможность работать только в библиотеке (п. 26 — 28).

К 60-м гг. XIX в. библиотеки ученых комитетов становятся крупными собраниями научной литературы по профильным отраслям знания. Складываются объективные возможности для более широкого их использования не только чиновниками ведомств, но и специалистами, не находящимися на службе в том или ином министерстве. Ученые комитеты, по существу своих задач ориентированные на сотрудничество с самым широким кругом специалистов и практиков, охотно предоставляют возможность всем нуждающимся в специальных изданиях пользоваться своими библиотечными фондами. С этой целью ученые комитеты начинают издавать каталоги своих библиотечных собраний.

Первым начинает издавать систематические каталоги своей библиотеки и, таким образом, делает доступными ее фонды для использования, Ученый комитет Министерства государственных имуществ. «Систематический каталог книг, находящихся в библиотеке Ученого комитета МГИ», был издан в 1839 г. и переиздавался с дополнениями в 1843 г. С середины XIX в. и большинство других ученых комитетов начинают издавать периодически обновляемые или сопровождающиеся дополнениями каталоги своих библиотек: Ученый комитет Министерства финансов, Ученый комитет Морского министерства, Военно-медицинский ученый комитет и т. д.

Библиотеки ученых комитетов были также местом встреч и обмена научными идеями между специалистами, выполняя, таким образом, роль одного из центров притяжения формирующейся научно-технической интеллигенции. Так, например, в библиотеке Инженерного управления регулярно проводились чтения технических докладов и устраивались беседы по актуальным вопросам науки и техники, в которых принимали участие та-

кие известные русские инженеры, как М. А. Герсеванов и Э. И. Тилло³⁹².

Библиотеки ученых комитетов отличала еще одна немаловажная особенность, что делало их ценными источниками научной информации, хотя и для достаточно узкого круга специалистов. Их фонды содержали в том числе и литературу, запрещенную цензурой. Пользование этими книгами было ограничено, однако для членов комитета, высших министерских чиновников, а также почетных членов ученого комитета книги были доступны³⁹³.

Дополняя картину развития библиотечных собраний ученых комитетов, следует отметить, что далеко не все научно-вспомогательные подразделения обладали крупными библиотеками. Военно-медицинский ученый комитет в соответствии с «Положением» 1843 г., которое действовало и в дальнейшем, на выпуск книг, журналов, инструментов и т. п. расходовал по смете всего лишь 1 тыс. руб. в год³⁹⁴. Как следствие, его библиотечное собрание в 1878 г. немногим превышало 700 наименований³⁹⁵.

Издательская деятельность министерских научно-вспомогательных подразделений

Второй составляющей в развитии национального научно-информационного пространства являлось издание научной литературы. В рамках этого процесса происходило накопление научной информации, формировалась научная терминология, вырабатывалась структура и система научной публикации — элементы, без сомнения, чрезвычайно важные в ходе сложения инфраструктуры национальной науки.

Ученые комитеты первой половины XIX в. внесли заметный вклад в становление российских научных изданий.

Возникновение в начале XIX в. первых ученых комитетов и становление системы ведомственных изданий — процессы не только синхронные во времени, но и тесно связанные общими целями и задачами.

Распространение научных сведений, обнародование результатов прикладных исследований, наконец, научно-просветительская деятельность занимали существенное место в общей структуре работ ученых комитетов и советов министерств и ведомств. Так, главная обязанность Военно-ученого комитета определялась как «распространение сведений по ученой части военного искусства»³⁹⁶, Горному ученому комитету было поручено издание ведомственного журнала с целью сделать общедоступными новейшие

научные разработки в соответствующих сферах знания³⁹⁷ и т. д. Таким образом, издательская деятельность была приоритетным направлением работы ученых комитетов.

Ведомственные журналы и сборники, несмотря на их общепризнанную ценность как исторического источника, до настоящего времени изучены далеко не в той степени, как они того заслуживают. Имеется лишь незначительное количество публикаций по этому вопросу, в основном ведомственного же характера³⁹⁸. Между тем плодотворность подобных исследований наглядно иллюстрируется немногими работами, посвященными этой интересной тематике. Так, журнал «Морской сборник», сыгравший выдающуюся роль в ходе подготовки реформ 60-х гг. XIX в., послужил предметом содержательных исследований Э. Д. Днепров, рассмотревшего роль журнала в общественно-политической жизни середины – второй половины 50-х гг.³⁹⁹, и Е. И. Лагутиной, диссертация которой анализирует значение «Морского сборника» как источника по истории русского флота⁴⁰⁰.

Не претендуя на полноту раскрытия этой большой и вполне самостоятельной темы, мы коснемся лишь тех ведомственных изданий, которые издавались собственно учеными комитетами и советами или выходили в свет при их непосредственном участии.

Появление в течение первых десятилетий XIX в. целого спектра ведомственных изданий, несомненно, отвечало назревшим общественным потребностям в увеличении информации о деятельности центральных органов государственной власти. Кроме того, расширение издательской деятельности госучреждений было созвучно и устремлениям просвещенной бюрократии, видевшей в ней одно из возможных средств образования и воспитания общества, в первую очередь, дворянства. Характерно, что еще в период складывания оппозиционного кружка вокруг наследника престола великого князя Александра Павловича (1797) первоочередным пунктом плана «молодых друзей» был перевод «на русский язык столько полезных книг, сколько окажется возможным»⁴⁰¹.

Развитие и совершенствование конкретных отраслей национального хозяйства, самой системы государственного управления не мыслилось уже в отрыве от применения научных знаний. Отвечая требованиям времени, Санкт-Петербургская Академия наук в 1804 г. приступает к изданию «Технологического журнала или Собрания известий, относящихся до технологии, и приложений учиненных в науке открытий к практическому употреблению», выходящему вплоть до 1815 г. по 4 номера в год. Наряду с

министерскими периодическими изданиями в первые два десятилетия XIX в. появляется и ряд специализированных изданий научного направления. Некоторые из них были плодом частной инициативы, хотя и поддержанной правительством. В их числе «Статистический журнал» К. Ф. Германа, «Военный журнал» П. А. Рахманова и одноименный журнал, редактором-издателем которого был Ф. Н. Глинка.

Появление первых министерских изданий наглядно иллюстрирует общую тенденцию к расширению информации по наиболее важным для государства вопросам, анализу проблем с позиций науки. Весьма умеренные шаги в этом направлении, сделанные правительством Александра I в первое десятилетие XIX в., были горячо поддержаны передовой частью русского общества. К сожалению, эта тенденция была достаточно быстро вытеснена политикой цензурных ограничений, ставшей на десятилетия главенствующей.

Ведомственные издания, хотя и в меньшей степени, нежели литературные и общественно-политические, все же испытывали пресс цензурных запретов, что не могло не сказаться на процессе их развития. Запрет на публикацию сведений не только составляющих государственную тайну, но и просто невыгодно рисующих современное положение дел в России, превращал зачастую министерские журналы в малоизвестные, не пользующиеся популярностью в среде читающей публики сборники казенных отчетов. В то же время под сенью министерского официоза оказывалось возможным публиковать и серьезные работы, анализирующие наиболее острые и злободневные вопросы российской действительности первой половины XIX в.

В более выгодном положении оказывались издания, которые не были связаны напрямую с такими наиболее «болезненными» в цензурном плане сферами, как армия, крестьянский вопрос и т. п. Их деятельность, фактически целиком построенная на пропаганде научно-технических новаций в конкретных отраслях народного хозяйства, как, например, горное дело и горнозаводская промышленность, встречала существенно меньше препонов. Однако передовая часть ученых и специалистов, входивших в состав ученых комитетов, в большинстве случаев не могла ограничиться столь узким, чисто технологическим подходом к формированию издательских программ.

Пожалуй, издательская деятельность, как никакое другое направление в работе ученых комитетов, высвечивала научную и гражданскую позицию их членов. Издательское дело было един-

ственной сферой работы ученых комитетов, выходящей за рамки сугубо ведомственных задач и интересов. Монографические издания комитетов, ведомственная периодика были адресованы широким кругам, как научной общественности, так и образованной части русского общества в целом. Уже сама возможность публикации результатов исследований, аналитических записок, предложений позволяла сделать труд членов ученых комитетов известным, в идеале — востребованным. Это, несомненно, заставляло их сотрудников относиться к изданию трудов комитетов с большой ответственностью.

Издательские программы министерских научных подразделений отвечали весьма важной цели: наращиванию комплекса сведений о России, ее государственном хозяйстве, а также о современном опыте европейских стран. В оценке значимости данной цели позиции передовой части просвещенной бюрократии и ученых совпадали. По их мысли, обнародование подобной информации должно было способствовать совершенствованию государственного управления, помогать преодолению негативных аспектов в российской действительности. Таким образом, возможность издания имевшихся в распоряжении ученых комитетов материалов позволяла, говоря словами А. П. Заблоцкого-Десятовского, «освещать возникающие вопросы светом положительного знания и, наоборот, из сопряжения ежедневных событий извлекать задачи для решения науки»⁴⁰².

Работа ученых комитетов министерств и ведомств в сфере публикации научных материалов может быть сведена к двум главным направлениям, охватывающим практически все многообразие ведомственных изданий, прямо или косвенно связанных с учеными комитетами. Это, во-первых, выпуск серийных и периодических изданий: записок, трудов, журналов и других продолжающихся сборников материалов. Во-вторых, это издание либо непосредственно комитетами, либо при их прямом участии книг монографического характера.

Несмотря на существенные различия в тематике и в издательских программах, проблемы, с которыми сталкивались ученые комитеты в своей издательской деятельности, носили достаточно общий характер. Сходными оказывались и пути их решения. Можно говорить об известной типичности и этапности в развитии издательских программ комитетов, что связано с общими тенденциями в развитии научной и ведомственной издательской деятельности на протяжении первой половины XIX столетия.

Создание периодических и серийных изданий научно-при-

кладной и научно-популярной направленности, — а именно к данной тематике можно отнести большую часть изданий ученых комитетов, — имело к началу XIX в. определенную традицию, заложенную целым рядом журналов и серийных изданий XVIII столетия. Однако этот опыт далеко не создавал еще надежной базы в виде устойчивых и апробированных подходов к их структуре, принципам отбора материалов и т. д. Анализ развития российской научной периодики в XVIII в. приводит исследователей к выводу, что «ее появление опережало реальные потребности общества в подобной информации. Нельзя сказать, чтобы чисто научная периодика прошла значительный путь развития на протяжении XVIII в.»⁴⁰³.

Кроме того, в научных изданиях, и в первую очередь в изданиях Академии наук, в качестве основных языков и в первой половине XIX в. продолжали использоваться латынь и французский. Задача выработки национального научного языка продолжала оставаться до конца не решенной.

Наконец, издания, осуществлявшиеся учеными комитетами, являлись не только научными, но и ведомственными, то есть ориентированными на соответствующую тематику и соответствующий контингент читателей: в первую очередь, на служащих того или иного ведомства. Все это в сумме определяло специфику как издательских программ, так и структуры изданий ученых комитетов.

Первым ведомством, приступившим к изданию своего печатного органа, была Адмиралтейств-коллегия, которая в 1800 г. по инициативе вице-адмирала А. С. Шишкова начала публикацию «Повременных записок»⁴⁰⁴. С образованием Адмиралтейского департамента и его Ученой части издание преобразуется в «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности». Их выпуск поручается Ученой части департамента.

По замыслу организаторов нового научного издания, в его программе «сверх предметов, относящихся к морскому искусству, и всего происходящего в чужих и нашем флотах, помещено будет и все то, что может быть полезным, приятным или любопытным... Словом, журнал сей должен быть такого содержания, чтобы не для одних мореходцев, но и для всех соотечественников наших мог быть любопытен»⁴⁰⁵.

Такой просветительский, в самом широком смысле этого слова, уклон в издательской деятельности Адмиралтейского департамента отнюдь не был лишь данью увлечению науками. Сбыт

печатной продукции специального назначения был весьма ограничен, и продажа книг, издаваемых в Морской типографии, не позволяла окупать необходимые расходы. Продажа книг «столь медлительно происходит, — докладывал в 1803 г. Александру I руководитель морского ведомства И. В. Чичагов, — что находится великое число книг, за пятьдесят лет напечатанных и по сие время не распроданных»⁴⁰⁶. Учитывая эти обстоятельства, морское ведомство стремилось сделать свой журнал более интересным для широких слоев публики, насытить его помимо специальной информации и другими, общеинтересными сведениями.

Как мы увидим, проблема спроса на печатную продукцию, издаваемую научно-вспомогательными подразделениями министерств, и в дальнейшем являлась если не сдерживающим фактором в развитии подобных изданий, то, во всяком случае, обстоятельством, с которым невозможно было не считаться. С другой стороны, выпуск изданий, заранее обреченных на отсутствие широкого читательского спроса не в силу их низкого качества, а в силу отсутствия в обществе того слоя, которому они могли бы быть адресованы, достаточно красноречиво характеризует роль ведомственного научного книгоиздания. В известной степени оно, как и в XVIII в., опережало запросы общества, в то же время подготавливая более благоприятную почву для его интеллектуального развития.

С 1807 по 1826 г., за время существования Ученой части Адмиралтейского департамента до ее преобразования в Морской ученый комитет, удалось выпустить в свет 13 частей «Записок». С 1807 по 1823 г. «Записки» выходили без определенной периодичности, и на протяжении 16 лет было издано лишь 5 томов. Но в 1824 — 1826 гг. издание становится регулярным: ежегодно в свет выходит по две части⁴⁰⁷. Структура «Записок» и их содержательное наполнение было достаточно типичным для большинства изданий научно-вспомогательных подразделений в начале XIX в. Они включали в себя как отечественные, так и переводные работы, большей частью реферативного характера, посвященные актуальным вопросам развития флота, различным усовершенствованиям в судоходстве и кораблестроении. Кроме того, в издании регулярно помещались материалы о деятельности Ученой части Адмиралтейского департамента, научных программах, осуществлявшихся в ходе плавания русских военно-морских судов, и результатах их выполнения.

«Записки Ученого комитета Морского штаба» (издавались в 1827 — 1845 гг., в свет вышло 17 частей) в целом продолжили

программу и традиции издания Адмиралтейского департамента. Однако цензурные ограничения николаевского времени заставляли как можно менее места и внимания уделять положению собственно русского флота и отечественному кораблестроению. Это снижало практическую значимость «Записок», обрекая их на роль оторванного от жизни, малоизвестного ведомственного сборника. Верховная власть мало заботилась о сохранении издания: в росписи штатов Морского ученого комитета 1827 г. средств на издание «Записок» отдельной строкой предусмотрено не было. Также не была предусмотрена должность редактора⁴⁰⁸. По недостатку средств практически все труды по изданию «Записок» лежали на председателе комитета Л. И. Голенищеве-Кутузове, и содержание их заполнялось в значительной степени историческими статьями последнего о действиях флота⁴⁰⁹.

Попытку серьезного пересмотра издательской программы Морского ученого комитета предпринял с приходом к руководству этим подразделением Ф. П. Литке. Плодом его размышлений стал поданный 22 февраля 1848 г. на имя Николая I доклад, содержащий критический анализ состояния дел с изданием «Записок» и детально проработанные предложения по изменению структуры и содержания повременных изданий ученого комитета⁴¹⁰. Далеко не все, что было предложено в проекте реорганизации издательской деятельности комитета, удалось воплотить на практике, однако именно Ф. П. Литке были воскрешены идеи ведомственного журнала, обращенного к широкой аудитории.

Более чем двадцатилетний опыт «Записок Ученого комитета Морского штаба» наглядно показал оторванность этого издания от широких кругов морского офицерства. Причинами такого положения дел были как тяжеловесная, академическая манера изложения материалов, зачастую далеких от насущных потребностей флота, так и нерегулярность выхода в свет отдельных его частей. Предложения председателя Морского ученого комитета заключались в коренном изменении его издательской программы.

По мнению Литке, «Записки» ученого комитета и не должны быть регулярными, поскольку они наполняются трудами самого комитета. В то же время во флоте ощущается «недостаток повременного издания, которому бы все служащие на флоте могли бы доверять свои мелкие произведения, не довольно важные, чтобы занять место в журнале ученом, но многоценные, может быть, для их собратьев»⁴¹¹. Таким образом, Ф. П. Литке от лица ученого комитета предлагал дополнить «Записки» выпуском нового повременного издания — «Морского сборника», ориентированного на

широкие круги военных моряков, оставив за «Записками» функции сугубо научного сборника. Комитет брал на себя обязательства «заботиться приисканием корреспондентов из числа моряков в разных портах находящихся и офицеров в отставке»⁴¹². Цену за новое издание предполагалось назначить минимально возможную: не более двух — двух с половиной рублей серебром за годовой комплект⁴¹³.

Программа «Морского сборника», предложенная Ф. П. Литке, включала следующие разделы: известия по части военно-морского искусства в России, о плавании эскадр, о портах, сведения об иностранных флотах и портах, отчеты о морских экспедициях, «замечательных в военном, торговом или ученом отношении», история флотов. Кроме того, в журнале планировалось публиковать известия «о необыкновенных происшествиях на море» и литературные произведения, «имеющие предметом морское дело»⁴¹⁴.

Несмотря на то что «Морской сборник» планировался как издание, обращенное к достаточно обширной аудитории, специальная тематика Морского ученого комитета занимала в нем далеко не последнее место. Более того, именно массовый в условиях и понятиях того времени журнал создавал возможность вовлечь в обсуждение важных научных вопросов не только узкий круг специалистов, но и самих морских офицеров — тех, в чьи задачи и входило непосредственное применение научно-технических новаций на практике.

Уже в первых номерах нового журнала планировалось опубликовать серьезные научные статьи о способах использования каучука для ремонта подводной части судна, о мерах по снижению опасности самопроизвольного возгорания каменного угля, данные «об архимедовом винте в приложении к мореходству»⁴¹⁵.

Таким образом, проект Литке возрождал лучшие идеи и традиции первого адмиралтейского издания — «Записок Адмиралтейского департамента», — но на новом качественном уровне. Однако осуществление этих планов в полном объеме в условиях николаевской России конца 40-х гг. было невозможным. Резолюция, наложенная на проект императором, четко обозначила рамки дозволенного, выхолостив в значительной степени суть начинания. Николай I дал разрешение на издание «Морского сборника» с условием «не печатать никаких политических статей, статистических статей о русском флоте и военных портах и извлечений из административных распоряжений и приказов»⁴¹⁶.

Первый номер «Морского сборника» вышел в свет в марте

1848 г. Редактором журнала стал капитан 1-го ранга Б. А. Глазенап, принимавший участие в экспедиции Ф. П. Литке на «Сенявине» и вошедший в 1847 г. в число действительных членов Морского ученого комитета⁴¹⁷.

Ограничения, наложенные николаевской цензурой, не позволили журналу Морского ученого комитета в первое пятилетие его существования исполнить роль, ему предназначавшуюся: реально привлечь русское морское офицерство к обсуждению актуальных вопросов флотской жизни, объединить здоровые силы для решения насущных проблем военно-морского флота. По данным Э. Д. Днепров, число подписчиков издания в 1848 — 1853 гг. составляло от 500 до 812 человек⁴¹⁸. В 1853 г. была введена обязательная подписка на «Морской сборник» для морских офицеров⁴¹⁹, но подлинной популярности издание смогло достичь лишь в 1855 — 1862 гг., причем пик общественного признания, казалось бы, узковедомственного журнала приходится на 1855 — 1856 гг., когда он становится «органом правительственного либерализма»⁴²⁰.

Издание Морского ученого комитета благодаря позиции, занимаемой главой морского ведомства великим князем Константином Николаевичем, готовившим кардинальные реформы флота⁴²¹, оказалось средоточием общественных дискуссий по широкому кругу проблем, выходящих за рамки не только тематики ученого комитета, но и Морского министерства. На его страницах во второй половине 50-х гг. XIX в. обсуждались вопросы педагогики, реформы правовой системы, уроки Крымской войны. «Отталкиваясь от специфически флотского материала, «Морской сборник» ставил зачастую вопросы, значение которых выступало далеко за ведомственные рамки»⁴²².

В последующем журнал, преобразованный в 60-е гг. в официальный орган министерства, отошел от широкой общественно-политической тематики и стал, по образному определению современников, «летописью русского флота»⁴²³. Организатором и вдохновителем этого этапа в жизни «Морского сборника» стал И. И. Зеленой, возглавивший издание в 1855 г., а с 1860 г. вошедший в состав Морского ученого комитета.

Столь же значительными были изменения, предложенные Ф. П. Литке в отношении программы издания «Записок Морского ученого комитета». «Записки» должны были состоять из статей, которые бы знакомили заинтересованного читателя «со степенью, на которую возведена каждая из ветвей» морского искусства, со всеми новейшими открытиями, усовершенствованиями, опытами в

морском деле⁴²⁴. Структурно «Записки» предполагались состоящими из трех отделений. Отдел «Мореходство» должен был включать в себя разделы: «Судовождение», «Вооружение судов», «Кораблестроение» и в качестве отдельной рубрики — «Пароходство». Отдел «Морское военное искусство» — «Морская тактика», «Морская артиллерия», «История флотов». В качестве третьего отделения «Записки» должны были публиковать регулярные библиографические обзоры и краткую информацию реферативного характера, помещаемую в разделе «Смесь»⁴²⁵.

Программа «Записок Морского ученого комитета» также была утверждена Николаем I, хотя и «с условием предварительного утверждения всех статей, содержащих военную информацию о России»⁴²⁶. Данная резолюция фактически ликвидировала закрепленное в «Положении» 1827 г. о Морском ученом комитете право последнего самостоятельно осуществлять цензуру издаваемых сочинений.

Но на практике программа издания обновленных «Записок» осуществлена не была. Отсутствие средств и представлявшиеся более важными задачи по подготовке материалов и редактированию «Морского сборника» не позволили Морскому ученому комитету реализовать издательскую программу Ф. П. Литке в полном объеме. Тем не менее идея создания спектра изданий, включающего в себя как более популярный, обращенный к широкой аудитории журнал, и академические по содержанию «Записки», являлась перспективной и новаторской для своего времени.

Второе научно-вспомогательное подразделение, созданное в составе морского ведомства, — Гидрографическое депо (впоследствии, с 1842 г. — Гидрографический департамент) тоже издавало свое серийное издание: «Записки Гидрографического депо». Инициатива их выпуска принадлежала директору депо Ф. Ф. Шуберту⁴²⁷. В течение 1835 — 1837 гг. было осуществлено 5 выпусков, а с 1842 по 1852 г. «Записки Гидрографического департамента» выходят в свет регулярно с периодичностью один том в год.

В значительно меньшей степени, нежели повременные издания Морского министерства, поддаются учету отдельные монографии, выходявшие в свет под эгидой Морского ученого комитета. Публикация подобной литературы, как и в большинстве других научно-вспомогательных подразделений, не подчинялось какому-либо плану или программе. Ученый комитет рассматривал представлявшиеся оригинальные и переводные сочинения и ходатайствовал о поддержке того или иного издания в случае, если его

содержание представлялось значимым и отвечающим интересам развития морского дела. Сложность их учета состоит в том, что гриф Морского министерства на изданиях помещался далеко не всегда.

Такое положение дел не было случайным. Ресурсы, находившиеся в распоряжении самого комитета, были явно недостаточны. По штату 1827 г. «на выписывание журналов и книг (т. е. пополнение библиотеки. — А. М.), также награду за сочинения и переводы» выделялась сумма всего в 5 тыс. руб.⁴²⁸ В 1847 г. при составлении новых штатов Морского ученого комитета сумма, запрашивавшаяся Ф. П. Литке, была урезана почти вдвое (с 10 до 6 тыс. руб.)⁴²⁹. Таким образом, решения об издании того или иного сочинения принимались руководством морского ведомства в каждом отдельном случае особо.

По данным С. Ф. Огородникова, в первой половине XIX в. было издано более полутора десятков книг научного содержания. В их числе исторические очерки действий флотов, сочинения, посвященные военному судостроению, вооружению судов, тактике морской артиллерии и т. д. Издания осуществлялись, как правило, тиражами 500 — 600 экземпляров. Так, перевод «Истории действий английского флота с 1793 по 1803 г.» был опубликован в 1842 г. в количестве 500 экземпляров и обошелся морскому ведомству в 2300 руб. серебром. Сочинение капитан-лейтенанта Посьета «О вооружении военных судов» вышло в 1846 г. тиражом 600 экземпляров, на его издание было затрачено из сумм министерства 1750 руб. серебром. Сочинение капитана корпуса морской артиллерии Ильина «Наука морской артиллерии» — 600 экземпляров и 2980 руб. серебром и т. д.⁴³⁰

Работа по созданию специальных периодических изданий научно-технического содержания для офицеров в Военном министерстве началась уже в первое десятилетие XIX в. Первой попыткой организации подобного журнала следует признать издание «Артиллерийского журнала», выпускавшегося в 1808 — 1811 гг. Артиллерийским комитетом. Ежегодно выходило в свет по шесть книг. Война с Наполеоном прервала издание, и журнал возобновился лишь в 1839 г. силами Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета.

Рассмотрим программу его издания как типичную для журналов военного ведомства в первой половине XIX в. В перечне рубрик «Артиллерийского журнала» нашли отражение как собственно военная тематика: «артиллерийская теория и практика ее во всей обширности», тактика, стратегия, военная история, — так

и науки естественно-математического цикла: «чистая» математика, физика, механика, химия, металлургия и даже лесоводство и ветеринарная наука⁴³¹. Таким образом, издатели планировали превратить журнал не только в источник специальных сведений для офицеров-артиллеристов, но и в сборник общеобразовательной информации по необходимым научным дисциплинам. Последнее не удивительно. Проблема совершенствования подготовки офицерских кадров для «ученых» корпусов министерства оставалась актуальной. Помимо вышеперечисленных рубрик журнал планировал публиковать биографии «военных и ученых людей, отличившихся заслугами своими по артиллерийской части» и библиографию военной литературы⁴³².

Помещать материалы по всем вышеуказанным разделам в каждом номере не планировалось, да это было и неосуществимо. Как следствие, четкой структуры издания в первые годы существования журнала не было. Номера комплектовались по мере накопления материала. Для участия в издании Артиллерийское отделение приглашало преподавателей Артиллерийского училища, «а равно и всех артиллерийских офицеров, служащих и отставных»⁴³³.

Отбор материалов для публикации в журнале был строго подчинен главному принципу: «Все политические рассуждения без изъятия, равно замечания на счет существующих учреждений, равно и всякая критика, исключая разбор иностранных сочинений по артиллерийской и технической частям, устраняются вовсе из «Артиллерийского журнала»»⁴³⁴.

Таким образом, журнал не мог затрагивать серьезные, актуальные для русской армии вопросы, даже в той специальной сфере, которой предназначался. Значительное число материалов, помещавшихся в журнале в 40-х — начале 50-х гг., являлись переводами или рефератами статей из иностранных военных изданий (таких, как «Archiv für die Officiere der Preuss» и ему подобных).

В 1826 — 1857 гг. выходили в свет и отдельные номера «Инженерных записок», издававшихся Инженерным отделением того же ученого комитета. За 31 год существования издания было выпущено 42 части. Третьим «отраслевым» журналом был «Военно-медицинский журнал», издававшийся с 1823 г. Медицинским департаментом Военного министерства. С 1837 г. топографическая служба министерства выпускала «Записки Военно-топографического бюро», выходившие в свет отдельными томами (как правило, один том в год).

Наконец, общим периодическим изданием, издававшимся

Военно-ученым комитетом, являлся в первую половину XIX столетия «Военный журнал». С момента учреждения «Военного журнала» в 1827 г. и вплоть до второй половины 40-х гг. его тираж не превышал 150 экземпляров, так что говорить о его реальном влиянии на массы офицерства вряд ли приходится. Содержание журнала заполнялось статьями только членов Военно-ученого комитета, которые отличались сухостью изложения и были оторваны от жизни армии⁴³⁵. Учитывая строгие требования цензуры, мало соответствующий занимаемым должностям уровень генералов, входивших в состав отделений Военно-ученого комитета в николаевское время, подобное состояние вышеперечисленных журналов в 20 — 40-е гг. XIX в. не вызывает удивления.

Тем не менее потребность в периодических изданиях, реально способствующих повышению уровня общей и специальной подготовки офицеров, была объективной, и образованная, прогрессивно мыслящая часть военного руководства уже в николаевскую эпоху стремилась изменить существующее положение. Пришедший в 1844 г. к руководству Военно-ученым комитетом Ф. Ф. Шуберт, столь много сделавший в предшествующий период своей деятельности для создания периодических изданий по гидрографии и топографии, стремится к оживлению «Военного журнала». В 1846 г. для руководства изданием приглашается известный ученый, геодезист и топограф А. П. Болотов, в то время профессор Военной академии. Его усилиями издание начинает приобретать характер действительно серьезного военно-научного журнала. Работа велась при активной помощи военного историка М. И. Богдановича, вошедшего в 1847 г. в состав Военно-ученого комитета, а с 1852 г. принявшего на себя организацию издания журнала. В 50-е гг. реализуется его новая программа: в состав его рубрик включаются отделы военной библиографии и военной истории — «военные летописи»⁴³⁶.

В рамках гражданских ведомств первые попытки издания периодических печатных органов предпринимались также в первое десятилетие XIX в., и в отличие от изданий Военного и Морского министерств они изначально имели свою специфику. Само существование задач, стоявших перед ведущими министерствами имперского государственного аппарата, определяло тесную связь программ их изданий с запросами губернского управления. Потенциально министерские журналы адресовались и широким слоям населения в целом: помещикам, формирующемуся слою предпринимателей, поскольку эти ведомства регламентировали и опекали основные сферы народнохозяйственной деятельности. Эти обстоятельства

делали по меньшей мере актуальной проблему информирования общества о ведомственной политике, воплощенной в инструкциях, циркулярах и т. п.

Ведомства, в первую очередь Министерства внутренних дел, финансов, а затем и Министерство государственных имуществ в соответствии с «Наказами», данными им высшей властью, обязаны были заниматься вопросами сельского хозяйства, промышленности не только с фискальных позиций, но и как источниками «народного благосостояния», в терминологии тех же законодательных актов. В связи с этим отчетливо формулировалось и еще одно достаточно общее направление, проявившееся в той или иной степени в ведомственной периодике этих министерств, — «просветительское». Оно определяло содержание научно-прикладных и образовательных блоков в программах ведомственных журналов. Именно этот сектор издательских программ, в силу понятной специфики, оказывался сферой непосредственной деятельности ученых комитетов министерств.

Неоднократные, но не доведенные до конца попытки создания ведомственных периодических изданий в первой четверти XIX в.⁴³⁷ не могли выработать устойчивых подходов к организации и программам официальной периодики и ведомственной издательской деятельности в целом. Именно эти проблемы начинают решаться во второй четверти столетия по мере расширения сети ведомственных изданий.

Наиболее активную роль в создании системы ведомственных периодических изданий во второй половине 20-х и в 30-е гг. XIX в. играло Министерство финансов. Распространение научных знаний, поощрение к прикладному использованию достижений технического прогресса рассматривались руководителем ведомства Е. Ф. Канкрином в качестве важных задач вверенного ему министерства⁴³⁸. При его содействии было начато издание «Коммерческой газеты», «Журнала мануфактур и торговли», «Горного журнала» — все вышеперечисленные издания начали выходить в свет в 1825 г. В последующие годы под эгидой финансового ведомства возникают «Лесной журнал» (1833), «Земледельческая газета» (1834) и «Мануфактурные и горнозаводские известия» (1839).

В дальнейшем, с образованием в 1837 г. Министерства государственных имуществ, часть изданий, как и некоторые структурные подразделения Министерства финансов, перешли в состав вновь образованного ведомства.

В рамках нашего исследования наибольший интерес из выше-

названных изданий представляет «Горный журнал», — в первую очередь, как издание непосредственно осуществлявшееся ученым комитетом — Горным.

В 1825 г. директор Департамента горных и соляных дел Е. В. Карнеев выступил инициатором издания ведомственного журнала «для распространения сведений и новых открытий по горному делу, а особенно для облегчения способов чиновникам горной службы усовершенствовать свои познания успехами всей Европы» (курсив мой. — А. М.)⁴³⁹. Поскольку выпуск журнала научного профиля представлялся руководству департамента делом не только важным, но и новым, было решено возложить издание на «общество просвещенных чиновников», каковым и стал специально для этой цели учрежденный Горный ученый комитет. Помощь в выработке программы журнала оказывали преподаватели Горного кадетского корпуса, на базе которого комитет и был сформирован.

Программа нового издания по замыслу его создателей должна была включать в себя законодательно-нормативную базу горного дела — «горные и соляные законоположения», материалы по основным отраслям науки, соприкасающимся с горным делом: минералогии, химии и т. п., служебно-биографическую хронику и «всеобщую горную и соляную библиографию». В совокупности перечисленные направления составляли 10 отделений, за каждым из которых был закреплен свой «издатель» (редактор) из числа членов ученого комитета. Первоначально структура отдельных выпусков журнала не представляла собой систематически организованного набора разделов и рубрик, а включала часть из намеченных 10 отделов по мере их комплектации⁴⁴⁰.

Для организации издательского дела Горный ученый комитет получил в 1825 г. единовременную субсидию в размере 10 тыс. руб. и по 5 тыс. руб. ежегодно в порядке компенсации за льготную (50% стоимости) подписку на журнал для чинов горного ведомства⁴⁴¹.

И сам Горный ученый комитет, о чем писалось выше, и журнал задумывались как своеобразные центры консолидации сил специалистов горной отрасли. Директор Департамента горных и соляных дел Е. В. Карнеев высказывал надежду, что «после опубликования всего, что накоплено в Департаменте» в состав авторов журнала войдут горные инженеры, работающие на заводах, ученые, преподаватели вузов⁴⁴².

Уже в первый год существования «Горного журнала» число его подписчиков составило 1093 человека⁴⁴³. Данный показатель

был более чем высоким для издания научно-технического направления в первой половине XIX в. Для сравнения укажем, что другой журнал Министерства финансов — «Журнал мануфактур и торговли» — имел в начале 30-х гг. всего лишь 120 подписчиков⁴⁴⁴.

Успех «Горного журнала» был не в последнюю очередь обеспечен курсом на привлечение в состав авторов широких слоев технических кадров горного ведомства и ученых.

К концу столетия идеи привлечения специалистов-практиков в число авторов «Горного журнала», заложенные при его создании, реализуются в виде своеобразной традиции. В 80 — 90-е гг. XIX в. молодые горные инженеры — выпускники Горного института считали делом чести опубликовать в журнале хотя бы одну небольшую статью⁴⁴⁵.

В соответствии с первоначальным «Положением» 1825 г. Горный журнал просуществовал 9 лет, а с 1834 г. состав «издателей» — работающая без вознаграждения редколлегия — был заменен редактором журнала со штатом помощников. В разные годы эту должность занимали известные ученые и специалисты горного дела: К. И. Лисенко, Г. Г. Лебедев и другие.

Структура журнала по мере его развития претерпевала определенные изменения. В середине XIX в. «Горный журнал», как и большинство других ведомственных изданий, структурно подразделяется на два основных отдела: часть официальную — «Распоряжения и узаконения правительства», и часть неофициальную, в свою очередь включавшую ряд рубрик: горное и заводское дело, геология и прикладные науки, статистика и история горного дела.

Как особенность издательской деятельности горного ведомства и его научно-вспомогательного подразделения следует отметить чрезвычайно малое, в сравнении с другими учеными комитетами, количество отдельных научных изданий монографического характера. Тем более в составе публикуемых материалов не было изданий популярных, адресованных широкой аудитории.

Как противоположность такой сугубо ведомственной издательской программе, ориентированной исключительно на собственных служащих и специалистов в курируемой отрасли, может рассматриваться издательская программа по сельскохозяйственной тематике, осуществлявшаяся III Департаментом (Департамент сельского хозяйства) МГИ.

Почин сельскохозяйственной периодике, издаваемой органами государственной власти, был положен еще до создания специ-

ального сельскохозяйственного ведомства. Вопрос о необходимости доступного сельскохозяйственного издания, призванного популяризировать новые научные открытия в сфере земледелия, указывать лучший опыт помещичьих хозяйств, был поставлен в 1834 г. в рамках деятельности Комитета об усовершенствовании земледелия в России⁴⁴⁶.

В числе предложений, подготовленных его членами, был выработан и план издания «Земледельческой газеты», получивший, как один из наиболее конкретных и недорогих проектов комитета, одобрение Николая I. Газета, первый номер которой вышел в свет в том же 1834 г., пополнила группу еженедельных изданий и была адресована, помимо частных подписчиков, губернским казенным палатам и предводителям дворянства. В казенные места издание высылалось бесплатно, а для подписчиков цена была назначена максимально доступная — 2 руб. серебром за годовую подписку⁴⁴⁷.

С организацией в 1837 г. Министерства государственных имуществ делами по изданию «Земледельческой газеты», «Лесного журнала», а с 1841 г. и вновь созданного «Журнала Министерства государственных имуществ» занималось Первое отделение III Департамента⁴⁴⁸. Ученый комитет министерства активно подключается к этой работе, как в рамках уже имевшихся к этому времени периодических изданий, так и посредством осуществления собственных программ. Редактор «Журнала Министерства государственных имуществ» А. П. Заблоцкий-Десятовский (с основания журнала и до 1859 г.) являлся членом Ученого комитета МГИ, а в 1855 — 1859 гг. возглавлял его⁴⁴⁹.

С 1840-х гг. комитет начинает издавать значительное количество литературы, ориентированной в первую очередь на крепкого сельского хозяина, причем не только из числа помещиков, но и крестьян.

Уже в 1838 г. комитет обсудил вопрос «о вспомоществовании издателям в напечатании сочинений по предметам, относящимся к сельскому хозяйству»⁴⁵⁰. Рассмотренные и одобренные ученым комитетом рукописи печатались бесплатно в типографии Министерства государственных имуществ с удержанием части тиража «для окупания издержек»⁴⁵¹.

Общие параметры, которыми характеризовалась издаваемая в 40-х — начале 50-х гг. литература, наглядно высвечиваются данными следующей таблицы⁴⁵².

Литература, изданная Ученым комитетом МГИ
в 1844 — 1853 гг.

Тематика изданий	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	Всего
Издано книг	5	4	2	5	16	2	6	4	4	2	50
В том числе											
Наставления, руководства	5	1	1	4	12	2	4	2	1	2	34
Описания с/х устройств		2									2
Книги для крестьянского чтения		1			1		1				3
Статистико-экономические описания			1	1	1			1	3		7
Атласы, описания с/х культур и вредителей с/хозяйства		1						1			2
Прочие издания					2		1				3

Таким образом, из 50 книг, изданных при поддержке ученого комитета Департаментом сельского хозяйства за десятилетие в 40-х — начале 50-х гг., большая часть — 34 издания (64%) относились к числу хозяйственных наставлений и руководств. С их помощью сельскохозяйственное ведомство пыталось научить как государственных крестьян, так и помещиков совершенствовать системы земледелия, улучшать состав стада путем разведения новых пород скота, строить дома и хозяйственные постройки «безопасные от огня» и т. п. Этой же цели служили и описания сельскохозяйственных машин и технических приспособлений, и такая группа изданий, как «книги для крестьянского чтения».

Незначительное количество последних — всего две за десятилетие — объяснялось тем, что из числа авторов, представлявших свои рукописи на рассмотрение ученого комитета, лишь немногим, как неоднократно отмечал в своих решениях сам комитет, удавалось излагать материал доступным крестьянам языком⁴⁵³. В этих условиях Департамент сельского хозяйства переиздавал беспрецедентными тиражами те немногие образчики «крестьянских» книг,

которые были уже апробированы. Так, в 1845 и 1848 гг. тиражами 2 и 4 тысячи экземпляров соответственно была выпущена книга «Рассказ казака Моисея Осмака о том, как он хозяйничал у себя дома и что сделал для улучшения быта государственных крестьян Гоголевской волости».

Члены Ученого комитета МГИ неоднократно предпринимали попытки и своими силами пополнить литературу, доступную, понятную и нужную для крестьянина. В числе инициаторов и наиболее активных деятелей на этом поприще следует назвать А. П. Заблоцкого-Десятовского и В. Ф. Одоевского. В 1843 г. их объединенными усилиями издается сборник «Сельское чтение», выдержавший к 1864 г. 11 переизданий, причем в первые два года было распространено около 30 000 экземпляров. Дальнейшими результатами их совместного труда были «Рассказы о Боге, человеке и природе» (СПб., 1849) и «Ручная книжка для грамотного поселянина» (СПб., 1854), к 1872 г. выдержавшая 9 изданий⁴⁵⁴.

Издание подобной «просветительско-пропагандистской» литературы являлось не только одним из конкретных воплощений политики Министерства государственных имуществ в том виде, в котором она была определена графом П. Д. Киселевым в конце 30-х — 50-е гг. В этой деятельности реализовалось и искреннее стремление либерально настроенных чиновников-ученых (пожалуй, именно так можно определить тот слой общественных деятелей, к которому принадлежали А. П. Заблоцкий-Десятовский и В. Ф. Одоевский) послужить возможными средствами крестьянству. Помочь научному знанию, на благо которого они сами увлечены, беззаветно трудились, говорить понятным народу языком. Последнее ставил в заслугу авторам В. Г. Белинский, откликнувшийся на выход книжек для крестьянского чтения большой хвалебной статьей⁴⁵⁵.

Прогрессивно настроенные чиновники, входившие в состав ведомственной редакции, помогали выйти в свет работам, затрагивавшим острые политические вопросы. Издания Министерства государственных имуществ в 30 — 40-е гг. XIX в. позволяли себе, конечно, очень дозированно, публикацию материалов, содержащих анализ российской действительности николаевского времени и осторожную критику существующего порядка. А. И. Кошелев — известный общественный деятель, представитель славянофильского лагеря — так вспоминал о своих контактах с редакцией: «Я написал статью [в ноябре 1847 г.], в которой, не осмелившись проводить общую мысль об освобождении крепостных людей, убеждал помещиков освобождать дворовых людей, заключая с

ними условия. Эта статья по заглавию «Охота пуше неволи» была отправлена мною в редакцию «Земледельческой газеты», которой редактором тогда был А. П. Заблоцкий-Десятовский. Я выбрал эту газету потому, что она слыла либеральною и по тогдашнему была действительно таковою (курсив мой. — А. М.) по милости покровительствававшего ей министра государственных имуществ Киселева. Статья моя была напечатана»⁴⁵⁶.

В числе работ, опубликованных Ученым комитетом МГИ, — исследование «крепостного человека тайного советника Талызина» А. Никольского «Описание Балашевского уезда Саратовской губернии» (СПб., 1855)⁴⁵⁷, в котором впервые был развернуто поставлен вопрос об экономической дифференциации крепостного крестьянства⁴⁵⁸.

Пожалуй, наиболее показательной, как по количественным параметрам, так и по разнообразию форм, являлась издательская программа статистического подразделения Министерства внутренних дел. Анализ его изданий существенно облегчается подробными библиографиями, подготовленными и выпущенными самим комитетом⁴⁵⁹.

Уже в середине 30-х гг. XIX в. руководитель Статистического отделения К. И. Арсеньев определяет ближайшие цели издательской программы своего ведомства. В отчете министру за 1840 г. в качестве одного из приоритетных направлений деятельности отделения были обозначены работы по созданию отдельных монографий, увеличивающих «запас положительных частных сведений, дабы, с одной стороны, с большей уверенностью приступить впоследствии к обобщающим выводам, а с другой стороны, доставить прочное основание для практических приложений» статистических сведений в практике административного управления⁴⁶⁰.

Не только в первой, но и во второй половине столетия задачи накопления, систематизации и обнародования данных административной статистики объективно занимали ведущее место в издательской деятельности статистических органов МВД. Именно благодаря значительным комплексам опубликованных статистических материалов, как справедливо и полагал К. И. Арсеньев, создавалась база не только для выработки административных решений, но и для всестороннего анализа развития России, аргументированных научных дискуссий о ее проблемах, текущих и будущих.

Несмотря на определенный опыт, накопленный административной статистикой к 30-м гг. XIX в., формы научной публикации

статистических данных, по сути, еще предстояло выработать. Ведущей формой статистического исследования и, соответственно, статистической публикации являлось статистическое описание⁴⁶¹. Оно включало в себя, помимо анализа количественных параметров, и комплекс иных сведений: исторических, этнографических, географических, объединявшихся по территориальному принципу. Лишь к концу дореформенного периода начинается постепенный переход к «предметным» статистическим исследованиям⁴⁶², что создает базу для появления статистических публикаций сравнительно-аналитического характера.

Статистическое отделение и впоследствии Центральный статистический комитет МВД не имели собственного периодического издания. Им фактически стал «Журнал Министерства внутренних дел», ведомственный печатный орган министерства. Журнал был создан в 1828 г. как издание, призванное «сообщать публике нужные сведения о распоряжениях правительства по этому министерству и открыть состояние частей его составляющих»⁴⁶³. При утверждении его программы статистике, как одной из основных рубрик, было отведено значительное место⁴⁶⁴. С образованием в 1834 г. Статистического отделения появилась и объективная возможность наполнить соответствующий отдел издания.

Эволюция издательской программы «Журнала Министерства внутренних дел» весьма показательна для подобных начинаний первой половины XIX в. В его истории явственно отразилась борьба двух наиболее заметных тенденций в развитии ведомственных периодических изданий. С одной стороны, это стремление просвещенной, образованной части чиновников министерства превратить журнал в источник научных сведений о государстве, отдельных отраслях его хозяйства, помочь читающей публике получить доступ к новейшим достижениям науки, указать пути их возможного практического применения. С другой — попытка ограничить издательскую программу журнала официальной частью, превратив его, таким образом, в средство доведения распоряжений министерства до низовых инстанций. Последняя линия поддерживалась определенной группой высшего и среднего руководства министерства.

Выбор той или иной линии развития журнала был далеко не столь очевиден, как могло бы показаться на первый взгляд, учитывая главенствующие настроения бюрократии николаевского времени. Издательское дело и под эгидой органов государственно-управления ориентировалось на самокупаемость своей продукции. Именно к 1834 г. в распространении журнала наметился

серьезный кризис. Количество подписчиков и общие тиражи издания упали с 1500 экз. в 1829 г. до 803 экз. в 1834 г., причем из этого числа 147 комплектов журнала были разосланы «безденежно»⁴⁶⁵. Первоначальная программа журнала не отвечала ни требованиям официального сборника распоряжений министерства, ни «энциклопедического» издания, освещающего «отдельные части, подведомственные министерству».

С целью выработки новой программы в 1834 г. в министерстве был создан редакционный комитет, в состав которого вошли молодые образованные чиновники. С их именами в последующем будут связаны яркие страницы в истории российской науки и государственного управления: это А. Г. Глаголев, А. П. Заблочкин-Десятовский, ставший в 1832 г. редактором журнала, В. Ф. Одоевский. В 1837 г. в состав редакции вошел Н. А. Милютин⁴⁶⁶.

Сотрудниками редакционного комитета была подготовлена обширная программа, в которой предполагалось дать в журнале «больше места физическим наукам, интересовавшим публику», печатать статьи, не относящиеся непосредственно к МВД, в том числе переводные публикации, «допустить в журнал исследования растений в разных климатах, географию животных (зоографию), исследования по части метеорологии». Для наполнения журнала статьями научной тематики и другими интересными для читателей материалами предполагалось пригласить к участию «ученых, помещиков, членов Медико-хирургических академий и духовных лиц». За сотрудничество в журнале авторам предлагалось выплачивать вознаграждение до 100 руб. за печатный лист⁴⁶⁷.

Программа редакционного комитета была принята министерским руководством и практически осуществлялась на протяжении 1834 — 1842 гг. К сотрудничеству в журнале были привлечены академики Г. Г. Гесс, П. И. Кеппен, известный специалист в вопросах экономики и финансов, член Ученого комитета Министерства финансов Ю. А. Гагенмейстер и др. В этот период на страницах журнала публикуются в разделе статистических публикаций работы Н. Я. Бичурина, М. П. Погодина, П. И. Небольсина. Наиболее интересные и содержательные материалы, получаемые Статистическим отделением от членов-корреспондентов из провинции, также помещались в статистическом отделе журнала⁴⁶⁸.

Нельзя принять оценку, сделанную историком МВД Н. В. Варадиновым, пятилетия 1837 — 1842 гг. как «самого мрачного [периода] в существовании» журнала⁴⁶⁹. Сам Варадинов, вступив в 1856 г. в должность редактора «Журнала МВД», отстаивал совершенно иную линию развития печатного органа министерства,

рассматривая его как в первую очередь официально-информационное издание.

Тем не менее реальная оценка деятельности журнала вряд ли может быть однозначной. Добившись в 1835 г. роста числа подписчиков до 1333 человек, в последующие годы редакционный комитет не смог удержать экономическое положение журнала на стабильном уровне⁴⁷⁰. В то же время именно во второй половине 30-х — начале 40-х гг. журнал превращается в одно из наиболее информативных ведомственных изданий, регулярно помещая на своих страницах статистические описания, этнографические, исторические, экономические материалы по различным регионам империи. Статистическое направление журнала поддерживалось и К. И. Арсеньевым, вошедшим в 1836 г. в состав наблюдательного комитета, созданного для подбора и рассмотрения статей, помещаемых в журнале.

Новая реформа программы журнала, проведенная в 1853 г., не только закрепила сугубо официальный характер издания, но и явилась фактической констатацией собственного бессилия со стороны министерского руководства, неспособности создать журнал, представляющий действительный интерес для сколь-нибудь массового читателя. Подписка на журнал была сделана обязательной для всех присутственных мест. Таким образом, «вопрос привлечения читающей публики» был решен кардинально и эффективно традиционным бюрократическим способом. В этих условиях не было необходимости и в сохранении в прежнем объеме статистического блока материалов. В 1861 г. издание журнала было прекращено.

Как и большинство других научно-вспомогательных подразделений, Статистическое отделение располагало весьма скудными средствами для реализации собственной издательской программы. В 1858 г. по новым увеличенным штатам сумма на приобретение литературы и издание трудов составила всего 2 тыс. руб.⁴⁷¹ Тем не менее уже в 1836 г. публикуются «Статистические сведения о Санкт-Петербурге», а с 1839 г. в свет начинают выходить «Материалы для статистики Российской империи». Последнее издание, положившее начало серийным сборникам трудов Статистического комитета, достаточно наглядно отражало и уровень представлений о статистике как науке, ее целях и задачах, и общие принципы подготовки серийных сборников научных трудов в 30 — 40-е гг. XIX в.

Каждый том «Материалов» составлялся из четырех отделений, первое из которых включало в себя наиболее общие, пользуясь

современной терминологией, теоретические работы. Так, в первом томе были напечатаны, среди прочих, работа Арсеньева «Об устройстве управления России с XV до исхода XVIII столетия» и «Табель о приращении населения с VII до VIII ревитизии» С. Корсакова. Второе и третье отделения были соответственно посвящены статистическим описаниям губерний (Харьковская и Херсонская губернии, Оренбургский край, Заволжский край Саратовской губернии) и городов (города Пермской, Харьковской Калужской губерний). Четвертое отделение отводилось мелким статьям, в которых разрабатывались частные вопросы статистики в столь же широко понимаемом ее смысле⁴⁷². Второй и последний том «Материалов», вышедший в 1841 г., был построен по той же схеме и содержал аналогичные работы⁴⁷³.

Сопоставление публикаций «Материалов» с данными, получаемыми Статистическим отделением от своих членов-корреспондентов, и разработками данных губернаторских отчетов, осуществившихся отделением во второй половине 40-х гг., наглядно свидетельствует о том, что построение сборников по какому-либо последовательному плану было невозможно. Публиковались практически все наиболее интересные материалы, получаемые из провинции, но их получение носило зачастую случайный характер. В этих условиях мысль о накоплении «положительных частных сведений» являлась в своем роде утешительной констатацией состояния и возможностей статистической службы государства в целом.

Выполнявшиеся отделением масштабные разработки данных социально-экономической и демографической статистики не всегда могли быть помещены в силу объемности таблиц в изданиях подобных «Материалам» или на страницах «Журнала Министерства внутренних дел». Монографические исследования с наибольшими затруднениями находили путь к изданию. Недостаток средств у отделения и весьма прохладное отношение министерского руководства в 1840—1850-е гг. — оно видело во многих работах статистического подразделения лишь «удовлетворение бесплодного любопытства»⁴⁷⁴ — приводили к тому, что его сотрудники издавали работы за собственный(!) счет. Так, в 1849 г. делопроизводитель отделения С. С. Крылов оплатил издание таблиц о народонаселении по губерниям и по каждому уезду⁴⁷⁵.

Таким образом, приведенный выше краткий обзор ведомственной издательской деятельности показывает, что при всей разнородности, вытекавшей из особенностей тематики, адресности, т. е. аудитории, которой предназначались конкретные издания,

можно говорить о целом ряде общих черт и тенденций в развитии данного направления деятельности ученых комитетов и других научно-вспомогательных структур министерств.

Рассмотрим основные количественные показатели, характеризующие министерские периодические издания научно-технического и прикладного направления на протяжении изучаемого периода.

В приведенной в Приложении 3 таблице указано как общее количество этих изданий, так и количество номеров в год. Чтобы избежать излишней громоздкости таблицы, мы объединили те издания, которые являлись непосредственным продолжением предшествовавшего им журнала или сборника. Названия таких изданий помещены в круглых скобках. В случае если название издания частично менялось, как правило, в силу изменения названия выпускавшего его подразделения, изменившаяся часть названия помещена в квадратные скобки. При окончательном подсчете количества изданий учтено не только десятилетие, но и конкретный год начала и окончания выпуска.

Хронологическая разбивка материала, осуществленная по десятилетиям, позволяет выявить общую количественную динамику в течение исследуемого периода.

Существенное увеличение числа выпускаемых изданий приходится на 1820—1830-е гг. и удерживается на достаточно высоком уровне вплоть до 50-х годов XIX столетия. Именно в этот период возникает и складывается система ведомственных изданий основных министерств: Военного, Морского, финансов.

Большинство из вышедших в свет в этот период журналов и записок тяготели по своему содержанию к изданиям предельно широкого, «энциклопедического» содержания. Причинами этого следует признать чрезвычайно малое количество изданий научно-технического содержания и непродолжительный период их существования в первой половине XIX в.

Кроме того, сказывалось и отсутствие выработанных схем и подходов к составлению издательских программ. Таким образом, в первой половине XIX столетия ведомственные журналы выполняли, строго говоря, несвойственную им функцию изданий научно-популярного и просветительского профиля, восполняя существующую лагуну. Приведившиеся выше данные о количестве подписчиков и тиражах ведомственных изданий научного направления со всей очевидностью говорят о том, что иного издателя у научной периодики, кроме государства, в российских условиях в этот период быть не могло. Ведомства, реально заинтересованные в

повышении уровня общего образования и специальной подготовки офицерства, чиновников, вынуждены были брать дело издания соответствующей литературы в свои руки.

Характерно, что именно в первую половину столетия научно-вспомогательные подразделения являются теми министерскими структурами, которые непосредственно осуществляют выпуск периодических изданий. Как с очевидностью свидетельствует таблица (Приложение 3), вплоть до 60-х гг. XIX в. большая их часть осуществлялась непосредственно учеными комитетами.

Весьма интересно, на наш взгляд, сопоставить выявленные тенденции в издательской деятельности с имеющимися, хотя и фрагментарными, данными о спросе на научные издания министерств. Так, по сведениям, приводимым Варадиновым, номера «Журнала Министерства внутренних дел», не распроданные и скапливавшиеся в редакции, неоднократно приходилось продавать на вес⁴⁷⁶. В рекламных приложениях всех без исключения ведомственных журналов содержались предложения приобрести в редакции комплекты журналов за предшествующие годы. Подобные примеры можно продолжить.

Таким образом, вплоть до конца исследуемого периода, несмотря на вполне конкретные потребности самих ведомств в распространении научной, технической и статистической информации, издание научной литературы органами государственного управления являлось в том числе и своеобразной формой государственного патронажа по отношению к сфере науки и научной информации.

Ученые комитеты сыграли свою, без сомнения, позитивную роль в становлении системы научной информации в России XIX в. Следует отметить, что вплоть до 40-х гг. XIX столетия значительная часть трудов Академии наук выходила на иностранных языках⁴⁷⁷. Издания же ученых комитетов пополняли состав научной литературы на русском языке. Именно научно-вспомогательными подразделениями министерств была выработана форма ведомственного издания научно-прикладного характера. Благодаря выпуску специальных изданий — как периодических, так и отдельных трудов — был накоплен весьма значительный по объему массив научной информации о России, ставший достоянием не только правительственного аппарата, но и научных кругов и общественности.

УЧЕНЫЕ КОМИТЕТЫ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ. ОПЫТ КООРДИНАЦИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТ

Научно-вспомогательные подразделения министерств существовали не изолированно в ряду других научных учреждений как государственной, так и негосударственной принадлежности. Они решали свои задачи в тесном сотрудничестве с Санкт-Петербургской Академией наук, ведомственными учебными заведениями и научными обществами. Система научных учреждений национальной науки формировалась в основном в продолжение первой половины XIX столетия⁴⁷⁸, и по мере ее создания связи ученых комитетов министерств становились все более многообразными.

Без учета этого взаимодействия невозможно оценить результаты деятельности ученых комитетов. Кроме того, попытка проанализировать положение ученых комитетов в системе других форм организации науки выводит нас и на вопросы координации деятельности национальных научных учреждений в решении значимых прикладных научных и технических проблем.

Роль Петербургской Академии наук в строительстве высшей школы, участие ее членов в деятельности научных учреждений, в том числе и некоторые аспекты их взаимодействия с учеными комитетами и советами, обстоятельно рассмотрены в работах Г. Е. Павловой, М. Ф. Хартанович и ряде других публикаций⁴⁷⁹. Это позволяет нам ограничиться систематизацией основных направлений взаимодействия и сотрудничества, складывавшихся между учеными комитетами министерств и академией.

В соответствии с основополагающим документом — Регламентом — академия была обязана «направлять познания ко благу общему, приспособляя к практическому употреблению теории и полезные следствия опытов и наблюдений»⁴⁸⁰ (§ 1 Регламента академии 1803 г.). В Уставе 1836 г. эта мысль выражена еще конкретнее: «Академии надлежит обращать труды свои непосредственно в пользу России, распространяя познания о естественных произведениях Империи, изыскивая средства к умножению таковых, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств, как источников богатства и силы государства»⁴⁸¹.

В период создания первых ученых комитетов кадровый резерв российской науки был чрезвычайно узок, ограничиваясь по пре-

имуществу учеными, работавшими в стенах Санкт-Петербургской Академии наук. Вполне очевидно, что иных сил в первые десятилетия XIX в. государственная власть мобилизовать не могла, и российские академики начинают пополнять ученые комитеты министерств, а сама академия становится первым научным учреждением, с которым ученые комитеты налаживают постоянные и плодотворные связи. В главе, посвященной анализу кадрового состава ученых комитетов и советов, было охарактеризовано участие академических сил в деятельности ведомственных научных подразделений.

Какие формы сотрудничества возникали на уровне учреждений между академическими структурами и ведомственными подразделениями?

Ведомства регулярно прибегали к помощи академии для получения консультаций по интересующим их научным вопросам, для проведения экспертиз, участия в комиссиях и т. п.

Тесные связи существовали между академией и подразделениями Министерства финансов. Мануфактурный совет регулярно привлекал в качестве экспертов академиков В. К. Вишневого, И. Х. Гаммеля, Г. И. Гесса, Э. Х. Ленца и Ю. Ф. Фришше⁴⁸². В 1827 г. Академия наук приняла участие в разработке чрезвычайно важного для развития российской промышленности и экономики вопроса: приведении в единообразие национальной системы мер и весов. Николай I одобрил создание объединенной комиссии из числа академиков и чиновников Министерства финансов⁴⁸³. В комиссию вошли академики В. К. Вишневецкий и Э. Д. Коллинс. В 1829 г. были выписаны эталонные, официально засвидетельствованные меры и весы «главнейших иностранных государств». Перед комиссией была поставлена задача: «...с возможной по нынешнему состоянию наук точностью определить нормальные меры и весы Российской империи, сравнить с заграничными и составить сравнительные таблицы»⁴⁸⁴. К работам по изготовлению русских эталонов были подключены академик А. Я. Купфер и механик академии Гиргенсон, который изготовил ряд уникальных измерительных инструментов⁴⁸⁵.

В 1835 г. работа комиссии была завершена, а с 1845 г. вводились в употребление однообразные российские меры. В соответствии с «Положением» Министерству финансов поручалось впредь не только хранить и изготовлять копии мер и весов, но и разрешать общие вопросы метрологии, что потребовало создания соответствующих вспомогательных подразделений»⁴⁸⁶.

Многогранными были связи главного научного центра страны

с Военным и Морским министерствами. Так, до создания в этих ведомствах своих оснащенных лабораторий академия проводила для Артиллерийского департамента экспертизы пороха, селитры и других материалов⁴⁸⁷. Обмен картами, литературой регулярно осуществлялся между военно-топографической и гидрографической службами министерств и академией. Она часто снабжала экспедиции Морского ведомства своими приборами. Тесные связи поддерживались и избранием выдающихся специалистов военной науки в состав академии. Почетным членом академии в 1827 г. становится Ф. Ф. Шуберт, руководитель топографической и гидрографической служб, а позже — Военно-ученого комитета, членом-корреспондентом был избран профессор Военной академии, будущий военный министр Д. А. Милютин. Эти традиции сохраняются и в дальнейшем.

Как главное научное учреждение страны, академия принимала участие в создании новых научных структур, в том числе и вспомогательной ведомственной науки. При подготовке предложений о создании новых подразделений запрашивалось ее мнение, принимались предложения по конкретизации целей и задач новых подразделений.

Однако Санкт-Петербургская Академия наук, как и другие учреждения, имевшие научные подразделения, обладала лишь ограниченными возможностями в решении задач, стоявших перед вспомогательной ведомственной наукой. Поручения, дававшиеся министрами, зачастую отрывали академические и вузовские научные подразделения от выполнения их собственных программ и планов. Опытнo-экспериментальная база самой академии, высших учебных заведений постоянно нуждалась в серьезном расширении и укреплении.

В этих условиях ученым комитетам приходилось искать формы сотрудничества с научными силами, включая и непрофессиональных ученых, на иных основах, за рамками официальных, ведомственных контактов.

Одной из таких форм работы ученых комитетов в 20 — 50-е гг. XIX в. были конкурсные задачи. Отличительными признаками проводившихся конкурсов были прикладной характер, конкретность и локальность темы. Конкурсы в истории организации ведомственной вспомогательной науки стали первой попыткой выявить и реализовать масштабные научные программы. Кроме того, они явились отправной точкой для развертывания целого спектра форм и направлений в последующей деятельности ученых комитетов.

Сама по себе идея конкурсных задач не была и не представлялась новой. Еще в XVIII столетии конкурсные задачи широко использовались Вольным экономическим обществом. Конкурсы, проводившиеся учеными комитетами, во многом унаследовали эти более чем полувековые традиции, направив их на достижение собственных целей.

Ни по своей структуре и составу, ни по финансовым возможностям в первой половине XIX столетия ученые комитеты не обладали необходимыми силами и средствами для разрешения конкретных научно-прикладных проблем. В этой ситуации наиболее реальным средством было обращение к возможно более широкому кругу ученых и практиков. Организовать и координировать их разрозненные усилия, поощрить идеи и таланты, привлечь имевшиеся силы для решения актуальных, как представлялось, научных и хозяйственно-технических проблем — вот комплекс идей, стимулировавших обращение к конкурсам как форме работы.

Ученые комитеты министерств унаследовали не только форму, но и демократические традиции проведения конкурсов. Конкурсы проводились открыто. Списки конкурсных заданий и условия их проведения публиковались в ведомственных изданиях министерств. Все представлявшиеся на конкурс сочинения передавались на экспертное рассмотрение под девизами, а имена участников оставались скрытыми в запечатанных конвертах вплоть до вынесения решения об избрании лучших работ. Экспертизу сочинений и проектов проводили члены комитетов или, в некоторых случаях, приглашаемые специалисты. Итоги конкурсов обязательно публиковались, назывались имена победителей и присужденные награды.

Впервые конкурсные задачи как форма работы научно-вспомогательных подразделений начинают использоваться уже во втором десятилетии XIX в. В частности, с 1818 г. Инженерный комитет при Инженерном департаменте Военного министерства начинает регулярно предлагать для решения офицерам темы конкурсных задач. Победители получали за отличное решение весьма существенное вознаграждение: премию в размере годового оклада. Результатами конкурсных работ зачастую становились полезные и значимые изобретения. Так, в 1844 г. по итогам представленных конкурсных решений вознаграждения была удостоена работа подполковника Чернявского. Для точного определения расстояний и направлений, по которым находятся видимые инженерные работы неприятеля, он предложил использовать оригинальный прибор собственного изобретения⁴⁸⁸.

Естественно, далеко не все ученые комитеты в равной степени использовали конкурсы в своей деятельности. Это определялось как конкретными задачами этих подразделений, так и инструктивными положениями, регламентировавшими их деятельность.

Наиболее полное представление о данной форме работы и тенденциях ее развития дают материалы Ученого комитета Третьего департамента (Департамента сельского хозяйства) Министерства государственных имуществ. Именно это подразделение, как отмечалось выше, и в своем возникновении, и в последующем развитии было тесно связано с Вольным экономическим обществом. Оно, во многом благодаря Н. С. Мордвинову, унаследовало задачи ВЭО⁴⁸⁹, переведя их на уровень государственной политики. Таким образом, активное использование конкурсов Ученым комитетом МГИ на начальных этапах его деятельности было вполне закономерным.

Третий департамент МГИ, столкнувшись с необходимостью на практике вырабатывать меры и рекомендации по развитию сельскохозяйственного производства, достаточно быстро осознал всю бедность находящихся в его распоряжении возможностей. Иностранный опыт, изложенный в литературе, не мог быть применен без апробации в местных условиях. Кроме того, сами эти условия с учетом разнообразия природных, почвенных и климатических зон требовали специального научного изучения. Выход приходилось искать за пределами традиционных бюрократических методов управления. Да и сам «объект управления» — сельское хозяйство — требовал иных подходов.

«Одной из первых своих обязанностей, — отмечалось в отчете сельскохозяйственного ведомства за десятилетний период, — Департамент поставляет раскрывать обстоятельства и условия, из познания которых вытекает необходимость соответственных распоряжений»⁴⁹⁰. В числе мер, направленных к этому, наряду с «собираанием сведений порядком административным», конкурсные задачи ученого комитета рассматривались как наиболее действенное средство в достижении поставленных целей⁴⁹¹.

Уже в декабре 1838 г., т. е. спустя менее года после своего учреждения, Ученый комитет МГИ проводит специальное заседание, посвященное составлению программы, «коею должны быть приглашаемы хозяева и ученые для разрешения избранных комитетом задач»⁴⁹².

Программа первого конкурса включала в себя пять вопросов: — усовершенствование луговодства, как в «ботаническом отношении», так и механических средств уборки трав;

— выявление наиболее удобоисполнимого способа «сделать удобнейшими для хлебопашества солонковатые земли»;

— добывание воды в южной и юго-восточной частях Европейской России;

— способы изготовления топлива из торфа;

— поиски залежей каменного угля⁴⁹³.

Пятая задача, предложенная к конкурсу членом-корреспондентом комитета А. П. Заблоцким-Десятовским, строго говоря, выходила за рамки сельскохозяйственной тематики и отвечала скорее потребностям развивающейся промышленности. Действительно, в условиях России первой половины XIX в. эти проблемы составляли, и продолжали составлять и много позже, «камень преткновения» в развитии сельскохозяйственного производства.

Для поощрения победителей конкурса члены комитета предложили учредить специальные медали. Решение этого вопроса затянулось до конца 1840 г. В итоге по представлению ученого комитета первоначально отпущенная для поощрения лучших конкурсных работ сумма в 857 руб. серебром была увеличена, а денежные премии были заменены медалями. Были учреждены большая и малая золотые и серебряная медали с надписями: «За полезные труды» и «От Ученого Комитета Министерства Государственных Имуществ». Большая золотая медаль имела стоимость 150 червонцев, малая — 50. Представляя это решение, министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев особо отмечал, что медали ученого комитета будут выдаваться по примеру Вольного экономического общества⁴⁹⁴.

Первый из конкурсов Ученого комитета МГИ был объявлен в 1841 г. в составе первых трех вопросов программы, разработанной в 1838 г., и стал наиболее представительным по числу участников. По итогам рассмотрения рукописей было присуждено 7 медалей: две большие и две малые золотые и три серебряных. Работы, удостоенные высших наград, были изданы отдельной книгой⁴⁹⁵.

Казалось бы, столь удачное начало конкурсов Ученого комитета МГИ должно было повлечь за собой столь же продуктивное продолжение этой работы. Как надеялись организаторы, с объявлением конкурсов будет открыта «возможность людям практическим, обнимающим дело с разных сторон или долговременной опытностью изучившим местные условия известного края, сообщать свои знания и мысли правительству, а через то и всем, принимающим участие в успехах сельского хозяйства»⁴⁹⁶.

Однако результаты последующих конкурсов, как с точки зрения общего количества участников, присылавших ответы на кон-

курсные вопросы, так и с точки зрения качества полученных материалов, дают иную картину. В нижеприведенной таблице представлены некоторые количественные параметры, которыми характеризуются конкурсы Ученого комитета МГИ за период с 1841 по 1853 гг., в течение которого деятельность комитета в данном направлении была наиболее активна.

Основные количественные показатели конкурсов
Ученого комитета МГИ в 1841 — 1853 гг.⁴⁹⁷

Количество и состав участников	1841	1844	1846	1847	1848	1849	1851	1853	Всего
Количество поданных рукописей	84	49	52	27	32	10	15	12	281
Отмечено наградами и поощрениями	17	16	16	17	1	5	3	4	79
Из них:									
а) Ученые, преподаватели учебных заведений	5	2	3	3	-	-	2	-	15
б) Помещики	6	1	5	7	-	1	1	-	21
в) Чиновники, состоящие в классных чинах, офицеры	3	8	4	5	-	2	-	2	24
г) Мещане, купцы	1	2	1	-	-	-	-	-	4
д) Крестьяне, казаки	-	3	2	-	-	-	-	1	6
е) Прочие	2	2	1	2	1	2	-	1	11
В том числе члены-корреспонденты УК МГИ	3	2	-	-	-	-	-	-	5

В таблице, помимо общего количества принявших участие в конкурсах, приведены данные о социальном составе награжденных медалями ученого комитета или получивших одобрение присланных рукописей.

Разбивка по графам, отражающим социальную принадлежность, носит вынужденно формальный характер, что связано с особенностями сохранившихся данных в источниках. Так, графа «в» — чиновники, состоящие в классных чинах, офицеры — естественно, может включать в себя и известное количество помещиков — графа «б», но поскольку точных данных об имуще-

твенном положении этой категории награжденных мы не имеем, то эти группы, пришлось разнести по формальному признаку. В графу «е» — прочие — вошли иностранные подданные (1846 и 1847 г.), единственная женщина, принимавшая участие в конкурсах комитета, — М. Ф. Голембиовская, жена чиновника, получившая в 1848 г. малую золотую медаль за рукопись книги для крестьянского чтения, и два священника (1849 г.). Последняя социальная категория встречена только один раз, поэтому также включена в графу «прочие». Социальная принадлежность остальных участников неясна.

Итак, начиная с 1844 г. количество участников, приславших ответы на конкурсные задачи, неуклонно падает. Особенно явно эта тенденция обозначилась с 1847 г., когда число поступивших в ученый комитет рукописей снизилось почти вдвое по сравнению с предшествующим конкурсом 1846 г. Количество награжденных и отмеченных по итогам рассмотрения рукописей вплоть до того же 1847 г. относительно стабильно (16 — 17), но затем стремительно уменьшается. Создается впечатление, что столь большое количество награжденных и отмеченных почетными отзывами работ, — а это более половины в составе поданных рукописей, — было вызвано не только и не столько их высоким качеством, сколько, возможно, стремлением поддержать активность корреспондентов ученого комитета.

Весьма интересно вырисовывается и «социальный портрет» конкурсантов. Наиболее стабильно награды получали помещики и представители чиновничества. Их доля в составе награжденных составляла около 50%, а в некоторые годы, как, например, в 1847 и 1849 гг. — более половины. Данное обстоятельство вряд ли требует особого комментария. Именно землевладельцы, точнее, те из них, кто был ориентирован на внедрение прогрессивных методов хозяйствования, проявляли интерес к новациям в сельскохозяйственной науке. Для чиновничества участие и тем более победа в конкурсе и получение почетной медали ученого комитета становились возможной предпосылкой дальнейшего карьерного роста.

Симптоматичными представляются данные об участии в конкурсах ученых, преподавателей и членов-корреспондентов Ученого комитета МГИ. Именно эти категории участников были потенциально наиболее подготовлены для разработки серьезных материалов по конкурсным задачам. Со второй половины 40-х гг. они перестают принимать в конкурсах сколь-нибудь заметное участие. Лишь в 1851 г. наград были удостоены рукописи двух преподава-

телей сельского хозяйства духовных семинарий. Члены-корреспонденты Ученого комитета МГИ после 1844 г. также отсутствуют в числе лауреатов конкурсов.

Таким образом, из состава участников фактически выходят наиболее квалифицированные представители профессиональной науки, а цели, поставленные организаторами конкурсов в части привлечения лиц «наиболее опытных», оказываются реализованными далеко не в полной мере.

Интересным фактом является успешное участие в конкурсах представителей крестьянства. В 1844, 1846 и 1853 гг. награды и поощрения присуждались крепостным крестьянам. Наиболее существенная из них — малая золотая медаль Ученого комитета МГИ, которой был удостоен в 1853 г. крепостной Александр Никольский за хозяйственно-статистическое описание Балашевского уезда Саратовской губернии⁴⁹⁸. В этих фактах наглядно проявились те демократические принципы, которые были заложены в условиях экспертизы и подведения итогов конкурсов. В результате наиболее значимые и талантливые работы, вне зависимости от социальной принадлежности их авторов, удостоивались наград.

Итак, данные анализа итогов конкурсов Ученого комитета МГИ на протяжении 1841 — 1853 гг. фиксируют определенные тенденции в изменении как общего числа, так и состава участников. Выявление причин этих изменений возможно с учетом суммы обстоятельств, в которых проводились конкурсы. Существенную помощь здесь оказывает обращение к тематике конкурсных задач, предлагавшихся в период 40-х — начала 50-х гг. XIX в.⁴⁹⁹

Как уже отмечалось выше, на конкурс 1841 — 1842 гг. было вынесено три задачи: о средствах к усовершенствованию луговодства, о способах добывания воды в степных местах южной и юго-восточной России и о средствах использования для хлебопашества солонцеватых земель.

На конкурс 1844 г. были выдвинуты также три задачи. Первая — «о причинах экономических и нравственных», препятствующих развитию хозяйства крестьян-земледельцев. Здесь же требовалось составить «краткое, но точное наставление, заключающее в себе основные правила земледелия, доступные понятиям и средствам крестьян». Таким образом, ответ на первый, достаточно провокационный в условиях крепостнической России вопрос уже угадывался и должен был быть выдержан, во всяком случае, в рамках политической лояльности. Оставшиеся два вопроса были посвящены поиску средств к улучшению породы крестьянских лошадей и увеличению поголовья крупного рогатого

скота. Последняя задача, как не решенная удовлетворительно, была повторена на конкурсе 1846 г.

Конкурс 1846 г. помимо указанной задачи включал еще две: «составить описание сельских промыслов известного края» и «написать рассуждение о крестьянских постройках, дешевых, прочных и наиболее безопасных от огня». Как мы увидим далее, описания — статистические, экономические — станут одной из ведущих тем в конкурсных задачах ученого комитета.

Конкурсные задачи 1847 г. — а именно этот год, как выявил анализ таблицы, обозначил резкий спад всех количественных показателей конкурсов — фактически повторили задачи 1846 и 1844 гг.: описания сельских промыслов, руководство по уходу за рогатым скотом и общее руководство по ведению крестьянского хозяйства. И вновь лишь по последней из предложенных задач были получены материалы, правда, на немецком языке, которые были сочтены полностью удовлетворительными и отмечены большой золотой медалью.

Попыткой выхода из сложившегося положения стало сокращение количества конкурсных задач. Начиная с 1848 г. Ученый комитет МГИ объявляет, как правило, к конкурсу лишь одно задание: в 1848 г. — «сочинение простонародных книг»; 1849 г. — хозяйственно-статистические описания губерний и уездов; в 1851 г. — руководство по садоводству и огородничеству для крестьянских хозяйств; в 1853 г. — повторение задачи о хозяйственно-статистических описаниях и т. д.

Начиная с 1853 г. конкурсы ученого комитета приобретают иной характер: сроки конкурсов по тем или иным задачам назначаются или индивидуально, до нескольких лет, или вплоть до получения удовлетворительного решения. Меняется и система поощрения: помимо медалей назначаются в ряде случаев премии, комитет принимает на себя обязательства опубликовать книгу определенным тиражом и т. д.⁵⁰⁰ Все эти изменения явились объективным итогом накопленного в течение первого десятилетия работы опыта.

Развитие тематики конкурсных задач за рассматриваемый период наглядно иллюстрирует усиливающееся влияние интересов собственно ведомства как бюрократической структуры, которые реализовались зачастую в ущерб науке, пусть даже ведомственно-ориентированной в своих прикладных разработках.

Как и некоторые другие центральные административные органы (Министерства внутренних дел и финансов), МГИ было тесно связано с управлением народным хозяйством, процессами, проте-

кающими на обширных территориях империи. Оно остро нуждалось в совершенствовании системы сбора информации. Традиционные «административные» способы, опирающиеся на управленческую вертикаль, не могли обеспечить правительственный аппарат информацией необходимого качества. Итогом стали неоднократные повторения конкурсных задач по хозяйственно-статистическому описанию губерний и уездов. Присылаемые материалы позволяли как получать требуемые сведения, так и отбирать описания наиболее удачные по форме, совершенствуя систему отчетности и инструкций для чиновников министерства, направляемых для «обозрения» губерний.

Значительное влияние на тематику проводившихся конкурсов в 40-х — начале 50-х гг. оказывала главная задача министерства — реформа управления и обустройство быта государственных крестьян. Это направление — патронаж и просветительские программы, адресованные крестьянству, — было сохранено и в пореформенный период. Ученый комитет регулярно проводил конкурсы на написание учебников, руководств и тому подобной литературы для крестьянского хозяйства и быта. В 1856 г. «в память управления Министерством государственных имуществ гр. П. Д. Киселевым» была учреждена премия, «состоящая из золотой медали», которая присуждалась в награду за сочинения по крестьянскому быту⁵⁰¹.

В 1858 г. объявляется конкурс на написание учебника естественных наук для земледельческих сельских училищ. В качестве награды победителю предполагалась большая золотая медаль в 300 руб. и денежная премия — 2 тыс. руб. серебром⁵⁰².

При всей реальной важности и значимости вышеперечисленных задач концентрация усилий участников конкурсов на этих направлениях не могла не сказаться на их составе и количестве, исключив из числа потенциальных авторов целые категории участников. И в первую очередь, большинство профессиональных ученых и преподавателей высшей школы. Немногие из них располагали данными о состоянии сельского хозяйства в провинции, и далеко не все имели склонность к популяризации научных знаний. В конечном счете крен в конкурсной тематике в сторону сугубо утилитарных задач входил в противоречие с обозначенными положениями о конкурсах Ученого комитета МГИ. Эти тенденции и нашли свое отражение в таблице, раскрывающей состав и численность участников конкурсов.

Таким образом, конкурсы ученых комитетов как одно из направлений их деятельности в целом сыграли неоднозначную роль. Опыт Ученого комитета МГИ свидетельствует, что, усилив

информационно-аналитические возможности ведомства, конкурсы тем не менее не смогли решить своей главной задачи: обеспечить действенное участие науки в решении актуальных проблем сельского хозяйства. С течением времени эта задача все более и более уходила на второй план, заслоняясь иными, неизбежными в бюрократической системе резонами. Отход от первоначальных идей конкурсов предопределил и постепенное их затухание в «массовой» форме.

Отметим, что наряду с Ученым комитетом МГИ конкурсные задачи по сельскохозяйственной и близкой к ней тематике в исследуемый период продолжало практиковать и Вольное экономическое общество. Наиболее активная его деятельность в этом направлении приходится на конец XVIII — первую треть XIX столетия. Всего с 1765 г. по 1865 г. ВЭО было объявлено 243 конкурсные задачи⁵⁰³. Начиная с 30-х гг. количество организуемых ВЭО конкурсов сокращается. Если в 1832 и 1833 гг. было объявлено соответственно 6 и 8 конкурсных задач, то за 1838 — 1853 гг. (время наибольшей активности Ученого комитета МГИ по проведению конкурсов) ВЭО объявило лишь 8 конкурсных заданий, т. е. в среднем одно за два года⁵⁰⁴. Тематика их в этот период, в сравнении с конкурсами, проводившимися МГИ, в значительно большей степени соответствовала научным и техническим запросам сельского хозяйства России.

Спектр контактов ученых комитетов и научных обществ в первой половине XIX в. был неширок. Как форма организации науки, научные общества развернули свою деятельность лишь в пореформенную эпоху. Тем не менее в 1840 — 1850-е гг. количество научных контактов между научно-вспомогательными подразделениями министерств и обществами увеличивается, обозначая новые перспективные линии научного взаимодействия.

Истории научных обществ — Вольного экономического (ВЭО), Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), Русского географического (РГО) — посвящена обширная историография⁵⁰⁵. Рассмотрим, как складывались в изучаемый период отношения органов государственной власти и конкретно ученых комитетов министерств с негосударственными научными организациями, каковыми являлись научные общества.

Следует отметить, что в условиях России XIX в., государства с устоявшимися традициями жесткого социально-политического регулирования, легальное существование структур, дистанцированных от власти, было вряд ли возможно. Автономность обществ опиралась на достаточно узкий сектор либеральных

свобод, дарованных неподатным сословиям, и правовые ценности, которые с трудом укоренились в российском обществе в первой половине XIX в. В целом резкое противопоставление научных обществ государственным структурам применительно к условиям, существовавшим и в первой, и в значительной степени во второй половине XIX в., является скорее тенденцией отдельных исторических сочинений, нежели исторической реальностью. Вопрос этот, несомненно, заслуживает дальнейшей углубленной научной разработки, свободной от стереотипов и штампов.

Государство пристально контролировало самодеятельные организации на всех этапах их создания, существования и деятельности. Государственный надзор и управление научными организациями, научными обществами в том числе, был сосредоточен в Министерстве народного просвещения. Контроль в реалиях имперской власти тесно смыкался и переплетался с патронажем и опекой.

Данные о развитии науки и ее организационных форм, причем не только в России, но и в Европе XVIII — XIX вв. в целом, свидетельствуют, что патронаж, как частных лиц, так и государственных структур, играл ведущую роль в развитии институтов науки и ее отдельных направлений⁵⁰⁶. В социальной истории российской науки вопрос о соотношениях разных форм патронажа лишь начинает исследоваться, и модель, предложенная Д. А. Александровым: «патронаж аристократов, и приходящий на смену патронаж ассоциаций, наконец, патронаж государства»⁵⁰⁷, представляется несколько схематичной и преждевременной по отношению к конкретно-историческому материалу.

Для крупных научных обществ, бюджеты которых были сопоставимы с бюджетами государственных учреждений, государственное субсидирование являлась ведущим источником средств для выполнения конкретных научных программ, а зачастую и для поддержания их существования. Наглядным подтверждением этого являются конкретные шаги правительства по поддержке ведущих научных обществ в первой половине XIX столетия.

Уже в начале XIX в. (в 1801 г.) Александр I устанавливает ежегодную субсидию для ВЭО в размере 5 тыс. руб. ежегодно. Кроме того, обществу было пожаловано для опытов место на Петровском острове в Санкт-Петербурге, а в 1803 г. высочайшим повелением объявлено, что «впредь на почтах от членов и корреспондентов общества принимать письма, сочинения и отправляемые в общество посылки до 1 пуда безденежно»⁵⁰⁸. При учреждении Московского общества сельского хозяйства в 1818 г. ему

единовременно было пожаловано 10 тыс. руб., пустошь в 170 десятин и льготы по почтовым пересылкам, аналогичные предоставленным ВЭО⁵⁰⁹. К 1845 г. сельскохозяйственные общества ежегодно получали 32 426 руб. (ВЭО — 16 999 руб., МОСХ — 13 999 руб., Общество сельского хозяйства Юга России — 1428 руб.)⁵¹⁰.

Значительные субсидии получало на начальных этапах своего существования и учрежденное в 1845 г. Русское географическое общество.

Столь тесные финансовые связи научных обществ и государственной власти не могли не обусловить и соответствующего «встречного движения». Оно проявлялось в выполнении обществами конкретных прикладных задач в интересах государственного управления. В известном смысле имело место определенное «огосударствление» научных обществ, когда они рассматривались правительственными чиновниками как некие «приложения» к государственному аппарату.

Раньше всего эти тенденции коснулись штатных сотрудников обществ. На протяжении первой половины XIX в. устанавливаются правила службы «по ученым обществам». Высочайше утвержденными уставами обществ лицам, служащим в них, предоставлялось право государственной службы. С течением времени их круг расширялся, включая и некоторые выборные должности. Так, в 1849 г. права действительной службы были предоставлены секретарям ученых сельскохозяйственных обществ⁵¹¹.

Двойственное положение научных обществ наглядно характеризуется прецедентом, когда потребовалось специальное разъяснение Государственного совета о том, что общества сельского хозяйства освобождаются от подотчетности Государственному контролю в расходуемых ими (обществами) суммах⁵¹².

Весьма интересными данными, подтверждающими тезис о тесных связях, существовавших между научными обществами и научно-вспомогательными учреждениями, являются сведения о членах-учредителях и руководителях крупнейших российских научных обществ, существовавших в первой половине XIX в.

В 1845 г. образовалось Русское географическое общество. По данным П. П. Семенова-Тян-Шанского, идею о создании общества высказали Ф. П. Литке и К. И. Арсеньев⁵¹³. Первый в 1846 г. возглавил Морской ученый комитет, второй являлся руководителем Статистического отделения при Совете МВД. В составе членов-учредителей общества — Ф. П. Врангель, Г. П. Гельмерсен, П. И. Кеппен, И. Ф. Крузенштерн, П. И. Рикорд, В. Ф. Одоевский. Все эти ученые были действительными (и активными)

членами ученых комитетов Морского министерства и Министерства государственных имуществ, некоторые из них в разные годы возглавляли эти подразделения. Таким образом, 8 из 17 членов-учредителей, т. е. фактически половина, были теснейшим образом связаны с учеными комитетами министерств.

Широко были представлены члены ученых комитетов министерств и в составе Вольного экономического общества. В первой половине XIX в. его членами состояли И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Литке, А. П. Заблоцкий-Десятовский и многие другие. Таким образом, значительное число членов ученых комитетов принимали участие в создании научных обществ и активно сотрудничали с ними. Это дополнительно подтверждает уже отмеченную тенденцию. В чем она проявлялась?

Во-первых, научная элита оказывалась одинаково востребованной как властью, особенно той частью правящей элиты, которая была ориентирована на прогрессивное изменение существовавших в России условий, так и коллегами по цеху науки. Положение члена ученого комитета, открывающий доступ в коридоры власти создавали, без сомнения, дополнительные возможности для лидерства в научном сообществе.

Во-вторых, члены научно-вспомогательных подразделений министерств реально оценивали ограничения, существовавшие в статусе ученых комитетов, прекрасно сознавали условия, в которых протекала их деятельность. Е. В. Соболева справедливо отмечает, что ученые стремились вести исследования за пределами «казенных мест», поскольку не были удовлетворены условиями, существовавшими в госучреждениях⁵¹⁴. В итоге они стремились к развитию сектора науки, наименее стиснутого административным регулированием, где более свободно могла быть организована совместная работа широкого круга ученых, техников, представителей делового мира и правительственной администрации. Таким образом, роль ряда крупных столичных научных обществ оказывалась более сложной и многогранной, чем фиксировалось в их уставах.

Ведущие ученые, входившие в состав комитетов, в громадном большинстве своем отличались выраженной гражданской позицией. Их деятельность на пересечении научной и административной работы сама по себе являлась способом поставить науку на службу России, ее народу. Участвуя в силу статусного положения в решении вопросов организации науки, они стремились к целесообразному разделению функций между отдельными научными структурами.

В этом плане показательной является формулировка задач

РГО, в том виде, как она была обозначена Ф. П. Литке при открытии общества 6 октября 1845 г.: «Географическое общество есть как бы распространение Академии для некоторой самостоятельной цели»⁵¹⁵. Ф. П. Литке, таким образом, своеобразно проводит грань между универсальным по спектру направлений и государственным по ведомственной принадлежности научным сообществом — академией — и специализированным и самостоятельным научным обществом.

Спустя менее чем год, в апреле 1846 г., Литке представил на высочайшее рассмотрение проект преобразования Морского учебного комитета, в котором была четко определена роль вспомогательного научного учреждения — это анализ всей суммы научно-технических новшеств, относящихся к ведомству, «из коих все требуют рассмотрения и обсуждения, чтобы отличить полезное от неосновательного»⁵¹⁶.

Таким образом, руководители научно-вспомогательных подразделений министерств целенаправленно принимали участие в создании системы национальных научных обществ, усматривая в них одно из средств реализации наукой своей социальной роли. Характерно, что уставы практически всех российских научных обществ XIX в. в формулировке своих целей и задач исходят из примата общественной и государственной пользы создающегося научного объединения⁵¹⁷.

Научные общества и правительственные учреждения, в первую очередь в лице своих научно-вспомогательных подразделений, были связаны разнообразными линиями и механизмами взаимодействия. Не рассматривая в рамках нашего исследования политику Министерства народного просвещения в отношении научных обществ, ограничимся комплексом связей, устанавливавшихся между обществами и профильными научно-вспомогательными подразделениями министерств.

В целом спектр таких взаимодействий можно свести к нескольким основным направлениям:

- привлечение научных обществ к выполнению программ в интересах государственного управления и развития национальной экономики путем целевого финансирования конкретных направлений их деятельности;
- контроль и обобщение результатов работы научных обществ посредством законодательно закрепленных механизмов надзора за их деятельностью. Данное направление, как правило, сопровождалось нецелевой финансовой и другой поддержкой обществ;
- инициирование создания и последующая поддержка науч-

ных обществ, использующихся как средство реализации конкретных направлений правительственной политики;

— наконец, трудно формализуемым, но важным каналом взаимодействия являлся комплекс неформальных связей обществ и научно-вспомогательных подразделений, обеспечивавшийся практическим участием в деятельности обществ представителей ученых комитетов министерств, т. е. членством, а нередко и руководством обществами.

Первый из выделенных типов взаимодействия достаточно явно просматривается на примере крупнейших научных обществ: Вольного экономического и Русского географического.

Старейшее из российских научных обществ, Вольное экономическое, в первой половине XIX в. сумело существенно активизировать свою деятельность. Успехи были достигнуты во многом благодаря деятельному руководству Н. С. Мордвинова — президента общества, который возглавлял его на протяжении 1823 — 1840 гг. Заметим, что при вступлении на президентский пост Мордвинову было уже 69 лет. Поистине удивительна энергия этого человека!

В 1826 г. общество взяло на себя чрезвычайно важную и трудную в условиях крепостнической России работу по оспопрививанию. С 1824 по 1845 г. оспа была привита 41 млн. грудных детей. ВЗО от лица правительства награждало фельдшеров и организаторов прививания оспы специальными медалями⁵¹⁸. Правительство в качестве субсидии выделило первоначально по 1 тыс. руб. из земских повинностей в течение 10 лет, затем они были заменены иными источниками финансирования⁵¹⁹.

В 1833 г. по ходатайству Н. С. Мордвинова было возбужден вопрос «об усилении способов Вольного экономического общества». В записке, поданной на имя Николая I, Мордвинов испрашивал 78 тыс. руб. на изыскание способов усовершенствования земледелия в России. Решение вопроса затянулось. Тем не менее ВЗО было выделено 20 тыс. руб. «на посылку молодых людей в чужие края»⁵²⁰.

Наряду с участием научных обществ в реализации отдельных направлений правительственной политики широчайшим полем их деятельности являлась работа по выявлению прикладных аспектов использования научного знания и тесно связанная с ней — по пропаганде передовых приемов производства и хозяйствования. В деятельности сельскохозяйственных обществ эти аспекты являлись первоочередными.

С созданием Министерства государственных имуществ в центральных органах государственного управления фактически начи-

нает оформляться двухуровневая система контроля над деятельностью научных обществ. При сохранении руководства большинством из них со стороны Министерства народного просвещения, вновь создаваемые «отраслевые» общества оказывались в подчинении профильного министерства. МГИ было куратором крупнейшей по численности группы научных обществ — сельскохозяйственных. Помимо данного ведомства контроль осуществляли Министерство финансов и некоторые другие центральные органы, но в несравненно меньших масштабах.

В «Наказе» министру государственных имуществ (ст. 56 и 57) ему вменялась обязанность «организации сельскохозяйственных обществ и содействия этим обществам в достижении их целей»⁵²¹. Непосредственное руководство «агрономическими и лесными обществами» существовало Первым отделением Третьего департамента и состоящим при департаменте ученым комитетом⁵²². Учрежденный комитет министерства поддерживал тесные связи с существовавшими сельскохозяйственными обществами: ВЭО, МОСХ, Обществом сельского хозяйства Юга России. На страницах ведомственного органа — «Журнала Министерства государственных имуществ» — регулярно появлялись обзоры деятельности обществ, публиковались статьи, присылаемые их членами.

В конце 40-х и в 50-е гг. XIX в. МГИ предпринимает первые попытки использования потенциала сельскохозяйственных обществ для решения ведомственных задач. Так, в 1845 — 1852 гг. ВЭО принимало участие в программе правительства по собиранию статистических сведений о сельском хозяйстве страны. В 1851 г. по предложению Министерства государственных имуществ ВЭО через своих членов и корреспондентов осуществило сбор данных «о действительных нуждах» сельского хозяйства в различных регионах России⁵²³.

Третье из выделенных направлений правительственной политики, включавшей научные общества в орбиту деятельности вспомогательных научных подразделений министерств, — инициирование создания обществ — не было широко распространено в практике деятельности центральных административных органов. Тем не менее о нем следует упомянуть не только «для полноты картины», но и потому, что в нем достаточно ярко проявился бюрократический взгляд на общественные объединения и их назначение. Правительство неоднократно предпринимало прямые шаги к созданию «ученых обществ», призванных способствовать решению государственных задач. Выше мы уже говорили о попытках учреждения таких обществ на горных заводах и в горнозаводских округах.

Типичным примером подобного мероприятия, осуществленного Министерством финансов, была попытка учреждения в 1832 г. Общества для поощрения лесного хозяйства в Санкт-Петербурге. Целью общества являлось «обращать внимание публики, особенно лесовладельцев, на крайнюю необходимость заниматься без отлагательства важным предметом сбережения лесов»⁵²⁴. Общество в соответствии с § 5 его устава находилось под покровительством императора, получало ежегодную субсидию в размере 12 тыс. руб. в год и помещение в здании Министерства финансов⁵²⁵.

При создании обществ по государственной инициативе требовались большие финансовые затраты на их поддержку, что, как правило, не приносило сколь-нибудь масштабных результатов. Последнее вполне логично, поскольку при таком подходе они превращались фактически в бюрократические учреждения, лишённые инициативы и целиком субсидировавшиеся бюджетом. Обществом для поощрения лесного хозяйства был налажен выпуск «Лесного журнала», издано несколько руководств по правильному ведению лесного хозяйства. Однако привлечь сколь-нибудь заметное число лесовладельцев обществу не удалось, и в 1845 г. оно было присоединено к ВЭО на правах отделения⁵²⁶. Условия для возникновения и результативной деятельности подобного общества созрели лишь четверть века спустя, и Лесное общество было воссоздано в 1871 г., но уже в качестве самостоятельного общественно-научного объединения⁵²⁷.

Таким образом, деятельность ученых комитетов тесно переплеталась с работой других учреждений национальной структуры организации науки. На практике имело место единое пространство науки, где межведомственные перегородки были более чем проницаемы. По мере развития структуры научных организаций усложнялись и связи, существовавшие между ними. С ростом научного потенциала, опытно-экспериментальной базы происходило постоянное перераспределение функций между отдельными секторами организации науки.

Значительную роль в выполнении учеными комитетами и советами их функциональных обязанностей играли обширные связи их членов, обеспечивавшиеся тесными контактами научно-вспомогательных подразделений министерств с Академией наук, учебными заведениями, научными обществами. Реальный потенциал научно-вспомогательных структур министерств и ведомств существенно усиливался благодаря тесному взаимодействию с вузовской наукой, научными обществами.

Ученые комитеты и советы министерств и ведомств сыграли

свою роль в ходе становления структуры научных учреждений в первой половине XIX в., выступив своеобразными точками кристаллизации прикладных направлений в целом ряде отраслей научного и технического знания. В условиях дореформенной России именно эти подразделения в силу стоявших перед ними специфических задач налаживали по мере возможностей научные контакты между академическими учеными, вузовской наукой и более широкими слоями формирующейся научно-технической интеллигенции, в том числе и в крупных провинциальных центрах. Этому способствовали как усилия по созданию корреспондентских сетей, так и различные формы работы научно-вспомогательных подразделений, в том числе конкурсы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание ведомственной вспомогательной науки в России обозначило не только новый этап в развитии системы государственного управления, но и новый уровень взаимодействия научного знания и социальных институтов российского общества. Изменение социального статуса науки произошло не столько в результате качественных подвижек в системе производства, экономики, социально-политического устройства российского государства, сколько в силу осознания правящей элитой необходимости подобного синтеза, в первую очередь для обеспечения державных амбиций и роли Российской империи в Европе. В этом заключается одна из важнейших особенностей процесса становления системы вспомогательных научных подразделений. Здесь же коренится обоснование целей и задач, которые ставились перед учеными комитетами и советами. Вторым фактором, повлиявшим на изменение роли науки в обществе, стал мощный импульс идей эпохи российского Просвещения, который не только обеспечил создание соответствующих подразделений, но в значительной степени и поддерживал существование науки в министерской структуре на протяжении исследуемого периода.

Ученые комитеты и советы как форма организационного устройства ведомственной вспомогательной науки являлись в момент их создания в 10 — 20-е гг. XIX в. средством преодоления слабости, неразвитости национальной системы организации науки и образования. Перенесение в сферу министерского управления принципов научной корпорации порождало своеобразный синтез форм и методов участия науки в государственном управлении.

Развитие министерских ученых подразделений в первой половине XIX в. подчинялось одновременно нескольким противоречивым тенденциям, что обусловило неоднозначность его результатов. Россия 1800 — 1850-х гг. оставалась абсолютистским государством с архаичной крепостнической экономикой, вялыми темпами промышленного и аграрного роста. При этом уровне развития объективная потребность в научном знании была невелика. Как следствие, в деятельности ведомственных научных подразделений осуществление просвещенного патронажа над опекаемыми отраслями экономики превалировало над решением насущных задач, выдвигаемых самостоятельным развитием промышленности и сельского хозяйства.

Существенной проблемой развития не только науки, но и

общества в целом, очевидно сдерживавшей реализацию стремлений просвещенной бюрократии к соединению науки с государственным управлением, внедрению научных достижений в народное хозяйство, была консервация базовых социально-политических конструкций, ставших архаичными сословных рамок и принципов отношений власти и общества. Тотальная идея слепой исполнительности, сдерживание инициативы, отсутствие форм социальной самоорганизации не позволили ведомственной науке в первую половину XIX в. выйти за рамки центрального министерского управления, привлечь к своей деятельности силы провинции.

В конце 30-х — 50-е гг. XIX в. ряд ученых комитетов министерств оказываются вовлечены в русло формирования концепции правительственного либерализма, подготовки назревших преобразований. В составе ученых комитетов — в первую очередь Министерств государственных имуществ, Морского министерства, редакционных коллективах ведомственных периодических изданий («Журнала Министерства внутренних дел», изданий Министерства государственных имуществ) — концентрируются представители чиновничества и ученого мира столицы, примыкающие к неформальным структурам «петербургской партии прогресса» или входящие в них непосредственно. В 40 — 50-е гг. данные, накопленные учеными комитетами, широко используются для обоснования необходимости реформ, а периодические издания ряда ведомственных научно-вспомогательных подразделений вносят свой заметный вклад в формирование общественного мнения.

Потенциал, накопленный ведомственными учеными подразделениями первой половины XIX в., был широко задействован уже во второй половине столетия, в пореформенную эпоху, в существенной мере обеспечив темпы реорганизации национальной экономики, вооруженных сил, развития системы образования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Структура задач (предметы ведения) ученых комитетов и советов министерств в первой половине XIX в.

Подразделения	Научная информация				Учебные заведения и повышение квалификации			Научно-консультативная, экспертная деятельность, координация и руководство научно-техническими работами						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Военно-ученый комитет (по «Положению» 1812 г.)	+	+	+	+	+	+	—	—	—	+	—	+	—	—
Военно-ученый комитет (по «Положению» 1836 г.)	+	+	+	+	+	+	—	—	+	+	—	+	—	—
Военно-медицинский ученый комитет	—	+	+	+	—	—	+	—	—	+	+	—	—	—
Морской ученый комитет (по «Положению» 1827 г.)	+	+	+	+	+	+	—	—	—	+	+	+	—	—
Морской ученый комитет (по «Положению» 1847 г.)	+	+	+	+	—	—	—	—	—	+	+	+	—	—
Статистическое отделение МВД	—	+	—	+	—	—	—	—	+	—	+	+	+	—
Медицинский совет МВД (по «Положению» 1822 г.)	—	+	+	+	—	+	—	—	—	+	+	+	—	—
Медицинский совет МВД (по «Положению» 1841 г.)	—	+	+	+	—	+	—	—	—	+	+	+	—	+

Окончание табл.

Подразделения	Научная информация				Учебные заведения и повышение квалификации			Научно-консультативная, экспертная деятельность, координация и руководство научно-техническими работами						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Ученый комитет МФ	—	—	+	+	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—
Горный ученый комитет (по «Положению» 1825 г.)	+	—	+	+	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—
Горный ученый комитет (по «Положению» 1834 г.)	+	+	+	+	+	—	—	—	+	+	—	+	+	+
Особый ученый комитет по лесной части МФ	—	—	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—
Ученый комитет III Департамента (Департамента сельского хозяйства) МГИ	—	+	+	+	+	—	—	+	—	+	+	—	—	—

Расшифровка значений столбцов 1—14: 1 — издание журналов, записок и т. п.; 2 — рассмотрение книг, переводов и рекомендации их к изданию, цензура специальной литературы; 3 — попечение о распространении научных сведений среди служащих ведомства; 4 — комплектация библиотеки, выбор книг для ведомственных библиотек; 5 — контроль за учебными планами, содержанием и методикой преподавания в ведомственных учебных заведениях; 6 — участие в приеме квалификационных экзаменов; 7 — направление на учебу (за границу), на стажировки и т. п.; 8 — предложение тем конкурсных задач, установление наград за сочинения; 9 — направление научно-технической деятельности подведомственных подразделений; 10 — рассмотрение предложений, изобретений и т. п.; 11 — разработка ведомственных мероприятий, проектов или их экспертиза; 12 — переписка с научными организациями, обществами в империи и за рубежом; 13 — разработка ведомственной статистики; 14 — предварительное рассмотрение уставов научных обществ или контроль за их деятельностью.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Члены-корреспонденты Ученого комитета
Министерства государственных имуществ в 1853 г.

А. Территориальное распределение

Социальная принадлежность	Санкт-Петербург	Москва	Губернии Центра и Юга	Прибалтийские губернии	Новороссия и Малороссия	Север, Урал, Сибирь	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8
Служащие в классных чинах							
III класс	1						1 (1/0)
IV класс	11	3	1(0/1)		2(1/1)		17 (15/2)
V класс	17	1	3(3/0)	2(2/0)	4(2/2)		27 (25/2)
VI класс	3	1	1(1/0)	2(2/0)	1(1/0)		8 (8/0)
VII класс	2		3(1/2)		6(1/5)		11 (4/7)
VIII класс	3	2	1(1/0)		2(0/2)		8 (6/2)
IX класс	2		1(1/0)	1(1/0)	1(1/0)		5 (5/0)
X класс			1(0/1)		2(0/2)		3 (0/3)
XI класс			2(0/2)		1(0/1)		3 (0/3)
XII класс						1(1/0)	1 (1/0)
Помещики			2(0/2)	1(0/1)			3 (0/3)
Мещане, почетные граждане				1(1/0)		1(1/0)	2 (2/0)
Данных нет	3		5(2/3)	5(4/1)	5(2/3)	1(0/1)	19 (11/8)
Итого	42	7	20	12	24	3	108 (78/30)

В графах 4—8 даны дополнительные количественные показатели в виде дробных значений: в числителе — члены-корреспонденты, живущие в губернских городах, в знаменателе — в уездных городах и в сельской местности.

**Б. Члены-корреспонденты Ученого комитета МГИ,
имевшие академические звания и ученые степени**

Ученые степени, звания, должности	IV класс	V класс	VI класс	Территориальное размещение								Всего		
				1	2	3	4	5	6	7	8			
Академики СПб. АН	3	3		6										6
Профессора	2	10	1	5	2	1	1	1	1	1	1	1	1	13
Доктора		1		3										3
Магистры				1			1							2
Итого	5	14	1	15	2	1	2	1	1	1	1	1	1	24

В столбцах 1 — 8 указаны данные по следующим столичным и провинциальным центрам: 1 — Санкт-Петербург; 2 — Москва; 3 — Казань; 4 — Гельсинфорс; 5 — Дерпт; 6 — Киев; 7 — Могилевская губерния (Горьковский земледельческий институт); 8 — Харьков.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

**Ведомственные издания
научного, технического и прикладного профиля,
издававшиеся при участии научно-вспомогательных
подразделений министерств**

Издание	1800—1810	1811—1820	1821—1830	1831—1840	1841—1850	1851—1860
Морское министерство						
Морские записки	1					
Записки Адмиралтейского департамента		1	2			
Записки Ученого комитета [Морского штаба]			2	1—2		
Записки Гидрографического [Депо] (Записки по гидрографии ...)				1—3	1	
Морской сборник				12	12	12
Военное министерство						
Артиллерийский журнал	6	6		6	6	6
Военно-медицинский журнал			6	6	6	12
Инженерные записки (с 1857 г. Инженерный журнал)			2	2	2	4
Военный журнал			6	6	6	6
Военный сборник						12
Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений				24	24	24
Записки Военно-топографического [Депо]				1	1	1
Министерство финансов						
Журнал мануфактур и торговли			12	12	12	12
Горный журнал			6	12	12	12
Земледельческая газета (до 1837 г.)				Еже-нед.		

Окончание табл.

Издание	1800— 1810	1811— 1820	1821— 1830	1831— 1840	1841— 1850	1851— 1860
Известия мануфактурные и горнозаводские				Еже- нед.	Еже- нед.	Еже- нед.
Министерство государственных имуществ						
Земледельческая газета (с 1837 г.)				24	24	24
Журнал Министерства государственных имуществ (с 1865 г. Сельское хозяйство и лесоводство)					6—12	12
Министерство внутренних дел						
Журнал Министерства внутренних дел			3	До 12	4—12	12
Архив ветеринарных наук						
Министерство народного просвещения						
Журнал [Департамента] народного просвещения			12	12	12	12
Всего изданий в указанное десятилетие	2	2	7	10	11	9
В том числе издававшихся непосредственно учеными подразделениями	1	3	6	7	7	6

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Министерство внутренних дел: Исторический очерк. СПб., 1901; [Варадинов Н.] История Министерства внутренних дел. Ч. 1—3. СПб., 1858—1862; Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет его существования (1802—1902 гг.). СПб., 1902; Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. I—V. СПб., 1888; Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912 гг.). Пг., 1914; Министерство финансов. 1802—1902. Т. 1—2. СПб., 1902 и др.

² Моисеев А. И. Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПб. 1913; Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Октябрь—декабрь; 1902. Апрель—май.

³ См.: Справочники по истории дореволюционной России / Ред. П. А. Зайончковский. М., 1973.

⁴ См., например: Савельев А. Исторический очерк инженерного управления в России за время царствования императора Николая I. СПб., 1896; Исторические материалы, извлеченные из архива Министерства государственных имуществ. Вып. 1. СПб., 1891 и др.

⁵ Павлова Г. Е. Особенности организации науки в первой половине XIX в. // Очерки истории организации науки в Ленинграде. 1703—1977. Л., 1980. С. 36—65.

⁶ Степанский А. Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987.

⁷ Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990. С. 105—117.

⁸ Там же. С. 106.

⁹ Там же. С. 105—106.

¹⁰ Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.

¹¹ Там же. С. 67—68.

¹² Хартанович М. Ф. Императорская Академия наук в системе государственных и общественных научных учреждений (вторая четверть XIX в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 56—76.

¹³ Там же. С. 56—57.

¹⁴ В их числе следует выделить работы: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Он же.

- Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988 и др.
- ¹⁵ *Днепров Э. Д.* «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России: Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1966; *Китаев В. А.* От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50 — 60-х гг. XIX века. М., 1972; *Секиринский С. С.*, *Филипова Т. А.* Родословная российской свободы. М., 1993 и др.
- ¹⁶ ПСЗ-1. Т. XVI. № 11 964.
- ¹⁷ См.: *Чистович А. Я.* Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870; *Мирский М. Б.* Медицина России XVI — XIX вв. М., 1996 и др.
- ¹⁸ *Мирский М. Б.* Медицинская коллегия: Из истории отечественной медицины XVIII в. // Проблемы социальной гигиены и общественной медицины. 1995. № 2. С. 57.
- ¹⁹ ПСЗ-1. Т. XVI. № 12 179.
- ²⁰ *Мирский М. Б.* Медицинская коллегия... С. 60.
- ²¹ Там же.
- ²² *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России. (1765 — 1917 гг.). М., 1963. С. 15 — 16.
- ²³ Там же. С. 16.
- ²⁴ *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. VI. С. 411 — 413.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Будилович А.* Ломоносов как писатель // Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. СПб., 1871. С. 313 — 314.
- ²⁷ ПСЗ-1. Т. XXI. № 15 562, 15 563.
- ²⁸ Там же. № 15 563.
- ²⁹ *Гудзевич Д. Ю.*, *Гудзевич И. Д.* «Тайна» корпуса гидравликов // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 56 — 59.
- ³⁰ Там же. С. 57.
- ³¹ Там же.
- ³² Министерство финансов. 1802 — 1902. СПб., 1902. Ч. 1. С. 48 — 49.
- ³³ *Фирсов Н. Н.* Александр Первый. Личная характеристика // Былое. 1922. № 23. С. 13 — 14.
- ³⁴ *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; *Мироненко С. В.* Самодержавие

и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989 и др.

- ³⁵ *Сафонов М. М.* Проблема реформ... С. 203.
- ³⁶ Там же. С. 206.
- ³⁷ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20 406.
- ³⁸ Там же. Ст. I — VI. I
- ³⁹ Там же. Ст. XVIII — XIX.
- ⁴⁰ *Корнилов А. А.* Курс русской истории XIX века. М., 1918. Ч. 1. С. 119.
- ⁴¹ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы... С. 52, 54.
- ⁴² ПСЗ-1. Т. XXII. № 16 188.
- ⁴³ См. об этом подробнее: *Титков Е. П.* Образовательная политика Екатерины Великой. М., 1999. С. 246 — 247.
- ⁴⁴ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20 406.
- ⁴⁵ *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 120.
- ⁴⁶ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20 407.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. № 20 597.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. № 20 863.
- ⁵¹ Там же. № 20 597.
- ⁵² *Павлова Г. Е.* Организация науки в России... С. 53.
- ⁵³ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21 498.
- ⁵⁴ Там же. № 21 502.
- ⁵⁵ Там же. Т. XXX. № 23 771.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // Собр. соч. 2-е изд. Л., 1967. С. 51.
- ⁵⁸ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20 406.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. № 20 852.
- ⁶² См.: *Гозулов А. И.* Очерки истории отечественной статистики. М., 1972. С. 54.
- ⁶³ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20 582.
- ⁶⁴ Цит. по: *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России: теория и методология. 1806 — 1917. Пг., 1922. С. 47.
- ⁶⁵ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20 852.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Сперанский М. М.* Проекты и записки. С. 27.
- ⁶⁸ *Мирский М. Б.* Медицина в России XVI — XIX вв. С. 138.
- ⁶⁹ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21 105.
- ⁷⁰ Там же.

- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. Вряд ли можно согласиться с Г. Е. Павловой (см.: *Павлова Г. Е.* Организация науки... С. 107) в том, что таким образом был впервые предложен проект организации Российской Академии медицинских наук. Из приведенного контекста очевидно следует, что речь шла именно об использовании в организации Медицинского совета принципов научной корпорации.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. № 20 506.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 3. М., 1993. С. 552.
- ⁷⁸ Министерство финансов. 1802 — 1902. Ч. 1. С. 155.
- ⁷⁹ *Лоранский А. М.* Краткий очерк административных учреждений Горного ведомства в России. 1700 — 1900. СПб., 1900. С. 63.
- ⁸⁰ ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22 208.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Научно-исторический сборник, изданный Горным институтом ко дню его столетнего юбилея. СПб., 1873. С. 34.
- ⁸⁴ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21 699.
- ⁸⁵ Там же. Т. XXVII. № 20 859.
- ⁸⁶ Там же. Т. XXVIII. № 21 699.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Журнал начал выходить с 1807 г. под названием «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности».
- ⁸⁹ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21 699.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 204.
- ⁹² *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 2. С. 111.
- ⁹³ См.: *Ратч В. Ф.* Сведения о графе А. А. Аракчееве//Военный сборник. 1863. № 5 — 12; *Хмыров М. Д.* Главные начальники русской артиллерии//Артиллерийский журнал. 1866. № 4; *Ячменихин К. М.* Алексей Андреевич Аракчеев//Вопросы истории. 1991. № 12 и др.
- ⁹⁴ См. также: Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 г.//Артиллерийский журнал. 1852. № 4 — 6.
- ⁹⁵ *Герасимова Ю. И.* Архив А. А. Аракчеева//Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1980. С. 60 — 61.

- ⁹⁶ Цит. по: *Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 96.
- ⁹⁷ ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22 708.
- ⁹⁸ Там же. Т. XXXI. № 24 313.
- ⁹⁹ Там же. Т. XXX. № 23 399; О занятиях Артиллерийского комитета и инструкция о проведении экзаменов при производстве в артиллерийские офицеры//Артиллерийский журнал. 1808. № 6. С. 94 — 95.
- ¹⁰⁰ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. С. 209 — 211.
- ¹⁰¹ См.: *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.; *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР конца XVIII — первой четверти XIX в. и др.
- ¹⁰² *Сперанский М. М.* Проекты и записки. С. 143 — 221.
- ¹⁰³ ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24 686.
- ¹⁰⁴ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие... С. 186.
- ¹⁰⁵ ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24 686.
- ¹⁰⁶ Там же. № 24 307.
- ¹⁰⁷ Там же. № 24 688.
- ¹⁰⁸ ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24 680, 24 687, 24 688.
- ¹⁰⁹ Там же. № 24 687. §31 — 34.
- ¹¹⁰ Там же. См. также: *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 7.
- ¹¹¹ ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24 687, §31.
- ¹¹² Там же. № 24 900.
- ¹¹³ Там же. Т. XXXIV. № 27 106.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же, §4.
- ¹¹⁶ В числе профессоров, подвергшихся гонениям, оказались К. Ф. Герман и К. И. Арсеньев — организаторы отечественной административной статистики. См.: *Рождественский С. В.* Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета 19 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Пг., 1919. С. 10.
- ¹¹⁷ *Рождественский С. В.* Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета... С. 30.
- ¹¹⁸ *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1. С. 200 — 202.
- ¹¹⁹ ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24 971.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ *Савельев А.* Исторический очерк инженерного управления в России... С. 7.
- ¹²² ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24 971.
- ¹²³ Там же. Т. XLIII. Приложение к № 24 744.

- ¹²⁴ *Постников А. В.* Федор Федорович Шуберт//Творцы отечественной науки. Географы. М., 1996. С. 119.
- ¹²⁵ ПСЗ-1. Т. XLIII. Приложение к № 24 744.
- ¹²⁶ Там же. Приложение к № 27 715.
- ¹²⁷ Статистический журнал. Т. 1. Ч. 1. СПб. 1806. С. 16.
- ¹²⁸ Цит. по: Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 2.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. С. 3.
- ¹³¹ *Полико Б. Г.* Социально-экономическая статистика дореформенной России: Автореф. дис. ... докт. экон. наук. Л., 1963. С. 10.
- ¹³² ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24 688. § 148.
- ¹³³ Там же. § 149 — 151.
- ¹³⁴ СЗ. Т. 1. Ч. II. Разд. V, § 586.
- ¹³⁵ Там же. § 588.
- ¹³⁶ *Павлова Г. Е.* Организация науки... С. 44.
- ¹³⁷ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы... С. 49.
- ¹³⁸ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 107.
- ¹³⁹ *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796 — 1817)//Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб., 1896. С. 26.
- ¹⁴⁰ *Лебедев Н. А.* Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа. СПб., 1874. С. 160 — 161.
- ¹⁴¹ *Мироненко С. В.* Николай I//Российские самодержцы. М., 1994. С. 98 — 100.
- ¹⁴² *Савельев А.* Исторический очерк инженерного управления в России... С. 17.
- ¹⁴³ Там же. С. 245.
- ¹⁴⁴ Положение о Военно-ученом комитете. СПб., 1836. С. 2 — 4.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 219.
- ¹⁴⁶ ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 27 998.
- ¹⁴⁷ *Максимовский М.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища (1819 — 1869). СПб., 1870. С. 17.
- ¹⁴⁸ ПСЗ-2. Т. XLIII. Приложение к № 27 715.
- ¹⁴⁹ *Кузьминский К.* Очерк развития военной журналистики в России //Война и мир. 1906. № 7. С. 35.
- ¹⁵⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи: В 64 т. Т. 1 — 17. СПб., 1848 — 1854.
- ¹⁵¹ *Савельев А.* Исторический очерк инженерного управления в России... С. 176.

- ¹⁵² Предписание директора Инженерного департамента № 2116 от 24.04.1826 г.//*Савельев А.* Исторический очерк инженерного управления... (Приложение). С. 178.
- ¹⁵³ *Савельев А.* Исторический очерк инженерного управления в России... С. 176.
- ¹⁵⁴ См.: Краткий исторический очерк Технического гальванического заведения. СПб., 1893. С. 22.
- ¹⁵⁵ *Савельев А.* Исторический очерк инженерного управления в России... С. 125.
- ¹⁵⁶ Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за 100 лет его существования. (1798 — 1898). СПб., 1898. С. 102 — 103.
- ¹⁵⁷ *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I... С. 30.
- ¹⁵⁸ *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762 — 1914. М., 1995. С. 153.
- ¹⁵⁹ См.: *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России. М., 1995. С. 27 — 29.
- ¹⁶⁰ *Чичерин Б. Н.* Москва сороковых годов//Русское общество 40 — 50-х годов XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 25 — 26.
- ¹⁶¹ РГИА, ф. 398, оп. 13, д. 4473, л. 9 — 10.
- ¹⁶² ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24 688.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ *Канкрин Франц Людвиг*//Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 5. С. 545 — 546.
- ¹⁶⁵ См.: *Божерянов И. Н.* Граф Канкрин. Литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897.
- ¹⁶⁶ См. подробнее: *Предтеченский А. В.* История основания Мануфактурного совета//Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 5. С. 387.
- ¹⁶⁷ *Попов И. И.* Семидесятипятилетие Горного ученого комитета и «Горного журнала»//Горный журнал. 1900. № 7. С. 2.
- ¹⁶⁸ ПСЗ-1. Т. XL. № 30 423.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ ПСЗ-2. Т. IX. № 6747.
- ¹⁷¹ *Лоранский А. М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства. С. 68.
- ¹⁷² ПСЗ-1. Т. XL. № 30 423.
- ¹⁷³ Г. Е. Павлова относит Мануфактурный совет к числу ученых подразделений (См.: *Павлова Г. Е.* Организация науки... С. 114). По нашему мнению, справедливо говорить лишь о придании этому совету

- некоторых функций, свойственных научно-вспомогательным подразделениям; основные задачи его были иными.
- ¹⁷⁴ Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 252.
- ¹⁷⁵ Празднование столетия Лесного департамента. СПб., 1898. С. 11.
- ¹⁷⁶ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Т. III. Отд. II. С. 23.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ ПСЗ-2. Т. I. № 415.
- ¹⁷⁹ *Лебедев Н. А.* Исторический взгляд на учреждение училищ... С. 134 — 135.
- ¹⁸⁰ РГИА, ф. 398, оп. 6, д. 1586, л. 10 об.
- ¹⁸¹ Там же, л. 11.
- ¹⁸² Министерство финансов. 1802 — 1902. Ч. 1. С. 195.
- ¹⁸³ *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел. С. 10 — 11.
- ¹⁸⁴ ПСЗ-2. Т. III. № 2073.
- ¹⁸⁵ *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел. С. 14.
- ¹⁸⁶ ПСЗ-2. Т. XI. № 9319.
- ¹⁸⁷ ПСЗ-2. Т. XVII. № 15 202.
- ¹⁸⁸ Там же, § 3.
- ¹⁸⁹ Там же, § 4.
- ¹⁹⁰ См.: *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел. С. 17 — 18.
- ¹⁹¹ ПСЗ-2. Т. XVII. № 15 202. § 9, 10.
- ¹⁹² *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 2. Кн. 2. С. 332 — 336.
- ¹⁹³ ПСЗ-2. Т. IX. № 7684.
- ¹⁹⁴ ПСЗ-2. Т. IX. № 7684, 7685.
- ¹⁹⁵ Там же. № 7684, § 2.
- ¹⁹⁶ Там же, § 17.
- ¹⁹⁷ План занятий Статистического отделения при совете Министерства внутренних дел. СПб., 1834.
- ¹⁹⁸ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 83, л. 2 — 4.
- ¹⁹⁹ План занятий... § 1.
- ²⁰⁰ Там же, § 4.18.
- ²⁰¹ А. И. Герцен, принимавший участие в статистических работах в период своей вятской ссылки, писал, что «Министерство [внутренних дел] было тогда в припадке статистики» (*Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1982. Т. 1. С. 222).
- ²⁰² См.: *Янсон Ю. Э.* Теория статистики. 5-е изд. СПб., 1913. С. 150;

- Кауфман А. А.* Статистическая наука в России: теория и методология. 1806 — 1917. С. 43 и др.
- ²⁰³ ПСЗ-2. Т. IX. № 7684. § 3.
- ²⁰⁴ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 104, л. 10, 11, 29 об.
- ²⁰⁵ Дополнение к ПСЗ-2. Ч. 1. № 9103а.
- ²⁰⁶ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 141, л. 2.
- ²⁰⁷ Там же, л. 2 — 3.
- ²⁰⁸ Там же, л. 5.
- ²⁰⁹ Там же, л. 1 — 1 об.
- ²¹⁰ ПСЗ-2. Т. VIII. № 6567.
- ²¹¹ Там же.
- ²¹² *Вешняков В. И.* Высочайше утвержденный Комитет об усовершенствовании земледелия в России//Исторические материалы, извлеченные из архива Министерства государственных имуществ. Вып. 1. СПб., 1891. С. 7 — 22.
- ²¹³ ПСЗ-2. Т. XII. № 10 834.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ РГИА, ф. 382, оп. 9, д. 1, л. 6 — 6 об.
- ²¹⁷ ПСЗ-2. Т. XIX. № 17 636.
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ ПСЗ-2. Т. XVII. № 15 296; Т. XVIII. № 16 538.
- ²²⁰ Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет с 1844 по 1854 г. СПб., 1855. Ч. 1. С. 51.
- ²²¹ Там же. С. 53.
- ²²² Там же. С. 65, 66.
- ²²³ Там же. С. 81 — 85.
- ²²⁴ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. III. Отд. I. С. 52 — 53.
- ²²⁵ Там же. Ч. I. Отд. III. С. 72.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ Процесс выработки концепции транспортного развития России в 20 — 50-е гг. XIX в. и проблемы железнодорожного строительства подробно рассмотрены в монографии Н. С. Киняпиной. См.: *Киняпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20 — 50-е годы XIX в.). М., 1968. С. 150 — 196.
- ²²⁸ Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за 100 лет его существования (1798 — 1898). СПб., 1898. С. 88 — 89.
- ²²⁹ РГИА, ф. 211, оп. 1, д. 1, л. 6 об. — 7 об.
- ²³⁰ Там же.

- ²³¹ Там же.
- ²³² Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения... С. 160.
- ²³³ См.: *Киняпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности... С. 153 — 185.
- ²³⁴ *Бердинских В. А.* Русская провинциальная историография второй половины XIX века. М.; Киров, 1995. С. 21.
- ²³⁵ Министерство финансов. 1802 — 1902. Ч. 1. С. 161.
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ *Попов И. И.* Семидесятипятое Горного ученого комитета... С. 5.
- ²³⁸ ПСЗ-2. Т. IX. № 6685. § 52.
- ²³⁹ См.: *Павлов М. И.* Записки металлурга. М., 1953. С. 43.
- ²⁴⁰ Научно-технические общества СССР: Исторический очерк. М., 1968. С. 76.
- ²⁴¹ *Предтеченский А. В.* История основания Мануфактурного совета. С. 386 — 387.
- ²⁴² ПСЗ-2. Т. III. № 2146.
- ²⁴³ *Киняпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности... С. 210.
- ²⁴⁴ Там же. С. 235.
- ²⁴⁵ ГАНУ, ф. 1398, оп. 1, д. 1.
- ²⁴⁶ *Киняпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности... С. 236.
- ²⁴⁷ Там же. С. 208.
- ²⁴⁸ См.: *Шапиро А.* К вопросу о привилегиях на изобретения в России в 30-х гг. XIX в. // Красный архив. 1939. Т. 5(96). С. 153 — 162.
- ²⁴⁹ ПСЗ-2. Т. IX. № 7684.
- ²⁵⁰ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 80, л. 5 — 6.
- ²⁵¹ Там же, д. 104, л. 28.
- ²⁵² ПСЗ-2. Т. XII. № 10 304. § 86 — 96.
- ²⁵³ См.: *Станько А. И.* Официальная газетная печать в литературно-общественной борьбе 1840-х годов // Ученые записки Горьковского университета. Серия историко-филологическая. Вып. 78. Горький, 1966. С. 66 — 68.
- ²⁵⁴ См.: *Бердинских В. А.* Русская провинциальная историография... С. 42 — 46; *Пошко Б. Г.* Социально-экономическая статистика дореформенной России. С. 17 — 18; *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России... С. 51 и др.
- ²⁵⁵ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 310.
- ²⁵⁶ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 310, л. 64 — 77.
- ²⁵⁷ ПСЗ-2. Т. IX. № 7684. § 27, 28.

- ²⁵⁸ Там же, § 29, 32.
- ²⁵⁹ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 310, л. 64 — 64об.
- ²⁶⁰ Там же, л. 65.
- ²⁶¹ ПСЗ-2. Т. XVIII. № 17 302.
- ²⁶² РГИА, ф. 1290, оп. 3, д. 158, л. 2об — 3.
- ²⁶³ Там же, л. 2 — 18об.
- ²⁶⁴ Там же, л. 4об, 18об.
- ²⁶⁵ Там же, л. 19об.
- ²⁶⁶ Там же, оп. 1, д. 174, л. 10об.
- ²⁶⁷ Там же, д. 171, л. 1 — 6.
- ²⁶⁸ Первое установленное издание в 1845 г. См.: Памятные книжки губерний и областей Российской империи. СПб., 1994. С. 52.
- ²⁶⁹ *Янчук Н. А. К.* Киркор: Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1888. С. 5.
- ²⁷⁰ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 201, л. 1 — 4.
- ²⁷¹ Там же, л. 13 — 14.
- ²⁷² См. данные об изданиях губернских статистических комитетов: Памятные книжки губерний и областей Российской империи. СПб., 1994.
- ²⁷³ *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 174. Ср.: *Павлова Г. Е.* Организация науки в России в первой половине XIX в. С. 106 и др.
- ²⁷⁴ *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России... С. 36 — 41.
- ²⁷⁵ Положение о Военно-ученом комитете. СПб., 1836. С. 26.
- ²⁷⁶ *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел. С. 7.
- ²⁷⁷ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 66.
- ²⁷⁸ На это обстоятельство справедливо указала Г. Е. Павлова. См.: *Павлова Г. Е.* Организация науки... С. 106.
- ²⁷⁹ ПСЗ-1. Т. XVIII. № 21 699.
- ²⁸⁰ См.: *Павлова Г. Е.* Декабрист Николай Бестужев — историк русского флота. М., 1953.
- ²⁸¹ ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 21 699.
- ²⁸² Там же.
- ²⁸³ Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом. Ч. 1. СПб., 1807. С. 2.
- ²⁸⁴ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 1. С. 546.
- ²⁸⁵ *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел. С. 5.
- ²⁸⁶ Там же. С. 7.

- ²⁸⁷ ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24 687.
²⁸⁸ Там же, § 32, 33.
²⁸⁹ Там же, § 37.
²⁹⁰ ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29 057.
²⁹¹ *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел.
С. 24.
²⁹² ПСЗ-2. Т. XI. № 9319.
²⁹³ *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел.
С. 16.
²⁹⁴ ПСЗ-2. Т. XVII. № 15 202.
²⁹⁵ Там же, § 5.
²⁹⁶ *Попов И. И.* Семидесятилетие Горного ученого комитета и «Горного журнала»//Горный журнал. 1900. № 7. С. 2.
²⁹⁷ Там же. С. 3.
²⁹⁸ Там же. С. 2.
²⁹⁹ ПСЗ-2. Т. IX. № 6747; Т. XLII. № 44 661.
³⁰⁰ Григорий Петрович Гельмерсен//Известия Геологического комитета. 1885. № 3.
³⁰¹ *Кокшиаров Н. М.* Воспоминания//Русская старина. 1890. № 3.
³⁰² См.: Список членов Горного ученого комитета 1837 — 1885 гг.//Обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. 1. Приложения. С. XX — XXI.
³⁰³ *Лоранский А. М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. С. 67.
³⁰⁴ Положение о Военно-ученом комитете... С. 26.
³⁰⁵ ПСЗ-2. Т. II. Приложение к № 1325.
³⁰⁶ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 139 — 142; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. С. 55.
³⁰⁷ Список членов Ученого комитета Министерства государственных имуществ//Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. 1. Приложения. С. VIII — X; Список членов Горного ученого комитета//Там же. С. XX — XXI.
³⁰⁸ *Рождественский С. В.* Историческое обозрение деятельности Министерства народного просвещения. 1808 — 1902. СПб., 1902. С. 420.
³⁰⁹ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат... С. 91.
³¹⁰ *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России. С. 26.
³¹¹ *Розенталь В. Н.* Идеиные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации//Революционная ситуация в России в 1859 — 1861 гг. М., 1963. С. 384 — 385.
³¹² См.: Список членов Ученого комитета Министерства государственных имуществ с 1837 по 1885 г.//Историческое обозрение пятидесяти-

- сятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. 1. Приложения. С. VIII — X.
³¹³ Списки личного состава Министерства государственных имуществ... С. VIII.
³¹⁴ *Брадке фон Е. Ф.*//Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 2. С. 247.
³¹⁵ См. подробнее: *Савельев А.* Исторический очерк инженерного управления... С. 180 — 181.
³¹⁶ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 5. С. 113.
³¹⁷ О составе и деятельности редакции «Журнала Министерства внутренних дел» см. главу V.
³¹⁸ РГИА, ф. 1290, оп. 3, д. 201, л. 6 — 7об.
³¹⁹ ПСЗ-2. Т. IX. № 7684.
³²⁰ Таблица составлена по данным: РГИА, ф. 1290, оп. 3, д. 201, л. 6 — 7об.
³²¹ РГИА, ф. 1290, оп. 3, д. 203, л. 1.
³²² ГАНО, ф. 61, оп. 1, д. 3, л. 2об — 3, 4 — 18.
³²³ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 104, л. 3об.
³²⁴ Там же, л. 6 — 6об.
³²⁵ Там же, л. 39.
³²⁶ Начальствующие лица Департамента сельского хозяйства [в 1853 г.]. СПб., 1854. С. 12 — 17.
³²⁷ РГИА, ф. 398, оп. 6, д. 1546, л. 1 — 32.
³²⁸ Таблица составлена по данным: Начальствующие лица Департамента сельского хозяйства [в 1853 г.], СПб., 1854. С. 12 — 17.
³²⁹ Начальствующие лица... С. 17.
³³⁰ См., например: РГИА, ф. 382, оп. 6, д. 1546, л. 1 — 32.
³³¹ РГИА, ф. 382, оп. 1, д. 70, л. 5 — 5об.
³³² Там же.
³³³ СЗ. Т. I. Устав об особых знаках отличия. Ст. 836, 112, 113.
³³⁴ Из более чем 280 человек, принявших участие в конкурсах Ученого комитета МГИ в 1841 — 1853 гг., членов-корреспондентов комитета было лишь 5 человек. Подробнее см. главу VI.
³³⁵ *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. С. 67.
³³⁶ *Павлова Г. Е.* Организация науки в России в первой половине XIX в. С. 105 — 106.
³³⁷ См.: *Степанский А. Д.* История научных учреждений и организаций дореволюционной России. С. 47; *Хартанович М. Ф.* Императорская Академия наук в системе государственных и общественных научных учреждений//Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 56 — 57.

- ³³⁸ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21 105.
³³⁹ Там же.
³⁴⁰ *Мирский М. Б.* Медицинская коллегия: Из истории медицины в России XVIII в. // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1995. № 2. С. 57.
³⁴¹ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21 105.
³⁴² ПСЗ-1. Т. XXX. № 23 185.
³⁴³ ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24 971.
³⁴⁴ ПСЗ-2. Т. X. № 86 661.
³⁴⁵ ПСЗ-2. Т. XXXII. № 31 989.
³⁴⁶ *Добронизский А. В.* Жизнь и деятельность И. А. Тимме // Записки Горного института. 1909. Т. 2. Вып. 2. С. 91.
³⁴⁷ *Вешняков В. И.* Высочайше утвержденный комитет об усовершенствовании земледелия в России // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. Вып. 1. СПб., 1891. С. 11 — 13.
³⁴⁸ ПСЗ-2. Т. XI. № 9097.
³⁴⁹ *Цитович С. Г.* Горыгорецкий земледельческий институт — первая в России высшая сельскохозяйственная школа (1836 — 1864 гг.). Горки, 1960. С. 15 — 17.
³⁵⁰ РГИА, ф. 398, оп. 6, д. 1589, л. 5 — 6.
³⁵¹ *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 23 — 24.
³⁵² Устав о городском и сельском хозяйстве // СЗ 1842 г. Т. XIII. Ст. 242 — 328.
³⁵³ Там же.
³⁵⁴ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. I. Отд. I. С. 72.
³⁵⁵ Обзор действий Департамента сельского хозяйства Ч. II. С. 121.
³⁵⁶ Таблица составлена по данным: Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет с 1844 по 1854 год. СПб., 1855. Ч. II. С. 48. Группировка материала выполнена автором.
³⁵⁷ РГИА, ф. 398, оп. 25, д. 9867, л. 14.
³⁵⁸ РГИА, ф. 398, оп. 13, д. 4471, л. 89 — 114.
³⁵⁹ Там же, л. 121.
³⁶⁰ Там же, л. 121 — 122.
³⁶¹ *Шапиро А.* К вопросу о привилегиях на изобретения в России в 30-х гг. XIX в. // Красный архив. 1939. Т. 5(96). С. 148, 162.
³⁶² ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25 143.
³⁶³ Министерство финансов (1802 — 1902). Т. 1. С. 245.
³⁶⁴ *Шапиро А.* К вопросу о привилегиях на изобретения... С. 150 — 165.

- ³⁶⁵ Там же. С. 153.
³⁶⁶ ПСЗ-2. Т. XV. № 13 888. МГИ осуществляло выдачу привилегий в сфере сельскохозяйственной промышленности до 1896 г.
³⁶⁷ Обзор действий Департамента сельского хозяйства... Ч. 1. С. 55; Приложение 6. С. 35 — 38.
³⁶⁸ РГИА, ф. 398, оп. 6, д. 1586, л. 15.
³⁶⁹ Там же, л. 16 — 17.
³⁷⁰ Там же, л. 29 — 30.
³⁷¹ Празднование столетия Лесного департамента. СПб., 1898. С. 13.
³⁷² Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. III. Отд. II. С. 175.
³⁷³ *Гинс Г. К., Шафранов П. А.* Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности. С. 343.
³⁷⁴ Обзор действий Департамента сельского хозяйства. С. 81 — 85.
³⁷⁵ ПСЗ-2. Т. XI. № 9319, § 9.
³⁷⁶ Там же. Т. IX. № 6716, § 10.
³⁷⁷ *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел. С. 41. Группировка материала осуществлена автором.
³⁷⁸ *Моисеев А. И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел. С. 40.
³⁷⁹ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21 105.
³⁸⁰ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21 699; *Огородников С. Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет. СПб., 1902. С. 38.
³⁸¹ Каталог библиотеки Ученого комитета Министерства финансов. СПб., 1864. С. I.
³⁸² РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 94, л. 8.
³⁸³ Каталог библиотеки Министерства финансов. С. I.
³⁸⁴ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 80, л. 1 — 7 об.; д. 104, л. 4 об. — 5.
³⁸⁵ Систематический каталог книг, находящихся в библиотеке Ученого комитета Министерства государственных имуществ. СПб., 1839. С. 3 — 4, 26 — 32.
³⁸⁶ РГИА, ф. 398, оп. 6, д. 1628, л. 1 — 2.
³⁸⁷ Там же, л. 2.
³⁸⁸ ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24 971; ПСЗ-2. Т. II. № 1325.
³⁸⁹ РГА ВМФ, ф. 162, оп. 1. д. 145, л. 17 об.
³⁹⁰ ПСЗ-2. Т. XXII. № 21 737.
³⁹¹ Министерство государственных имуществ. Инструкция библиотекарю Ученого комитета. Утверждена министром государственных имуществ 29.IV.1853 г. СПб., 1853.
³⁹² *Филиппов Н. Г.* Научно-технические общества России (1866 — 1917 гг.). М., 1976. С. 24; Инженерный журнал. 1866. № 9. С. 39 — 85.

- ³⁹³ Правила для библиотеки Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ. СПб., 1898. С. 8.
- ³⁹⁴ СВП 1859 г. Ч. 1. Кн. 1. Ст. 1565.
- ³⁹⁵ Каталог библиотеки Военно-медицинского ученого комитета. СПб., 1878.
- ³⁹⁶ ПСЗ-1. Т. XXXII. № 24 971.
- ³⁹⁷ ПСЗ-1. Т. XL. № 30 423.
- ³⁹⁸ См., например: *Попов И. И.* Семидесятилетие Горного ученого комитета и «Горного журнала»//Горный журнал. 1900. № 7. С. 1 — 11; *Варадинов Н. В.* Тридцатилетие «Журнала Министерства внутренних дел»//Журнал Министерства внутренних дел. 1859. № 4 (Ч. 38). С. 2 — 92. См. также: *Равич Л. М.* Библиография в «Журнале Министерства народного просвещения»//Труды Ленинградского библиотечного института. Т. 5. Л. 1959 и некоторые др. работы.
- ³⁹⁹ *Днепров Э. Д.* «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России: Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1966.
- ⁴⁰⁰ *Лагутина Е. И.* Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
- ⁴⁰¹ *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. С. 48.
- ⁴⁰² *Заблоцкий [Десятовский] А. П.* Речь к юбилею//Юбилей П. И. Кеппена 29.XII.1859 г. СПб., 1860. С. 2.
- ⁴⁰³ *Валькова О. А.* Формирование научной периодической печати в России в XVIII в.//ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 1997 г. Ч. 1. М., 1997. С. 30.
- ⁴⁰⁴ *Огородников С. Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет. СПб., 1902. С. 37.
- ⁴⁰⁵ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21 699.
- ⁴⁰⁶ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20 958.
- ⁴⁰⁷ Здесь и далее для характеристики периодичности изданий использованы данные библиографического указателя Н. М. Лисовского. См.: *Лисовский Н. М.* Библиография русской периодической печати. 1703 — 1900 гг. М., 1994. Т. 1 — 2.
- ⁴⁰⁸ ПСЗ-2. Т. II. Приложение к № 1325.
- ⁴⁰⁹ *Огородников С. Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет. С. 106.
- ⁴¹⁰ РГА ВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 177, л. 1 — 5.
- ⁴¹¹ Там же, л. 2.
- ⁴¹² Там же, л. 5.
- ⁴¹³ Там же.

- ⁴¹⁴ Там же, д. 177, л. 4 — 4об.
- ⁴¹⁵ Там же, л. 5.
- ⁴¹⁶ Там же, л. 1.
- ⁴¹⁷ Там же, д. 160, л. 1.
- ⁴¹⁸ *Днепров Э. Д.* «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России//Революционная ситуация в России в 1859 — 1861 гг. М., 1965. С. 242.
- ⁴¹⁹ Там же.
- ⁴²⁰ Там же. С. 232; см. также: *Китаев В. А.* От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50 — 60-х годов XIX века. М., 1972. С. 47 — 49.
- ⁴²¹ См.: *Шевырев А. П.* Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.
- ⁴²² *Китаев В. А.* От фронды к охранительству... С. 45.
- ⁴²³ См.: *Лагутина Е. И.* Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота...
- ⁴²⁴ РГА ВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 167, л. 3.
- ⁴²⁵ Там же, л. 4.
- ⁴²⁶ Там же, л. 1.
- ⁴²⁷ *Постников А. В.* Федор Федорович Шуберт//Творцы отечественной науки. Географы. М., 1996. С.130.
- ⁴²⁸ ПСЗ-2. Т. II. Приложение к № 1325.
- ⁴²⁹ РГА ВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 145, л. 22, 64.
- ⁴³⁰ *Огородников С. Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет. С. 131.
- ⁴³¹ Программа издания//Артиллерийский журнал. 1839. № 1. С.1.
- ⁴³² Там же.
- ⁴³³ Там же.
- ⁴³⁴ Там же. С. 2.
- ⁴³⁵ *Кузьминский К.* Очерк развития военной журналистики в России //Война и мир. 1906. № 7. С. 35.
- ⁴³⁶ Там же.
- ⁴³⁷ См.: *Лисовский Н. М.* Библиография русской периодической печати...
- ⁴³⁸ *Канкрин Е. Ф.* Обзор примечательных действий по финансовой части в течение последних 20 лет//Сборник сведений и материалов по Министерству финансов. СПб., 1865. С. 23.
- ⁴³⁹ ПСЗ-1. Т. XL. № 30 423.
- ⁴⁴⁰ *Попов И. И.* Семидесятилетие Горного ученого комитета и «Горного журнала»//Горный журнал. 1900. № 7. С. 2.
- ⁴⁴¹ Там же.
- ⁴⁴² Там же. С. 6.

- ⁴⁴³ Там же. С. 5 — 6.
- ⁴⁴⁴ *Варадинов Н.* Тридцатилетие «Журнала Министерства внутренних дел» // Журнал Министерства внутренних дел. 1859. № 4 (Ч. 38). С. 30.
- ⁴⁴⁵ *Павлов Н. И.* Воспоминания металлурга. С. 37.
- ⁴⁴⁶ *Вешняков В. И.* Высочайше утвержденный комитет... С. 12.
- ⁴⁴⁷ Там же. С. 11 — 12.
- ⁴⁴⁸ ПСЗ-2. Т. XII. № 10 834.
- ⁴⁴⁹ См. главу III.
- ⁴⁵⁰ РГИА, ф. 382, оп. 9, д. 1, л. 19об.
- ⁴⁵¹ Там же.
- ⁴⁵² Таблица составлена на основании списка литературы, опубликованного в «Обзоре действий Департамента сельского хозяйства с 1844 по 1853 г.». С. 20 — 24.
- ⁴⁵³ РГИА, ф. 398, оп. 25, д. 9867, л. 13.
- ⁴⁵⁴ *Пятковский А. П.* Князь Владимир Федорович Одоевский. СПб., 1880. С. 7.
- ⁴⁵⁵ См.: *Виргинский В. С.* Владимир Федорович Одоевский. Естественнаучные взгляды. М., 1975. С. 85.
- ⁴⁵⁶ Русское общество 40 — 50-х годов XIX в. Ч. I. Записки А. И. Кошелева. М., 1991. С. 84.
- ⁴⁵⁷ О конкурсах Ученого комитета МГИ см. главу VI.
- ⁴⁵⁸ *Пошко Б. Г.* Статистико-экономические описания 40 — 50-х гг. XIX в. // Научные записки Ленинградского финансово-экономического института. Вып. XIX. Л., 1959. С. 14.
- ⁴⁵⁹ Библиографический обзор изданий Центрального статистического комитета МВД, вышедших по 1 августа 1895 г. СПб., 1895.
- ⁴⁶⁰ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 104, л. 15.
- ⁴⁶¹ *Пошко Б. Г.* Социально-экономическая статистика дореформенной России (1701 — 1861 гг.): Автореф. дис. ... докт. экон. наук. Л., 1963. С. 10.
- ⁴⁶² Там же. С. 19.
- ⁴⁶³ Цит. по: *Варадинов Н.* Тридцатилетие «Журнала Министерства внутренних дел» // Журнал Министерства внутренних дел. 1859. Ч. 38. С. 4 — 5.
- ⁴⁶⁴ Там же.
- ⁴⁶⁵ Там же. С. 11, 28.
- ⁴⁶⁶ Там же. С. 30.
- ⁴⁶⁷ Там же. С. 30 — 31.
- ⁴⁶⁸ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 104, л. 6 — 7об.
- ⁴⁶⁹ *Варадинов Н.* Тридцатилетие «Журнала Министерства внутренних дел»... С. 42.
- ⁴⁷⁰ Там же. С. 34.

- ⁴⁷¹ Юбилейный сборник Центрального статистического комитета... С. 7.
- ⁴⁷² Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839.
- ⁴⁷³ См.: Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1841.
- ⁴⁷⁴ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 141, л. 3.
- ⁴⁷⁵ Там же, д. 169, л. 17об.
- ⁴⁷⁶ *Варадинов Н.* Тридцатилетие «Журнала Министерства внутренних дел»... С. 37.
- ⁴⁷⁷ См.: *Куник А. А.* Об ученых сборниках и периодических изданиях Императорской Академии наук с 1726 по 1852 год // Ученые записки Императорской Академии наук по Первому и Третьему отделениям. СПб., 1852. Т. 1. Вып. 1.
- ⁴⁷⁸ *Павлова Г. Е.* Организация науки... С. 167.
- ⁴⁷⁹ *Павлова Г. Е.* Организация науки...; *Хартанович М. Ф.* Императорская Академия наук в системе государственных и общественных научных учреждений // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 56 — 76.
- ⁴⁸⁰ ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20 863.
- ⁴⁸¹ ПСЗ-2. Т. XI. № 8765, § 3.
- ⁴⁸² *Павлова Г. Е.* Организация науки... С. 115.
- ⁴⁸³ *Хартанович М. Ф.* Императорская Академия наук в системе государственных и общественных научных учреждений... С. 67.
- ⁴⁸⁴ Цит. по: Министерство финансов. 1802 — 1902. Ч. 1. С. 348 — 349.
- ⁴⁸⁵ Там же. С. 349.
- ⁴⁸⁶ Там же.
- ⁴⁸⁷ *Хартанович М. Ф.* Императорская Академия наук в системе государственных и общественных научных учреждений... С. 64, 66.
- ⁴⁸⁸ Отчет за 1844 г. по Управлению генерал-инспектора инженеров // *Савельев А.* Исторический очерк инженерного управления. Приложение. С. 85.
- ⁴⁸⁹ *Вешняков В. И.* Высочайше утвержденный комитет... С. 22.
- ⁴⁹⁰ Обзор действий Департамента сельского хозяйства за 1844 — 1854 гг. С. 1.
- ⁴⁹¹ Там же.
- ⁴⁹² РГИА, ф. 398, оп. 2, д. 354, л. 1 — 2об.
- ⁴⁹³ Там же.
- ⁴⁹⁴ Там же, л. 75.
- ⁴⁹⁵ Ответы на задачи Ученого комитета Министерства государ-

- ственных имуществ на конкурс 1841 — 1842 годов. СПб., 1843. С. I — II.
- ⁴⁹⁶ Обзор действий Департамента сельского хозяйства... С. 2.
- ⁴⁹⁷ Таблица составлена по данным: Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 год. СПб., 1855. С. 2 — 17; Ответы на задачи Ученого комитета Министерства государственных имуществ на конкурс 1841 — 1842 годов. СПб., 1843.
- ⁴⁹⁸ Обзор действий Департамента сельского хозяйства... Добавление к главе I. Ч. I. С. 1.
- ⁴⁹⁹ Тематику конкурсных задач см.: Обзор действий... С. 4 — 17.
- ⁵⁰⁰ РГИА, ф. 398, оп. 25, д. 9867, л. 14об. — 15.
- ⁵⁰¹ ПСЗ-2. Т. XXXI. № 31 303.
- ⁵⁰² РГИА, ф. 398, оп. 25, д. 9867, л. 13 — 14.
- ⁵⁰³ *Ходнев А. И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 по 1865 год. СПб., 1867. С. 446 — 447.
- ⁵⁰⁴ Там же. С. 429 — 440.
- ⁵⁰⁵ См.: *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество в России. 1765 — 1917 гг. М., 1963; *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845 — 1895. Т. I. СПб., 1896; *Морачевский В. В.* Сельскохозяйственные общества в России. СПб., 1911 и др.
- ⁵⁰⁶ См.: *The Patronage of Science in Nineteenth Century*/ Ed. by G. L'E. Turner. Leyden, 1976.
- ⁵⁰⁷ *Александров Д. А.* Историческая антропология науки в России// Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 10.
- ⁵⁰⁸ ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19 832, 19 896. См. также: *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество... С. 35.
- ⁵⁰⁹ ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 27 623.
- ⁵¹⁰ *Пахман С.* О значении и постепенном учреждении сельскохозяйственных обществ в России. Казань, 1855. С. 26.
- ⁵¹¹ ПСЗ-2. Т. XXIV. № 22 938.
- ⁵¹² Там же. Т. XXXVI. № 37 758.
- ⁵¹³ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества... С. 7 — 8.
- ⁵¹⁴ *Соболева Е. В.* Организация науки... С. 142.
- ⁵¹⁵ Записки Русского географического общества. Кн. I, II. 2-е изд. СПб., 1847. С. 16.
- ⁵¹⁶ РГА ВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 145, л. 2.
- ⁵¹⁷ Ср.: Устав РГО//ПСЗ-2. Т. XXIV. № 23 778; Уставы ВЭО 1765 и 1824 гг.//Уставы Императорского Вольного экономического общества и Высочайшие рескрипты ему данные. СПб., 1899.

- ⁵¹⁸ *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество... С. 30.
- ⁵¹⁹ *Ходнев А. И.* История Императорского вольного экономического общества... С. 301.
- ⁵²⁰ ПСЗ-2. Т. VIII. № 6567; см. также: *Пахман С.* О значении и постепенном учреждении сельскохозяйственных обществ в России. С. 35.
- ⁵²¹ ПСЗ-2. Т. XII. № 10 834.
- ⁵²² Там же.
- ⁵²³ *Орешкин В. В.* Вольное экономическое общество... С. 36.
- ⁵²⁴ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. III. Отд. II. С. 229.
- ⁵²⁵ ПСЗ-2. Т. VII. № 5186.
- ⁵²⁶ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. III. Отд. II. С. 229 — 230.
- ⁵²⁷ Там же. С. 230.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ХОДЕ РЕФОРМ 1802 — 1809 гг.	9
Глава II. ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ ВЕДОМСТВЕННЫХ НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 1810 — 1840-е гг.	35
Вторая министерская реформа 1810 — 1811 гг.: законодательное оформление роли и места «ученых установлений» в структуре административного управления	35
Министерские ученые подразделения во второй четверти XIX в.: вспомогательная наука и николаевская бюрократия	46
Попытки создания сети ведомственных научных подразделений в провинции	71
Глава III. СТРУКТУРА ЧЛЕНСТВА И СОСТАВ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ И СОВЕТОВ	79
Кадровый состав ученых комитетов и советов	79
Корреспондентские сети ученых комитетов	96
Глава IV. СТРУКТУРА ЗАДАЧ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ	105
Глава V. НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ	118
Библиотеки ученых комитетов	118
Издательская деятельность министерских научно-вспомогательных подразделений	123
Глава VI. УЧЕНЫЕ КОМИТЕТЫ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ. ОПЫТ КООРДИНАЦИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТ	149
Заключение	169

Приложения

<i>Приложение 1.</i> Структура задач (предметы ведения) ученых комитетов и советов министерств в первой половине XIX в.	171
<i>Приложение 2.</i> Члены-корреспонденты Ученого комитета Министерства государственных имуществ в 1853 г.	173
<i>Приложение 3.</i> Ведомственные издания научного, технического и прикладного профиля, издававшиеся при участии научно-вспомогательных подразделений министерств.	175
Примечания	177

Научное издание

Алексей Андреевич Миронос

РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ И НАУКА

*Научные подразделения министерств и ведомств
в первой половине XIX в.*

Монография

Редактор *Е. Б. Носова*

Компьютерная верстка *О. Н. Барабаш*

План 2000 г., код 133. ИБ 1096. Лицензия № 020235 от 20.01.97

Подписано в печать 14.06. 2000. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура таймс. Усл.-печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 10,97. Тираж 500 экз. Заказ 781. С 538.

Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского,
603600, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23.

Отпечатано в типографии Нижегородского гуманитарного центра.

